

ЧЕЛОВЕК

янис грантс /челябинск/
 юлия долгановских /екатеринбург/
 инна домрачева /екатеринбург/
 нина злаказова /москва/
 андрей дмитриев /нижний новгород/
 alexander петрушкин /кыштым/
 владя смехов /челябинск/
 константин латыфич /екатеринбург/
 изяслав винтерман /иерусалим/
 татьяна комиссарова /москва/
 alexander бубнов /курс/
 инна иохвидович /германия/
 игорь силантьев /новосибирск/
 евгений ивачевский /екатеринбург/
 ян любимов /челябинск/
 фотя витрыло /шпола/
 ирина любельская /московская область/
 дмитрий дедулин /харьков/
 виктор качалин /москва/
 ильдар харисов /берлин/
 виталий шатовкин /новосибирск/
 alexander макаров-кратков /москва/
 артем татарнинов /тюмень/
 natalia хмелева /измаил-дюссельдорф/
 лиана шахвердян /ереван/
 салават кадыров /верхний уфалей/
 сергей шуба /новосибирск/
 alexander карпенко /москва/
 константин медведев /бологое/
 михаил моисеев /новосибирск/
 юрий яacobson /иркутск/

андрей санников /екатеринбург/

анна лукашенко /екатеринбург/
 дмитрий близнюк /харьков/
 ольга андреева /ростов-на-дону/
 елена коро /евпатория/
 alexander ходаковский /харьков/
 natalia емельянова /нижний новгород/
 петр матюков /бердск/
 галина булатова /казань/
 alexander добровольский /смоленск/
 ирма гендернис /лиепая/
 владислав пеньков /таллин/
 эдуард учаров /казань/
 инна девятьярова /сankт-петербург/
 лариса сонина /челябинск/
 victoria берг /каалининград/
 alexander трудлер /беер-шева/
 alexander веселов
 alexander корамыслов /воткинск/
 эвфина фаталь /ставрополь/
 alexander павлов /армавир/
 marina чиркова /мытищи/
 галия /екатеринбург/
 ярослав пичугин /москва/
 михаил пучковский /москва/
 константин корнеев /иркутск/
 alexander соболев /ростов-на-дону/
 ольга вирязова /москва/
 vladimir монахов /брaтск/

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЕКТ ВЕЩЕСТВО

№3

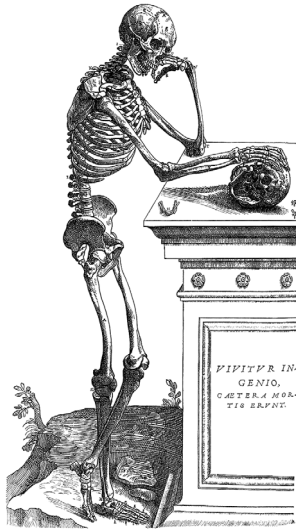

2018

SUBSTANTIA

SECTION III
ЧЕЛОВЕК

[...] Кто был здесь? Говорящий человек,
владевший языком членистоногим,
умевший говорить повсюду эхом,
не зная ни молчания, ни речи?

(Иван Жданов)

литературный проект «вещество»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ΑΣΤΥΝΟΜΙΑ / ЧАСОВОЙ

янис грантс /7/ юлия долгановских /9/ инна домрачева /12/
нина злаказова /14/ андрей дмитриев /17/ александр петрушкин /22/
владя смехов /26/ константин латыфич /30/ изяслав винтерман /42/
татьяна комиссарова /44/ александр бубнов /47/ тейт эш /52/

ΜΙΑ ΠΡΟΕΙΔΟΠΟΙΗΣΗ / ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

инна иохвидович /59/ игорь силантьев /68/ евгений ивачевский /73/
ян любимов /78/ фотя витрыло /81/ ирина любельская /88/
дмитрий дедюлин /96/ виктор качалин /101/ ильдар харисов /107/

ΕΜΒΡΥΟ / ПЛОД

виталий шатовкин /111/ александр макаров-кротков /123/
артем татаринов /126/ natalia хмелева /132/ лиана шахвердян /139/
салават кадыров /146/ сергей шуба /149/ александр карпенко /155/
константин медведев /156/ михаил моисеев /159/ юрий яacobсон /164/
анна лукашенок /165/ дмитрий близнюк /166/ ольга андреева /168/

ΣΚΑΦΟΣ / РЕМЕСЛО

елена коро /177/ александр ходаковский /180/ natalia емельянова /184/
петр матюков /194/ галина булатова /213/ александр добровольский /218/
ирма гендернис /224/

ΚΑΘΑΡΙΣΜΟ / ОЧИЩЕНИЕ

владислав пеньков /233/ эдуард учаров /238/ инна девятьярова /240/
лариса сонина /246/ виктория берг /248/ алекс трудлер /252/
алексей веселов /256/ александр корамыслов /260/
эгвина фаталь /263/ александр павлов /267/ marina чиркова /270/
галия /271/ ярослав пичугин /273/ михаил пучковский /276/
константин корнеев /282/ александр соболев /284/
ольга вирязова /289/ владимир монахов /293/

ΔΙΑΙΡΕΣΗ / МЕЖЕВАЯ ВОДА

Андрей Санников /5, 57, 109, 175, 231/

Авторы номера /296/

ΑΣΤΥΝΟΜΙΑ

В сибирской Сербии, среди густых таджиков
стоял с ружьем стеклянным на посту
(а пули деревянные в ружье,
а вместо пороха - подсолнечное масло
в патронах).

Низко-низко дирижабли
однажды на закате пролетели,
крича частушки в громкоговоритель
про подвиг адмирала Колчака
и страны в Ледовитом океане,
где день - полгода, но и ночь - полгода.

ЧАСОВОЙ

А вот - ещё.
Однажды в сентябре
земля открылась и, как из метро,
оттуда выехал наружу поезд,
остановился, а потом, попятясь,
втянулся в почву, как бы оглянувшись.

Земля закрылась. Падала листва,
хотя деревьев не было. Кукушка
то куковала - 20 раз и 30,
то принималась хохотать взахлёб.

Андрей Санников

Янис Грантс
/Челябинск/

Техас

АВТОСТОП

помешанный на машинах
идёт пешком по шоссе
вдоль кукурузы.
голосует.

техас.
майолика неба.
меньшинство облаков.
глубокие морщины ковбоя,
как театральный грим, –
слишком уж нарочиты.
(он закрыл цех.
обрабатывающая промышленность
осиротела).

мрамор дороги – всего лишь
прямая (из космоса)
без признаков чего-либо.

вэлкам, говорит она,
постукивая маникюром
цвета кукурузного поля
по рулю.

САНТА

санта-клаус разносит подарки.
на рождество.
техас.

техника безопасности –
превыше всего:
не пить,
не седлать,
не участвовать в жертвоприношениях.

санта-клаус – что святой под парусом
(это ещё почему?),
или разносчик пиццы
(а это почему?),
или салют из двадцати одного орудия
(ну, совсем не то).

первый же мальчик свирепо
разрывает свёрток
(словно знает, что грузовик
из магазина уценённых товаров).
его мама вдруг запекает
(на какой-то весёлый мотивчик):
санта-санта-добрый-санта,
я на антидепрессантах
день-деньской сжжу-сжжу,
ля-ля-ля и жу-жу-жу.

катастрофический масштаб бедствия,
про себя оценивает санта-клаус
и прячется за декорации.

Юлия Долгановских /Екатеринбург/

ANAMNESIS

-I-

стояла засуха
скребла наждачкой рты
в труху крошила землю

— милый мой! —
вскричала женщина однажды поутру —
ты стал тяжёл настолько стал тяжёл
что мысли лёгкие как пёрышки скворца
поспешно разлетаются от страха
тобой раздавленными быть — смотри смотри
последнее планирует по скверу
как будто не торопится на я
пожалуй что потороплюсь сегодня

взлетела и пропала в облаках

тяжёлый человек вздохнул — он пах
сухою глиной и имел манеру
ловить слова
их пережёвывать до праха
и разбавляя скудной слюною
лепить кирпич за кирпичом
вот и сейчас
он проглотил слова любимой молча
но в полночь встал с постели и упал
от резкой боли — голова и позвоночник
принадлежали будто разным людям а язык
пустился в пляс жонглируя словами

-II-

— голубчик мой! — развёл руками доктор — с вами
творится что-то неизвестное науке
останьтесь-ка у нас понаблюдаем

тяжёлый человек остался — горемык
в лечебнице живущих он чурался
но и они его не жаловали — страшно
смотреть им было на большого человека
внутри которого неведомая сила
толкалась бесновалась выставляла
сквозь кожу нечто острое и злое
и неподвластное простому представлению
о человеке что к тому же сыпал
мельчайший бисер иноземных слов

а толмача при доме скорби не держали

-III-

дрожал невыносимо душный полдень
изнемогающих больных в пижамах белых
переместили из палат в больничный сад
потом конечно спорили кто виноват
и что в подобных случаях пристало делать
но после после

в тот ужасный час
тяжёлый человек увидев тучи
воскликнул — Аманис о Аманис!
прижал ладони к голове и — ах! —
та самая неведомая сила
пробив насквозь грудину плечи темя
на волю вырвалась и устремилась ввысь
да да! та самая Этеменанки
семиступенчатая пирамида
коснулась облаков и хлынул град
столпотворение камней и капель

-IV-

дождь шёл и шёл тринадцать долгих лет
неспешно размывая сад больницу
и лёгкие останки человека
качалась башня на сыром ветру

— но и она не выдержит воды —
подумал старый доктор раскрывая
над голову зонт — поскольку контрфорсы
не предусмотрены а их внедрят
из анатомии в строительство не скоро
лет этак через тысячу пожалуй

смахнул с халата пёрышко скворца
и затерялся в небе Вавилона

Инна Домрачева
/Екатеринбург/

У людей всё точно так же

* * *

Драгоценный мусорный пакет,
У людей всё точно так же.
Сначала ты новенький, хрустящий,
Гордо несёшь батон, сметану и яблоки.
Потом сверху кладут грязные перчатки,
Кусачий шарф, трёхтомник Зоценко
И поллитру «Столичной».
Ты дрожишь ручками, но думаешь:
«Донесу».
А заканчивается всё тем,
Что в тебя вытряхивают окурки из пепельницы,
Остатки сельди под шубой,
Засохший мозольный пластырь
И, конечно, пустую бутылку
Из-под «Столичной».
Но ты не плачь.
Знаешь, некоторые ведь сразу рождаются
Мусорными пакетами.
Лежат в рулоне и думают:
«Скоро мусор выносить».
Но некоторым из них везёт.
Бывает, например,
Нужно
Закутать от дождя
Трёхтомник Зоценко,
А других пакетов в доме и нет.
Вот ведь какие прекрасные
Случаются иногда чудеса.

* * *

Бывают пластилиновые,
Бывают стеклянные,
Оловянные и бумажные,
А бывают люди,
Собранные из говна и палок.
А они вовсе не виноваты,
Что там, наверху,
Плановая экономика,
Мало ли,
Что рёбер и глины не завезли, -
Продукцию вынь да положь.
И вот живут они такие,
Из говна и палок,
А у них, между прочим,
Тоже копролит стучит от восторга,
Тоже нравственный закон
Под грудным штакетником
И звёздное небо над головой.

Нина Злаказова

/Москва/

Зеркальные мастерские

ШОТЛАНДСКАЯ ШАПОЧКА

Ленточка, стрелка, чулки,
листья каштанов и клёнов,
шотландская шапочка, башмаки -
подробностей удивлённых
столько, что хватит на жизнь...

Девочка, шар мой стеклянный,
вижу, твой обруч дрожит,
сверкает и катится прямо,
падает в тонких тенях
на гравий, где солнце и астры...

и ты, не взглянув на меня,
в беспамятном прячешься завтра.

КАК ВЕТКА

жизнь вырастет, как ветка, в тишине
давным-давно заброшенного сада,
в глуши безбожной, непролазной тьме,
но, может быть, так надо

и дом забытый чист, как пустота,
фланель листвы, сорочья рыхлость твида,
и столько вишен, что не видно дна,
куда упасть, не видно

бог бережёного и дальше бережёт
и укрывает небом, чащей, дымом,
ладонями - всё будет хорошо
в рассказе длинном

ЗЕРКАЛЬНЫЕ МАСТЕРСКИЕ

колодезный март подливает горячий воск,
стережет подо льдом плакучее летнее синее

ты не любишь зеркальные зябкие мастерские -
время бежит с карниза,
пробивая защитный лоск

тебе бы понравились старинные зеркала,
те, что почти невинны, текучи и беззащитны

беспольный век, который прошлому не засчитан,
выглядит как подарочный серебряный шоколад

заверните красиво! пускай увидят потом
седые дорожки вытертой амальгамы,
потревоженный дамский профиль, целый, как яблоко, дом -
между стеной и зеркалом, между двумя веками

зеркальная фабрика марта: осколки плывут, дрожат
тысячи солнечных зайцев пляшут и бьются,
и самый ловкий в тени соседнего гаража
чумазый мороженный снег выкладывает на блюде

осколки зеркала в мусорных баках - ищи-свищи -
свет мой, зеркальце! может, из тех осколков
сложится синее счастье...

голубятни, старые гаражи
и солнечным кружевом голуби — не сосчитать, сколько

НЕМУЗЕЙНАЯ ЧАШКА

одиночество смыкает жилистые крыла
чашка неба, как старый фарфор, бела
прожилками трещин — время - который век!
сколотый край,
драконы головы в синеве

жалко чашку... экспонат не музейный, да
счастье на каждый день не достанешь со дна
слепое солнце выщерблено жарой
человек к человеку идёт,
а мнится — гора с горой...

река и ещё одна — где её русло, брат?..
пена горячего света, белого серебра
мы не параллельны, но нераздельны где -
щербатой чашки
линии на руке

разомкни - ну что тебе глушь моя...
ещё один, непрорезанный явно в явь
город в туманном утреннем молоке
разожми ладонь
дай вздохнуть
линиям на руке

Андрей Дмитриев
/Нижний Новгород/

С мокрой изнанки век

***

Валерьян Валерьянович –
сродни валерьянке
в пузырьке тела, что на ночь
стремится найти мягкий
повод остаться пустым и лёгким,
не следуя предписаниям этикетки.
По капле, по капле выдавливает из себя волка,
потом зайца, потом постепенно
и начальника склада – превращается в сон-траву.
Жена гладит его по голове,
приговаривая: Валерьян, Валерьян, я тут,
я живой в этой тьме человек.
Валерьян Валерьянович,
глубоко вздохнув,
упавший навзничь –
уже где-то там – наверху...

Клубится реальность –
верней уже то, что за ней.
Сейнер медленным тралом
выуживает окуней
из моря такого,
что не найти берегов,
а над ним – будто огромный колокол –
гудит атмосфера малиновым звоном – гол
её лоб – лишь ободок «спаси и сохрани».
Язык её ветром раскачан
на колокольне зари,
откуда весь мир –
словно резиновый мячик.

Валерьян Валерьянович –
спит, движутся волны –
несут его тело, и надо лишь
отпустить себя – вольным,
такой валерианой подлунной, подножной –
выстоянной на каждом сделанном вдохе.
Ночная прохлада остужает кожу,
под веком опущенным ищет кого-то око.

Валерьян Валерьянович
утром проснётся с чувством,
что вышло море. Съест пирожок с капустой,
запьёт его чаем – как и давеча.
Поцелует жену и поедет на склад,
где по ящикам пыльным разложен насущный хлеб,
но сколько ни пей валерьянки – из этих когтистых лап
не вырвешься – слишком голоден лев.

И надо б представить руку на голове,
что гладит, раскрыв над теменем парашют
под музыку голоса: я живой в этой тьме человек,
Валерьян, Валерьян – я тут.

***

Всё заметёт снег,
но – втиснутый в чистый бланк –
выживет человек
в белой копне бумаг –

будто нелепый клерк,
что оказался наг
перед лицом коллег,
знающих что и как
в этот каменный век,

но вклеенных в душный мрак
с мокрой изнанки век...

***

Полуживые люди открыли в себе человека –
ощутили ток крови, нащупали черты лица,
обрели способность двигаться,
поняли важность слов, применили органы зрения,
стали различать вкус пищи,
научились дышать полной грудью,
и только один усомнился в реальности происходящего –
нет, не Станиславский,
а главный врач больницы,
знакомый с историями болезней каждого,
где ни разу не упоминался диагноз «самосознание».

***

Мы родились в дерюге –
в рубашке, истлевшей заранее –
но нашему зябкому телу – де-юре
новорождённому, де-факто уже израненному –
это стало последней защитой.
В прорехах – сквозил январь,
и в том, что они не зашиты –
была роковая канва –
однако на босу душу
и этот отрез ветхой ткани
тепла – хоть немного да суживал
ниточными руками...

Ветер – выл над роддомом,
в стёкла – вмерзало небо.
За материнским стоном –
к небу тянулись вербы –
чёрные, тонкие жилы,
ждущие, что вот-вот из почек –
вырвется возглас жизни,
и оборвётся прочерк.

Мы родились – спонтанно,
как вопреки грубой воли

хищных своих обстоятельств. Стали
сгустками первой боли,
позже – пристальным слухом и взором,
сердцем, стучащимся в двери,
полем вопросов со всходами скорыми
своих же ответов неверных.

Грей, грей, простая дерюга –
ставшая кожей нашей.
Мы говорим друг другу,
что родились в рубашке.
Мы изучаем друг друга
по новым прорехам рубашки.

***

Михаил Полуэктов – вода в ковше –
тихий омут в масштабах маленького ковша.
Знал бы кто, что у него на душе –
не твердил бы, мол, тишина – хороша.
Ведь в воде – и стронций, и ртуть, и мышьяк –
и невесть чего до полного передоза.
Та вода, что когда-то хлюпала в камышах –
нынче – малая проза
в переводе на язык сложной химии, на латынь,
столь холодную в заключениях экспертизы.
Михаил Полуэктов – остаться мечтал молодым,
и его перелили в герметичную призму.
Но мечту нарушил закон судьбы –
ротозей-лаборант сосуд уронил и разбил...

***

Над пепелищем прожитого, над золой
поверженного времени – в порядке следуемой иллюзии –
сидит человек – покинувший сперва село,
потом город, рамки школ и традиций, крепкие узы,
позже шаткие инсинуации, радикальные взгляды узкого круга,
поиск новых наростов на старом стволе,
затем собственный свитер и вечер, в котором выюга –
самый отчётливый голос. Скоро очнутся глаза в январе –

таким же предрасположенном к хождениям за три моря.
Сидит человек – над тлеющим тёплым пеплом –
греет ладони, ведь огонь назначение помнит прямое –
даже когда потухнуть успел он...

Александр Петрушкин
/Кыштым/

Зазор

* * *

Человек – зазор меж собой и собой:
то падёт, как снег, поднимая свет,
то, ребро в себе преломив, солжёт,
выжимая свою – как рубаха – смерть.

И звезда, что в разоре его видна,
прирастает скважиной вдоль воды,
и сдирает шкуры добра и зла,
и в провале их, как снежок, хрустит.

По кругам своим человек идёт,
немоту в циферблат и мороз разжав,
и горит у него в голове двойной
плеск звезды, чьим простором и веслом он стал.

* * *

Кто зрителя собрал в конструктор кинозала
и выплеснул его, как лодку и химеру,
которая ключом лежит внутри причала,
а остальное ты не принимай на веру –

ведь пропись лопастей точней чистописанья,
и ты идёшь по ней, вверяя темноту
звезде, в которой дно качнёт первоначала
не дерево ещё, но шелест, в высоту
разжатый, как пружина, что смерть в руке скрывает,
когда её, как время, здесь наизусть соврут.

Или улыбка птиц многоязычней этих,
щебечущих, по свету летающих щеглов,
листвы, что в них парит, как медная монетка,
умножившись сквозь ксерокс ответных голосов.

* * *

Имя заёмно – оно не моё.
Скоро верну я его и по зимней
тёплой дороге пойду так легко,
будто бы не был я – тёмный и синий.

Если смахнёшь ты мои имена
в свет или сумерек белые крохи –
ты возврати сюда всё же меня –
только без имени, имя не трогай.

Пусть оно тает на белой руке
у воробья или местной погоды –
имя как имя, но это это не всё
с чем я иду к Тебе – черный, ломотный.

Встану я в центре у бега имён,
чести чужой и родного бесчестья –
нет у меня ничего, ничего –
всё у Тебя, ничего неизвестно.

* * *

Когда на донышке лишь голос
остался, чтоб идти сквозь воды
сухие, в этом птичьем море
держась за смерти пряный волос,
Живой, один, там пролетает
и смотрит на меня сквозь линзу
из космоса и к морю глаза –
себя, как смерть мою, приблизив.

Мы переходим вместе воды
по дну молчания слепого –
молчание всё громче, громче
и неделимо больше – снова.

* * *

Когда ты стал колодцем и снаружи
тебя звучали вёдер голоса
и продлевали путь воды, из стужи
вычерпывая в небо небеса –
кто обнаружил нас с тобою в этом
несотворённом глазе [и когда?]
пока вращалась часовая стрелкой
воды холодная подзорная труба?

ИГРА В СНЕЖКИ

Слоится воздух, камня
в подземный радиоэфир,
где вырезают батискафы
синиц из черно-белых дыр
[причину шуриться в просветы]
тебе родные мертвецы
и говорят, что смерти нету,
и отчего-то веришь им.
Неотвратимой скудной речью
ты крутишь на ладони щель –
невроз из немоты и снега,
молчаний дрель.

* * *

Человека бумага размокнет и станет щелью –
прижимая зрачок к пейзажу, всегда оставляешь зазоры
между воздухом и морозом, которым взгляд леплен,
и любимой и смертью её, и за смертью такие просторы,
ледяные края, до которых – взор – долетевши,
обрастёт всей жизнью, как шерстью замедленной/влажной,
как немое кино о прибытии:

– поезд! поезд! – закричат мальчишки, становясь в снег влетевшей чайкой,
прижимай же взгляд, словно в стенку вгоняя кнопку
человечью – то, что успел он увидеть – вещи
вынимаемая, как плёнку засвеченную из тьмы – где кромка

его зренья – стоит один (потому безвиден,
как бумага) и трескается в снегопад, возвращаясь в лодку.

* * *

Пока ты жив ещё, а не здоров –
не щёлкнул над тобою полароид
бессмертья ангела [сомнительно] уста
и это всё тебя не беспокоит,

и трение из снов и скоростных
составов, прибывающих на сонный
вокзал, закрытый между век твоих,
не весит выдоха, которого не стоит.

И над тобой склонился тёмный свет,
и выдирает зрение из пасти,
к которому возможно ты привык –
как будто к смертности своей или напасти

любой другой, которая двоит
и повторяет место, то, что рядом
идёт с тобой, чтоб знал куда идти,
хотя идти ещё совсем не надо,

где наблюдатель покидает кадр
свой, вынутый из сна, из фотоснимков,
что зрением выкачивают нас
из времени, лишая его смысла.

Когда не жив, и зрения послед
сдираю в кожуру иного снега –
кто мне щебечет, что я оживу,
что верно – потому что неуместно?

Владя Смехов

/Челябинск/

Рыбаки и дети

По слогам

крайняя плоть рифмуется с полостью рта
такова любовь в стихах
счастье это когда я могу убить тебя по частям
ты не такая как все я не такой как все
мы одинаковы
тьма украдет твои глаза
без меня ты
петушок на палочке
редкостный дурак вредный притом
но и я без тебя абы кто
так себе даже не белый
без меня ты пение птиц
над мертвой рекой
кости рыб перебитые через бы
но и я без тебя алфавит из
трёх букв с безымянной горы
подслеповатый котенок у потока воды
так захочешь погибнуть героем а союза
нет уже придется подвиг делить надвое
будем жрать друг друга в искреннем
чувстве голода скоро нас не останется
только деревья рукоплещут ветками последнего
выдоха только тьма украдет твои глаза
превратив меня в звук сделай мне хорошо
урони меня в пустоту по слогам с пятого этажа

Шпаликов

в долгой счастливой жизни
слишком много повешенных
на простынях распоротых
запятнанных памятью любви
они всплывают весной они
сняты с четверга на пятницу
распяты вверх ногами
распоротые животами
с кругами под глазами
из хрустала
процесс мысли встает станками
детали механизма протестуют
посреди долгой счастливой жизни
трижды проклятой всуе
но наступит утро равнодушное
и простое как выстрел
из тишины вынырнет сбитая с толку
птица собака уронит об землю лай
попадая в ритм долгой счастливой жизни
где побег обречен на провал

ЖЭК

встречай мужчину так
словно он вернулся с войны
проиграв её сдавшись в плен
опозорившись вымоля жизнь
обнимай его приговорив к любви
каждый день по красной цене
дезертира ренегата мужчину мечты
настоящего человека
покажи ему не знавшему родины
силу прощения высшей меры
когда жалеешь себя как не зверя
за секунду до усыпления
пусть кожу подерет стеклом тоски

и поделом завертится карусель
электричеством нервных узлов
цветы у окна обретаясь воспрянут
на топливе яром раздробленных тел
в доме вашем нетронутым бомбой
построенном джеком
обворованном жэком
всегда будет тепло.

Филумения

Мой отец себя поджигал
и имел уважение
утверждал
на моём семени замешан
напалм
говорил сын будь твёрдым
в решениях
жестким жестяным
как барабан
пусть в мутных водах слов
не утонет правда
возьми канистру керосина сын
возьми спичек короб ширкни о бок
и будь таков
польхни как ян палах
на рождественский праздник
беспризорным детям подари смех
провозгласи тепло
в наших хилых домах без окон
в наших бедных жилах на кровь
возьми канистру керосина сын
возьми спичек короб ширкни о бок
и будь таков

Хрущевский квартал

хрущевский квартал
рядом парк
в парке пруд
в пруду труп
до работы пешком
тридцать минут
Хозяйка кошек умерла.
хозяйка кошек умерла
нешадно время убывает
монетой в кошелек
уют и тот убит
котят пристроить некуда
расстреляны дома
ладони синие молчат
заламывая пальцы в счёте
одна река жива через дорогу
одна река и та
стремится обмелеть
одна любовь и той отпев
готовит поп негоже жизнью
хвастать здесь женщина
последняя была и та в смерть
влюблена хозяйка кошек умерла
она в коробке они в коробке
картон и дерево желток и белое
и каждый мёртв по-своему
одна река спешит куда-то
одна любовь и та зачем-то

Константин Латыфич
/Самара/

Из эпоса «Письмена Междуречья»

Таблица VII

...повей на сад мой (Песн. 4;16)

Им откроется сад в тот день, когда вместе услышат неровный шум. Так звучат тела, как почки на вербе, согретые трепетом узнавания взаимного. И сразу потерю привычки в своё уравнение запишет ум. И потому испуг неизбежен. Так страх судьбы переводит внимание от человека к его отсутствию - к перекрёстку, где итогом всех сумм ложных движений, налипают снег на асфальт, увеличивая расстояние

нити накаливания, которая из сна одного в другой перекрёстный сон передаёт мотив Морзе: «точка, тире, две точки, две точки и два тире... «Страсть - это горький камень спрессованных нами вод», - уверяет он. «Ад - это ты в другом без другого», - отвечает она, - но «до» без «ре» сонатой не может стать, чтобы никогда не останавливался перегон времени до встречи в мае навек - от прощания в солнечном октябре».

И сливаются в единую точку, словно в колбе пустой песочных часов, чей Хозяин знает всегда момент, что вдруг требуется перевернуться тонкой струе песка снизу-вверх, и звезде переменной - чаше Весов* влево качнуться маятником, чтобы справа от неё могли столкнуться после короткого шага – тот, кто зрение своё настроит, как тысяча сов, видя и в полной тьме, как пыльца, под которой уже начинают гнуться

сотни намокших цветов ореха, – ветрами: с далёких альпийских гор и сарматских степей, сметается к другим цветам, спасая от увядания их, - и та, кто слышит, как с шорохом на рыльца летят миллионы спор. И всхлип заменяет вскрик, а выдох - вдох, и краснеет лицо от касания пальцами лба, чтобы занавеску тонкую жёлтым мигающий светофор, словно лучами Рентгена прошил, сменяя чёрно-белые воспоминания

через сетчатку полузакрытых глаз – на цветной и бешенный их поток: Мяч футбольный, бьющий в закрытый зелёный гараж, для бадминтона ракетка на лавке, самодельный лук, марка с Кубы, невыученный урок из-за индейцев из пластилина. И другой, поверх звучащий на полтона выше: второй этаж белой школы, где через окна слышно как молоток выстукивает над палисадником: «да», и от синей церкви до стадиона

шум воды из колонок, под ворчание голубей, и перезвоны колоколов. И у вокзала яблоки в ведрах, и малина в газетных кульках – к перрону электричка подходит. Здесь шелушат подсолнух, и на прилавках улов раскладывают рыбаки, пришедшие с тихой реки, и кот пугает ворону возле лужи, похожей на миргородскую, и сосед, устав от колки дров, пот вытирает со лба. Они сохраняют всё. И потому повернуть Харону

придётся в обратную сторону - оттуда, где под полной луной не спят сжигая печень и сердце пойманной рыбы, и веер костров сигнальных** разводят возле камней, поднимают систрум над головой, и двух телят*** закалывают для Астарты, которая в город, где больше нет печальных влюблённых – возвращается, чтобы знак клинописный не стал разъят на сказанное вслух и начерченное на глине. Для двух спиц вязальных

теперь всегда есть шерсть, которая сплетается в плотный до пят хитон для тела, чтоб тепло от другого тела взяв, спасти и беречь для него же его, ибо изгнаны в ночь, и отправлены по длинному следу, где питон прополз, и в междуречье друг другом найдены, и потому, как на коже ожог, - жар от трения сердечных мышц, и от него за фотоном - фотон для движения волн световых - освобождаются, и над песчаным ложем

этим - шёпот сливается с шумом самума, и чуть слышно как: «Прости за это» - звучит без надежды на счастье над терпкими взвесями дыма. «В пепел спали, разотри на своём ногте, развей, опять собери в горсти, оживи и вдохни себя в нас. Мы принимаем всё. Растирая ядро чилима, добавляем к нему сахар и соль, на пшено привлекаем птиц, что нести нам способны весть от Тебя». И слышен ответ. Он над бухтой Крыма

где троллейбус, петляя вниз, подчёркивает этим: не завершён пейзаж со скалой и кипарисами никогда, и над крыльями львов царя Саргона - един: «Станут ваши тела для Меня прозрачны. Долгий и ветхий краж

и новое море соединятся сквозь них. Так я расчищаю простор для гона Псов на Медведицу. Их маршруты в узел вяжу, называя такой оммаж судьбой, диктую её в словах, чей объём и вес - являют вам суть закона».

И тогда слетаются с гнёзд – разделить на всех то, чем проросло зерно рассыпанное с рук двоих, - в дар голубям с площадей Киева и Харрана. И, найденный в саду орех, падает в короб сам. Не в кровь, а уже в вино превратится вода на пиру, где хищный лев - спокойно возле джейрана ляжет. Это значит луковка в серном озере найдена, размотано веретено у всех лабиринтов. И вкусом коровьего молока может стать вкус айрана.

И дыхание делается непрерывным. И как с континента на континент гонит спасающий круговорот тёплое Куросиво, так меняются снами о городах своих спящие, зная, что не умрут, но лишь подойдет момент, и сметается мысль о потерях собственных, как тайфуном или цунами. И теперь для них жизнь - не сеанс для просмотра множества кинолент, а воздух, где они как деревья в рост, двумя живыми становятся именами.

*Звезда одной из «чаш» созвездия Весов, которые лучше всего в северном полушарии видны в апреле – мае определяется астрономами, как переменная звезда.

** «Только когда ты войдешь в брачную комнату, возьми курильницу, вложи в неё сердца и печени рыбы и покури, и демон ощутит запах и удалится и не возвратится никогда» (Товит 6;17-18)

***Систрум – «Предназначен, чтобы напомнить нам, что каждая вещь должна быть в постоянном напряжении и никогда не может прекратить движение. Вещи надо поднимать и потрясать всякий раз, когда они впадают в покой и понижают. Внешняя форма этого инструмента является выпуклой фигурой, и внутри него есть четыре струны или стержня, которые издают звон, когда инструмент трясут, и это все без значения. Потому что та часть вселенной, которая подвержена порождению и распаду, находится в сфере луны, и все, что может двигаться или изменяться, подвергается воздействию комбинации четырех элементов: огня, земли, воды и воздуха. Больше того, на верхней части выпуклой поверхности инструмента изображен кот с человеческим лицом, а на нижнем конце его, под движущимися стержнями, с одной стороны выгравировано изображение Иисиды, а с другой стороны - Нефтиды. Эти изображения символически представляют порождение и распад, которые, есть не более, как движение и изменение четырех элементов» (Плутарх «Исида и Осирис»). Впервые этот инструмент был обнаружен в Месопотамии, откуда, вероятно, был перевезён в Египет. Часто применялся в ритуалах Низведения Луны.

Таблица VIII

Смерть и жизнь во власти языка (Сол18; 23)

Имена это люди, которые стали людьми, когда любящим вызваны из предчувствия их в пустоте, что лишь гордостью созданным страхом хранима была. И тогда там не камень холодный один, но уже Симеиз с олеандром, фисташкой и дубом у моря. И спекшимся заново прахом поднимаются ярусом белые скалы, обещающие краем своим парадиз, где понятие «я» начинается с возгласа «ты», и единственным взмахом

руки там открываются полости света, что расширяясь вглубь и окрест каждого слова (которое больше не завершаемо, и чьи песчаные стены осыпаются от вдоха и выдоха в такт), - всех, кому перемена такая мест нужна, берегут. Тогда узнавание себя как другого, как ток, через вены к аорте - под самое сердце бьёт, чтобы в памяти навсегда палимпсест отчаяния стереть, и проявить, словно на чёрной плёнке, как Микены

с Воротами Львов, что замкнули стены циклопов, растекаясь в слюде не остывшей от страсти, омываются Москва - рекой, и слог в гортани охлаждаясь слогом другим, доходит до губ, и каменные тропы везде заполняются всадниками; торговцами оливками и вином в час ранний - круглая площадь, где сиреневые цикламены вплетая в волосы, - резеде жёлтой в духах отдают предпочтение женщины. И через четыре грани

этого кристалла – речь, соединяя «всё» и «всегда», в круговорот огонь разгоняет, и одна кольцевая дорога чертит образ еще одной кольцевой. И в кафе на Солянке не остывает кофе. И с белым конём - красный конь¹ под легкой кистью появляются на доске, чтоб оставалась всегда живой та, кто ответом своим тепло в объём каждой вещи, которую лишь тронь пальцем, – сообщает на вопрос того, кто взглядом и слухом до корневой

системы звука-буквы доходит, и поэтому рядом живым продолжает быть. Так вяжутся в узел тугой тело и тело, и становится навсегда скреплённым, как магмой Земля, - слово, чтобы утонуть в слове другом, а после всплыть единым одним, где не твёрды поверхности, а ядра текучи, но разрешённым объявляется любой эскиз. И штрихи его, по которым медленно тугая нить из двух волосков плетётся, - там можно поправить грифелем и лишённым

всего - себя не знать никогда. Для обоих, как в первый свой день, обретая сосны, чьи ветви напряжены у облаков, рядом - валунов череду, и прибор который точит рельеф каждого из них, как сказуемым подлежащее, сметая от вечернего аквилона дневную пыль. И продолжая флейту, фагот и гобой в концерте венецианца, стволы зазвучат. И над ними гусиная гогочет стая, добавляя головокружения. И тот, кто говорит, - развёртывает перед собой

всех мотоциклистов, пылящих по деревьям, где на дорогах трава колеёй глубокой пересекается, и улицы венчают подсолнухи, а дальше рожью и отдыхающим полем, раскалённым в полдень, расширяет обзор, петлёй дальнего шоссе замыкая его, - солнечный луч на листе и жизнь берложью возле Альфы Центавра понимает друг другу равными. Ни древесной тлёт, ни взрывом сверхновой они отныне не убиваемы, если только, как дрожью

мышцы при выходе из реки, наполняются воспоминаниями той, кто влёт их выхватывает из будущего, и совмещая, словно зернь с ажурной сканью для финифтяной росписи, - снегопад над Белорусским вокзалом, переплёт лестниц, по которым люди спускаются к площадям, где неон синей ланью, или красным львом оборачивается, и «Lombardini» вписывается в поворот, и, стезок за стезком, накрываются фонари, как бязевой плотной тканью,

и ход электронных часов больше не видим, и месяц - Син верхним рогом² прошивает тёмное облако, а за ним - следующее облако, и ось света туда поворачивает, где дубсар рыбу достает из тины на пустом берегу отлогом и произносит «а», что значит «поток воды». Он рисует линии, и ответ «да»³ всплеском своим подтверждает вода, которая память об этом часе строгом переносит течением мимо сливовых садов, статуй быков, и над ними звезда

Иштар для жреца на верхней ступени зиккурата – соединяет смысл и цвет в бороздках ладоней, ставших горячими, и где уже без хитрости хироманта каждое слово и каждая вещь, как в парном молоке козы донник и эспарцет, - одно. Легче, чем сны, гибче виноградной лозы и потому прочней адаманта оно вязким гипсом, в точке, где ноль по Кельвину, отливает в один терцет:⁴ лимонное дерево во дворце у трона царя Саргона и подоконник, где маранта

кровь растворяет в зелёной плоти листьев своих, что указывают направления в каждую сторону, куда говорящий способен теперь для всех и всего: «Спаси прошептать, чтобы августовской ночью леониды чертили маршрут движения метели на Рождество. И та, кто слушает, отвечает: «Сохрани от верхнего «си бемоль до нижнего до – диез - их схожий мотив для следующего рождения человека. И присмотри за ним, и когда отпускаешь на волю, и когда: «Неси

то, что тебе дано», наказываешь ему». И тогда ливень, смывающий чернозём не страшен им - разделившим вино и хлеб, и кто, укрывшись одной периной, спят. В их снах на чёрно - белых трассах пешки встречаются всегда с ферзём. «Если будет мальчик, то станет врачом, а девочка, то Павловой – балериной» «Знаешь, свобода лишь то, что терпеть позволяет прибывшим таким гвоздём» «Знаю, что почва, где сожжён перегной, не умирает, и может стать глиной».

1. В русской иконописи кони изображаются либо белого либо, как на иконе Архангела Гавриила, красного цвета.

2. Син - В городах Междуречья - Бог Луны. Отец Астарты. Изображался на глиняных таблицах в виде быка, или лунного серпа. Ему же приписывали функции управления временем. Этот же образ, соединяющий два пространственно-временных континуума, появляется в Таблице I.

3. «а» на языке шумеров означает «поток воды». С этого же эпизода начинается IV Таблица, которая является антитезой Таблице VIII.

4. ср. строки из стихотворения Е.А. Боратынского:

«а оно

Бессмысленно глядит, как утро встанет,

Без нужды ночь сменя,

Как в мрак ночной бесплодный вечер канет,

Венец пустого дня!» (« На что вы дни! Юдольный мир явления» 1840 г.)

Таблица IX

*и выращу на вас плоть
(Иез. 37;6)*

Эта глина тепла от слова, и потому она всегда пластична и не тверда, когда стило завершает линию, как ушную раковину, и, словно на теле родинку, – точку ставит, открывая ключом единственным - все города и ландшафты, выхватывая из памяти и воображения - то бор, где ели от Солнца заслоняют шоссе, то под полной Луной тамариск. Для суда последнего по камням караваны к нему идут. И погружаясь в купели

судеб тот, кто чертит в Таблицу волнистый знак, разгадает наверняка в нём зубчатые стены башен сторожевых в пустыне и глубину сугроба возле избы на краю деревни, где рядом длинное озеро и ряды ивняка. И как скульптор эрзянский в волокнах стволов кебрачо и альгарробо**, слушая барханы под ветром, и зная о верхушках злака и корнях сорняка всё, он горящим прутом высекает из пространств ночных то, что от зоба

Фудзиямы до изгибов Магриба есть - так, что искры трассируют вверх чтобы пеплом стать, и рассыпаясь, почти в Ничто - неизбежный холод познают. Остывшую пыль Две Больших Реки до дальних плавучих вех разгоняют, словно надежда любовь по арте и венам, так хмель и солод наполняют пиво ароматом и крепостью, и знает теперь дубсар - прорех между льдами колец Сатурна и цветочной пылью, что пчелиный голод

утоляет – нет. Они и в нём, и в другой - одно, и взаимным вращением движимы так, что трением их о воздух - от отчаянья ждущих терпкий - вызывают трёхстопный удар - анапест, спасающий, как причащением, *** и, запускающий Сердце - Хронометр, которое тикает, и точной сцепки тем самым достигает: тех, кто обретает лицо и Того, кто сообщением: «Ты должен идти по своему маршруту» - выдыхает полость для лепки

там – двух ступней, от них – голеней, чаш коленных, мышц и рельефа туловища, шеи, подбородка, носа и лба, плеч, на обеих руках – кистей, сухожилий, живой пустоты между рёбер, что подобно колоннам нефа уточняют пути туда, где Сердце - Алтарь ожидает лишь двух вестей: «Это – он» и «Это – она». И взвешена для каждого, отмерена точно ефа песка и воды, - так, чтобы оба были собой, и умели достигать скоростей

синхронных, сближая позёмку на площади возле метро с жаром самума, дующего с Элама. Они совмещают в звезде Мардука : под косой метелью - проспекты, скамейки в скверах, Красную стену, куранты и шпили ГУМа с Дорогой Процессий вдоль Синей стены с золотыми львами, где свирелью, и тимпанами до ворот Иштар музыканты ведут царя, чтобы Харран и Умма Новый год отсчитывали сообща, пульсировало запястье, форель с форелью

столкнулась под водопадом, где изгиб акведука нависает над акведуком, стремясь к вершине скалы, и шмель ударился о шмеля для разлёта обоих над купами чёрной смородины, бергамота, лещины крупной с фундуком, сливами, которые желтеют в кронах и сухой траве, где изредка в перебоях стрёкота и шороха, жилки листьев ветвятся, как и увиденные Левенгуком кровяные капилляры, оплетая плоть, словно лассо с небес, где на ковбоях

- всадниках держатся облака. И мёртвая кость - красным: нить за нитью и горячей иглой прошивается, и каждый хрящ оживает острой болью, которая наделяет способностью ухо - слышать, связки и рот – говорить и называть время, которое стекает вовнутрь, что в колбу часов, и как солью приправляет его собой, чтобы «я» о себе могло сказать: «это я» - от Сити, где башни Федерации бликуют прозрачным парусом до садов с лакфиолью

и барельефами Энлиля и Ану на диоритовом камне. И закручивая листом Мёбиуса - в себя: Колизей, где тысячи рук взметнулось, когда на его дне лев бросается на гладиатора; мастера, который напоминает о дне шестом, отсекая от мрамора лишнее; каравеллы, чьи капитаны говорят о величине континентов не по истёртой карте, но по судовому журналу; под мостом гондолы, ждущие пассажиров; математика над гиперболой, что вечно не

достигает оси координат ни в тетради, ни в Космосе, где Орк - Звездочёт ищет Альва – Кузнца, как написано в книге у ребёнка, сидящего на полу, и кого сигнал точного времени из радиоприемника, как звук горна влечёт к меридианам у разложенной карты, – всё оно стягивает в себя как золу в ладонь из голландки мать, чтобы в живой пустоте прежних дней полёт от дыхания рядом продолжился. И пока множество их не придёт к числу

единичному, всё встречается в клетке грудной, лишь вверх оттуда растёт, словно венец Секвойи - Гиперион, чьим иглам и ветвям - тенью на ареал Бетельгейзе назначено лечь, и мерцать от первых мыслей, которые обретёт

человек в колыбели, раскачиваясь в бездне спальни, о том, что его финал - невозможен. Он задуман в свой день, оправдан опять, смену даты ждёт, соединения рек пересохших и полноводных, в месте, где шадуф в канал

переливает воду для ячменя и проса, и там где сны о чернозёмном поле растворяются виришь спелой пшенице, кунжуту, белому люпину и гороху, что сыплют свои семена, как Взрыв Большой россыпь на грубом помоле звёзд, - под закрытые веки ещё не поднявшему их. Как дудка скомороху они нужны ему чтоб знал, открывший свои глаза, как о собственной доле, до каких границ он весь на самом деле есть, и готов стал к долгому вдоху.

*Тамариск - одно из главных священных деревьев шумеров. В заклинаниях представлен как Мировое дерево. Считалось, что он порожден - Аном, старейшим верховным богом, существовавшим еще до отделения Земли от Неба. В шумерской магии тамариск широко применялся для изгнания зла и очищения, а также для лечения болезней.

** Мордовский скульптор Николай Эрзя, живя в Аргентине, угадывал в этих породах южно-американских деревьев будущие сюжеты и формы своих работ.

*** Анапестом, в частности, написано великое стихотворение Е.А.Боратынского «Молитва» «Царь небес, успокой дух болезненный мой....»

****Элам - древнее государство в юго-западном Иране. История Элама развивается в постоянном противостоянии государствам Двуречья

*****Секвойя – Гиперион – такое название получило одно из самых высоких в мире деревьев.

Таблица X

и вдунул в лице его дыхание (Быт 2;7)

Долгий вдох начинается, когда на живую глину переписаны все слова, нужные для судьбы, которая есть сила этого вдоха, и перегоняет реки полноводные в русла ещё сухие, в корни - их волоски, словно лес сова в темноте, видит тот, чьи капилляры такие же. Он полон Луной и веки* открывает, зная уже, что растёт лишь вверх, когда стягивают, как листья, горький сок от Земли и сладкий - от Солнца, - дни его, сметая в сусеки

чёрных дыр то, что память станет хранить, - раскалённый любовью сор, сбитый последней болью с ещё прозрачных плеч и лица, чтоб в оригами воздушные сложились: дом и озеро, собака в цветущем саду, и как узор, выводимый тушью над завитками, - точно чертит границы, так берегами ландшафт рисуется – от калитки, возле которой две соседки заводят спор о ценах на молоко, хлеб и соль, до Дворца Крылатых Быков, где шагами

царь Саргон на полу измеряет зелёный квадрат, и знает, что новый мост строить начнут, когда носок сандалия заступит на кромку красного круга. И придворному астроному диктует Ану как двух туманностей перехлест** свяжет жгущих Псов и ледяную Медведицу. Это значит - нужна подруга, - понимает он - и седло для лошади. Об их форме ему расплётанный хвост кометы над зиккуратом подсказывает и о том, что от взмаха руки - упруга

атмосфера для парашютиста, который чем ниже падет вниз, тем свой страх скорее выводит из лёгких. И вера в закон притяжения приближает касание подошвами жёсткой травы. И самолёт оставит не только лишь белый прах над утренней степью, но реактивный звук. Видя и слыша их, не восстание поднимает уже, будто на гордый котурн, душа, а раскрывает на всех листах тетрадных, рулонах папирусных, бересте и пергаменте - связь от зависания

кисточки над иероглифом в сливовом саду и затяжным, в пустоте, прыжком космонавта над лунным кратером. Удара головой, что в финале доводит счёт до победы на последней секунде, и ступающего, как по воде, своим шажком канатоходца под куполом, где у самого центра больше не разделяются: «чёт» и «нечёт», воздух и огонь, Европа и Африка, люди - на тех, кто идёт пешком и едет в автомобиле с личным водителем, и где самая верхняя точка влечёт

не боязнь падения, а возможным взлётом к распахнутым ярусам лепестков цветка: за амфитеатром – амфитеатр они лепят для человека его окружность, которую он называет Временем. Находясь внутри него, сшивая из лоскутков предчувствий разрозненных - желая, вплетает их в этот рост, и наружность тем самым - обретает собственную: складки на лбу, морщины, цвет волосков на бровях и ресницах; глубину взгляда, тембр голоса, обертоны и ажурность

окончаний нервных, с походкой - скорость сердечных ударов от нарастания нежности, что переходит в горячий ком страсти и в расслабленную сладость сочувствия, заводя, как будильник ключом, - речь, и этим спасая от угасания радость прощения того, кто говорил: «это не ты» и, словно мечом, усталость от жестокой надежды быть понятым навек отсекая, готов считать полоскание белья в коммунальной кухне на четыре семьи, где от пара всегда оставалась

мокрой известка над синей филёнкой, и соляного гейзера, что бьёт в кольцо Сатурна из ядра мёрзлого Энцелада, – равными, как в формуле дважды два две двойки. Он соединяет их в себе, размешивая сахар в кофе, и разбив яйцо сваренное всмятку, со сладостью - терпкость тёплую в горле различает и едва заметные токи у кончиков пальцев - среднего и указательного, и тогда лицо краснеет слегка, жилка на виске бьется, напрягаются связки, когда ясна канва

предложения, кончик языка касается альвеол, и вот он хочет сказать лишь то, что хочет сказать, и говорит: «я это я», реальность с воображением совмещая как петли с пуговицами, застегивая на ходу, выходя из подъезда, полупальто клетчатое, чтобы согреться, площадям и улицам каждым выдохом возвращая взятые у них, как напрокат, в собственную пустоту, что отвечала ему: Никто - вереницы зонтов под ливнем, трамвайную искру и такси, чьи фары освещая

конусом двух атлантов, выхватывают из темноты, подпираемый ими балкон, пилястры, ампирные окна, откуда конка у парадного и аэростат над крышей теперь одновременно видны, краны над микрорайонами и взаимный поклон башен: Сююмбике и Пизанской. Он слышит как на фракийском пиру дышит пьяный Силен, болтающий Мидасу о необжитом материке; как ставит на кон судьбу, точа бревно под храп Полифема, – итакийский царь, когда не вышит

на родине до конца ковер. Как, с легким шорохом, с верхних стропил отвес падает и замирает, подчиняя себе будущий купол, нефы с колоннами, хоры. Как по штукатурке движется кисть, за нею другая кисть, и зашедший в лес,

заблудившийся - ведает: в синем шаре большом есть золотые круги, и норы лис, кротов и мышей ведут только к ним. Туда, где под светом кривится бес и плавится, и не регочет над: «Прости», произнесённым вполголоса, и шторы

теперь утром можно в разные стороны развести, через раскрытые окна гром в себя впустить, чтобы испуг сменился на трепет, и написанное стало былью. И тогда навстречу медленной лодке Харона, сразу полный ход наберёт паром с пассажирами, чьи лица радостны. Они помнят, что всех сохраняют крылья чаек, которые от волн барражируют к небесам, откуда полночный аэродром и дорога Процессий связаны навсегда. И покрыты ими, как светлой пылью.

* В Первой Таблице Междуречья Луна изображена так: «бычьи рога у Сина светятся тонким «с». Т.е время начала поэмы – новолуние. В Десятой, как и в предыдущей - Девятой Таблице Луна уже полная.

** Ану – один из верховных богов Междуречья. Ему приписывали функции управления силами Вселенной – мэ.

***Энцелад – один из спутников Сатурна. По мнению ряда учёных, на этой планете наблюдается вулканическая активность. Бьющие там гейзеры, в чей состав входит соль, пополняют в итоге одно из колец Сатурна.

**** Силен – сын Гермеса и Нимфы. Обладал даром пророчеств и понимания сути вещей. Будучи пьяным на пиру у царя Мидаса, открыл ему свои знания, в том числе и о неведомом никому материке.

Изяслав Винтерман
/Иерусалим/

Герой на задании

***

Слушай, Чел, прекрати уже гнать эту пыль.
Небо – старый цементный заводик.
Столько неб ещё!.. Сколько бы раз ни топил,
мы всплывали во всех твоих водах.
И под водку, наваристый дождь по стеклу,
и под света цементные крылья
(звук я не выношу) – пыль себе постелю
и накроюсь землёю, что рыл я.

***

Герой с канистрою бензина.
Сжигает за собой мосты
и поджигает море сине,
но всех следов не замести.
И отплывает, как на льдине,
страна любви, где жил один.
Не отличая лиц от линий
растаявших почти что льдин,
он машет, волю дав порывам,
слезам и прочей ерунде...
Но горячо летучим рыбам
в незагоревшейся воде.

***

Ты на задании: «Преодолей себя!» –
Женщину полюби такую любовью,
чтобы судьба, чтобы судьбы судья –
принял, не сомневаясь, по образу и подобию...

И – перейди в любви на свободный стих,
если рифмованный стынет в плену созвучий.
Будь с перелётными птицами – в перистых
и кучевых – самую светлой тучей...

***

Человек ещё хотел бы жить,
в нем поэт – подталкивает к краю.
Время тонкой ниточкой дрожит –
лесочкой натянутой играю.

Он ещё узнает, как близка
смерть, на жизнь похожая игрою.
Подсмотреть, но нет в груди глазка,
кто там, кто здесь, и кому открою.

***

Если идти вдоль берега по теченью реки,
вниз по своей истории до лубяной избы –
вылезут ясноголовые, ясноглазые муравьи,
чудища несусветные сглаза и ворожбы.

В землю они спускаются, выходя из реки.
И перед кем ответ они держат и держат ли.
Сами мы здесь пробегом, лица хотя б сравни –
с берегом и теченьем – не местные жители.

***

Я спрятался – не видно, не найдешь.
Кормлю семью, боготворю пещеру.
Хотел вскричать: «Я здесь!», но только дрожь
бьёт изнутри, от боли пасть и щерю.

Но только дождь... хор капель, шум и даль –
умеют акапелла, здесь я с ними.
Я замахнусь на время, кто бы дал
другую жизнь мне и другое имя.

Я только что ещё тебя любил,
опутывая кровью и словами.
Но только дождь мне чувства все отбил,
и дрожь во мне и шевелит губами.

Татьяна Комиссарова

/Москва/

Шрифт

Сон Иды

Кораблик под парусом – лучшая этикетка.
Ида мешает серебряной ложкой чай.
Смотрит рассеянно сквозь цветущие ветки
На вихрастого Ильича.

Розы в вазе, на кухне кнедли.
Но почему холодильник по спине?
Ида, Ида, беги, не медли –
Видишь трещину на стене?

В соседней комнате бузят товарищи –
Члены ордена Первого Большевика,
Шевелят клешнями, разевают варежки,
Толкуют о выдаче бесплатного молока.

Это они прикинулись старыми.
Ида смотрит на Ильича,
Потом встает, холодна, как статуя,
И медленно выливает на пол чай.

*Ида Высоцкая - дочь знаменитого чаепромышленника, муза юного Пастернака. Кораблик под парусом – узнаваемый знак чайной фирмы Высоцких. Их дом в Москве после революции был занят старыми большевиками. В сквере перед домом установлен памятник Ульянову-гимназисту.

Дунаевский

Как жалко, что не в моде Дунаевский
И светлое не в тон календарю.
Я говорю местами по-советски,
Когда я о хорошем говорю.

Мне чудится: весенний ветер веет
Над нашей необъятной страной,
От магаданских гор до мавзолея
Сограждан накрывая с головой.

Он спящих бодро выкинет из спален,
Квартира вдруг окажется тесна –
На улице, наивно-сексуален,
Марш белых девушек из мюзикла «Весна».

И я, и я - с товарищами рядом,
Мой ясен день, глаза мои светлы.
Проходим в ногу праздничным парадом
По майским улицам страны.

Динамо

Отрубив положенное, выйду.
Сахарная пудра на асфальте.
Ветер, злобу на проспекте выдуд,
На берёзе задирает платье.

Во дворах печально и пустынно,
Ни собак, ни чад, ни их мамашек.
У помойки над куском застывшим
Крыльями ворона скучно машет.

Сто десятый увезёт к Динамо.
Там подъёмный кран над стадионом,
Взрезав небо вертикальным шрамом,
Напугает марсианским стоном.

Крановщик похож на космонавта -
То же одиночество в кабине.
Космодром, покрытый маскхалатом,
Как Земля, в пустом пространстве стынет.

Schrift

Во-первых – десять, во-вторых – Verdana.
Ну что за бред, и лучше ли слова,
Записанные глупо в столбик? Данность
Не изменить. Снаружи, лиловат,
Чуть брезжит день, укутанный рогожей.
Ведомый таксой, следует прохожий
На утренний привычный променад.
Вот голубь приземлился на карниз.
Двоюсь в стекле. Мир зыбок и яремен.
И шепчет убывающее время:
- Поторопись.

в машине

жизнь каждый день увеличивает нажим,
вряд ли укроешься и за замковым кодом.
я ощущаю себя машиной среди машин,
а не пешеходом среди пешеходов.

мне это нравится – в общем потоке плыть,
неукоснительно следуя принятым правилам.
чисто, комфортно, в просторном авто теплень,
сумку не стирают, где б ты ее ни поставила.

стерилизую воздух, собак, еду -
нет внешней пыли, чуждых следов, инфекции.
наша пробирочность,вшитая в тело и дух,
знак эволюции, наглухо заперший сердце.

Александр Бубнов
/Курск/

Пользователь

фрагмент поэмы в сокращении

ПО – Программное Обеспечение
/пока беспечного/
пользователя вселенной,
/влюблённого в неё,/
вселённого в неё
по зову Сервиса...
/с пользой для
душу и тело
до размеров
диска
галактики.../

программами
обеспечивает Всевышний,
они из Него уже вышли(,)
потом,
спиралей галактик
слегка испив молокомоса,
/морокотом волооком,
но не волоком/
добрались
до ДНК,
где стали двойными...

/в этом эхе взаимном/
не расслышал кто-то
и решил,
что стали воинами,

другой сосчитал до ста
и решил,
что, дескать, стали
друг друга невольниками,

а третий решил неравенство
/в объёме
непрямых параллельных/,
разрешив себе
заглянуть
за
кулисы пространства
бремени своего
программного,
но не за-
программированного,
не сшитого,
не прожитого...

...ибо здесь
программа весит
не более грамма
молока,
той капли,
что падает
на самый краешек
хлеба
в твоих руках
дарованного, –
/ведай только!/
не так ли?..

?не так ли внутри
тиктакнут часы твои,
поддакнув программе,
хранящей оптом
в оптоволОкнах
волны и кванты света,

которые, может быть,
знают правду
про храмы...
...так!..

?не так ли тоскуют канты
материи плотных кулис
/о небе кисельном/,
сметавшись
у рампы холодной,
где к вечеру мечутся
и остывают
безвесные кванты...
...так!..

?не так ли куски
сметанно-бесформенной
/бывшей млечной/
ваты
образуют в округе
ватуум,
бесплодный элементарно
даже в театре...
/даже на фишке-афише.../
...так!..

?и не так ли на карте,
что ляжет сначала
деви'цей
в ночной рубаш/он/ке игривой
со сметайной своей неустанной,
но
поднимется тут же,
приподнимется
старой-уставшей...
/безустой.../
...так!..

вот так
ты услышишь такты,
танцующие на костяшках,
складывающиеся в суммы
тоннами
домиками картонными...
/карточными.../

вот так
/бездонно-бездонно/
ты увидишь небо
в алом атласе
занавеса...

вот так
ты сыграешь нотами
в ящике запрограммированном
/не кем-то там,
а/ тобою,
с ним поменявшись местами, –
тобою-тобою,
твоими ртами,
/сейчас и тогда/
время глотающими
до боли,
закусывая
теснящимися кусками...

...песками
в часах-частицах,
за-
ряженных ритмом и волей
(или неволей),

...за-рядами
чёт-не'четными,
чёткими-точными
(есть ток

или нет тока,
есть боль
или нет боли),

...волнами
в полях созревших
для брани множественной
(или для жатвы мужественной) –

пользуйся полно,
пользователь

свобожественный!..

Примечание автора: строки и слова, которые заключены в косые скобки /вот так/, необязательны, т.е. их можно оставить, как есть, а можно исключить из чтения.

Тейт Эш
/Москва-Дубай/

Волхв

Этюд с привкусом яблок

До восхода вокруг висел пыльный сумрак. Но
Чашку света выплеснули в окно,
Воскрешая толпу расцветок.
Сонный ветер метёт песок пополам с песком.
Заболело яблоко червяком
И запуталось в гуще веток.

По садам прокатилась трель – и не видно, чья.
На страницы спелого бытия
Контур лета росую вылит.
У хирургов-синиц с утра прейскурант высок.
Шприц луча нащупывает висок,
Пробивая листву навывлет,

И буравит антоновку, впрыскивая тепло,
Чтобы соком к столу изошлось, по рукам тепло.
Бьются листья о яблоко, веруя: фрукты – зло!
Наливное творенье бесье!

Но в тебе пустота такая, что выть века.
Принимаешь под сердце – ребёнка, не червяка,
И живой колыбелью качаешься в поднебесье.

Волхв

Отворяют простор мосты,
Похваляясь своим уловом.
Ты однажды шагнёшь на «ты»
С древним городом двухголовым,
Где не надо ни вод, ни вед,
Чтобы видела вся округа,
Как выходим в соседний свет,
Не успев опознать друг друга.

Остывают слова-следы.
Здесь вода не живеет воды.

Судьбы кружатся комарьём,
Только некуда нас увлечь им.
Мы словами кого-то бьём
И собою кого-то лечим.
Столько было на шкуре швов, –
От кого – и не вспомнишь толком...

Человек человеку – волхв,
Если к ночи не станет волком.

Стебель

*Быть как стебель...
Марина Цветаева*

Подмёрзла жизнь, как черенок.
Нездешняя, необжитая.
Декабрь уходит из-под ног,
Слетающийся снег шатая –

И он качается, дразнясь,
В углу какой-нибудь чужбины,
Где с миром полная несвязь,
А с Господом – до половины.

В сугробы молча, как вдова,
Вмерзает спорбленная дача.
Сквозь лица сыплются слова –
Беззвучно, ничего не знача.

Бреду не к тем, не в том, не в то –
Делиться страхом и ночлегом.
И тело прячется в пальто,
Прикидываясь человеком.

Страницы из прошлой жизни

-1-

здесь человек закончился. мела
хозяйка пол. сметала со стола
оставленные крошки. и прохожих
пурга сметала. где-то наверху
металась птица, билась о стреху.
и тень ещё качалась на рогоже
от нас подальше, ближе к ночнику.

качалась тень. туда - сюда - туда.
металась птица. капала вода
на материны руки. в паутине,
в окне, теряла муха свой окрас,
как будто жизнь затеяла рассказ
и затемно ушла на середине.
а вдруг вернётся? - и ночник не гас,

подрагивал, с упорством светляка,
кого-то вёл всю ночь издалека.
то горбилась дорога, то прямилась,
закончилась, уткнулась в конуру.
и человек закончился к утру.
и больше ничего не изменилось.

-2-

Как медленно с домами рвётся связь -
по дням, вещам. Вот я не началась
в заплаканном июне. Вот позимье
под утро начинает изымать
шаги с озябшей лестницы, где мать
отца тогда не встретила. И с ним я
не выучусь себя не понимать.

Нас не было. Семья не берегла
остатки одичалого тепла
и наскоро подброшенных поленцев.
Соседку не окликнут - как вы, Катя?
И стены привыкают отвыкать
от новых незаметных поселенцев.
А вдруг вернуться?.. Но повсюду гладь -

ещё не стол, не кресло, не диван,
ещё не дом, ещё не котлован,
ещё у леса поле обживалось,
ещё страна на нём не сотряслась.

... и где-то здесь судьба оборвалась.
но эхо остаётся.
оставалось.

-3-

Учусь у снега жить не насовсем.
Часы к весне. Темнеющие семь
Слетели в ночь с надломленного наста.
Скрипит винил. Доносятся едва -
Пластинок незажившие слова,
Случайно опоздавшие лет на сто,
Пока писалась новая глава.

Блуждая вдоль поверженной земли,
Мы выжили. Но сжиться не смогли.
На вытоптанном дне двора-колодца

Чернеет снег, весне приветы шлёт.
Лежит усталость, смёрзшаяся в лёд,
Которому об нас не расколется.
... Вернуться? Холод. Полночь. Перелёт.

Оправдывать себя. И оправдать.
И вдруг решишь судьбу переверстать
В отчаяни больном, сиюминутном,
Когда увидишь выше слов и бед -
Своё окно. В окне пригрелся свет.

Оставленный.
Не выключенный утром.

Первоцветы

Дом потеплел. Но теплее с торца.
Тропку ручьём деля,
снежные швы разошлись у крыльца.
Вот и настала земля.

Те, кто однажды очнулись под ней,
в недрах родных округ, -
греют озябшие связки корней,
не выпускают из рук.

Души цветов налегают на тьму.
Выбились в ивняках
два первоцвета. Спасибо тому,
в чьих они - снизу - руках.

ΜΙΑ ΠΡΟΕΙΔΟΠΟΙΗΣΗ

По всем мастерским, где художники пухнут в грязи,
как дети от голода, если у взрослых есть войны –
дай руку! – и я поведу тебя. Только гляди:
я предупреждал тебя. Предупреждал тебя. Помни.

По всем городам, где катается каменный шар,
ломая дома, обдирая железо до крови, —
нет, не закрывай глаза – я тебя предупреждал.
Я предупреждал тебя, предупреждал тебя – помни.

По рельсам нагретым, внутри поездов,
везущих тротил и дешёвое тёплое мясо –
мы будем идти, ощутимые, как длинный вздох.
Не бойся, ведь я тебя за руку взял, не пугайся.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

По этой стране, мимо белых поленниц зимы,
по этой земле, по золе, пересыпанной снегом,
мы будем идти и идти, невредимы, одни,
под этим, начавшимся как бы неявно – гляди –
молочным, обильным и всё заливающим светом.

Андрей Санников

Инна Иохвидович

/Штутгарт, Германия/

Песня одинокого кита

С раннего детства Костя любил воду. Хоть и жил он в большом городе, но на одной из окраин, на берегу реки.

Мальчик рано научился плавать, так рано, что и не помнил того времени, когда ещё не мог плыть. Плавал он с ранней весны до поздней осени, до появления первого льда.

Только в воде не находили на него приступы хандры, состояния какой-то полной бессмыслицы что ли, когда тошно становилось от всего, даже от любимого им созерцания плывущих в небе облаков.

Учёба давалась Косте легко, но с одноклассниками, как позже и с однокурсниками отношения не складывались никак, то есть их попросту не было. Нет, с ним мускулистым и крепким никто не дрался и не задирали, но никто и не дружил. Да и ему не хотелось, с ними, со всеми разговаривать или играть. Ведь его «друзьями» были пираты, путешественники, золотоискатели Клондайка, все герои Жюль Верна, Стивенсона, позже Джека Лондона...

С них он брал пример, на них равнялся, им подражал...

В университете, на мехмате, пристрастился Костя к чтению и на других европейских языках.

К тому ж подросток младший брат стал наперсником в разговорах и пристрастиях. Костя поощрял мальчика, в увлечении того рисованием, позже живописью.

После университета по распределению в вычислительный центр знаменитого института, поехал Костя в Пущино-на-Оке. Природа там ему пришлась по душе, но томительное восьмичасовое пребывание на службе оказалось непереносимым!

И он сбежал! Смог убедить начальника отдела кадров, что ему необходимо вернуться к овдовевшей матери, тяжело переживавшей смерть своего мужа (Отец Кости и его брата умер давно)

Брат учился в Художественном институте, а сам Костя больше уж ни на какую службу больше не пошёл. Но из-за того, чтоб хоть какие-то деньги зарабатывать было необходимо, то брался за любую подработку, а из-за

закона о «тунеядстве», приходилось всегда, то здесь, то там, пристраивать трудовую книжку. «Про себя» он называл себя «асоциальным» и «люмпеном» и звучание этих слов нравилось ему, как и собственные мысли, о том, что он «выпал из социума»

Хоть Косте так больше и не пришлось работать, он был постоянно занят – самосовершенствованием! Он занимался собой, упражнениями для тела, не культуризмом и не бодибилдингом, в широком смысле, он стремился стать лучшей мужской моделью для своего брата. И достиг этого! Брат написал большую картину «золотого юноши». В золотистом свете, которой, была видна прекрасная обнажённая натура мужчины.

-Эх, Костя, если бы Густав Климт, увидел тебя, он бы уже не живописал своих дам!

Иногда подрабатывал он натурщиков в Художественном институте и в училище. В те часы сбегались на этого необыкновенного натурщика смотреть не только студенты, но и преподаватели. На предложения позировать частным образом Костя не соглашался, не хотел вторжения в своё личное пространство даже и разговорами.

К девушкам он старался не привязываться, хоть они в него и влюблялись. «Кто я?» - говорил он сам себе, - «Формально никто, люмпен пролетарий» - «не имею права, да и не хочу».

-Пойми, этот мир, мир страданий, - объяснял он как-то своей знакомой, что жаждала стать ему подружкой, - в этом круговороте жизни я не хочу находиться. Мир обусловленного бытия не мой!

Они с братом практиковали и йогу и дзэн, Костя занимался переводами, внезапно начал писать «стихи», а чуть позже и прозу.

Людям они представлялись ведущими «здоровый образ жизни», вегетарианцами, странными, особенно Костя, видевший им отшельником и нелюдимым.

На самом деле им было хорошо вдвоём, даже в молчании они понимали друг друга.

Жившие по соседству, тоже в частном секторе, люди дивились братьям. И было чего: все старели, а эти молодели?! Недаром «лентяи», решили жители этой окраины.

Неведомо им было, как мучился Костя над словом, как страдал и искал созвучия и смыслы, пытался услышать мелодию, неслышимую ухом...

Ведь и вправду труд души часто видится людям как полное безделье, а отрешённость, как безумие!

Но младший братишка перевёлся учиться в Москву, в Суриковку. Костя остался в совершеннейшем одиночестве. По-прежнему не было свободной минуты в его дневном, плотном расписании. Он читал, медитировал, распевал мантры, писал, много писал...

Но только то, что он писал, было непонятно никому, даже людям не просто образованным, но и талантливым. А он даже уже и разговаривать, общаться ни с кем не мог. Конечно, членораздельной речью он владел. Но настолько далеко ушёл он от обыденной речи, настолько увяз в себе, что даже эпизодически разговаривать с людьми ему становилось всё труднее...

Костя теперь купался и плавал круглый год, зимой ныряя в большой полынь.

Любил повторять, почти ежедневно строки поэта Николая Шатрова, присланные ему из Москвы младшим братом:

«Я тот поэт, которого не слышат.
Я тот поэт, который только пишет,
Который сам себе стихи читает,
Которого, поэтом не считают...»

Но всякий раз, доходя до строки «И земнородный, я впитаюсь в землю...» Костя ощущал сильнейший внутренний протест! И знал отчего, не земля, а вода по-прежнему оставалась той стихией, что роднила его с этим чуждым миром, избавляя, хоть на время пребывания в воде, от тоски...

Младший брат продал их дом, купил в Москве квартиру в хрущобе, в районе Речного вокзала. Костя согласился, ничего он не смыслит, в житейских делах. А младший оказался не только талантливым, но и деловым. У него и персоналка состоялась и по Останкино была передача о нём.

Переехал Костя в Москву, а брат тут же переехал в США, стал работать при какой-то галерее портретистом. Обеспечивал и себя, и брата, ещё и немало оставалось.

Костю же тоска не оставляла ни днём, ни ночью. Не мог он написать и строки! Он не знал, что ему делать? Да и как просто кому-то объяснить, что с ним?!

Как-то попалась ему я заметка про кита, за которым наблюдали с 1992 года. У того не было пары, он никогда не присоединился ни к какой группе китов. Как оказалось, все киты пели песни на частоте двенадцати - двад-

цати пяти герц. А этот одинокий кит пел на частоте пятидесяти двух герц! И его просто никто из китов не слышал?! Костя понял одно, они с этим китом братья!

Ранней весной плыл он по Москве-реке, и стало ему так хорошо, так спокойно, что решил он не просто никуда не спешить, а остаться здесь в воде, в которой не ощущал даже веса своей собственной плоти. Плыл и плыл, чувствуя как всё то, что происходило с ним в жизни, когда то, уходит, даже воспоминание о брате было каким-то далёко-тусклым. Он не вспомнил и любимого своего Мартина Идена, поступив в воде в точности по описанному Джеком Лондоном способу...

Прилетевший из Штатов брат искал пропавшего Костю, и не находил. Потому и ездил на постоянные опознания неизвестных трупов.

Женщина следователь в машине спросила его про год рождения пропавшего. Брат назвал. Она покачала головой, нет, этот утопленник на много моложе. Брат заулыбался, конечно, его Константин, плававший, наверно, как олимпийские чемпионы, не мог быть утопленником!

В морге открыли ячейку холодильной камеры и выдвинули тело. И тогда брат увидел, оставшегося навсегда молодым своего брата, увидел прекрасное, будто вылепленное гениальным скульптором его тело, идеальную натуру...

Позднее прозрение

С тех пор, как вышла Алла на пенсию, она и начала писать, перепечатывая потом в компьютер.

Зачем, к чему, этими вопросами она не задавалась. Для себя? Наверное... Да и освободившееся время требовало заполнения...

Да и не всё ж готовить какие-то блюда, их и кушать-то некому. Обе дочери работали за границей, муж погиб много лет назад. Вдовство своё Алла воспринимала спокойно, «устраивать» свою судьбу, подобно многим другим вдовам, не собиралась.

К тому ж, оказалось, что именно одиночество и было её естественным и нормальным состоянием! «Сама себе хозяйка, ни от кого не завишу, никому не подчиняюсь и никем не понукаема» часто думала она.

А писать, вернее записывать собственные мысли и суждения о прожитом и пережитом появилась именно в это «свободное время», чтоб наконец-то понять, впервые в жизни, саму себя! И вот тут-то ей стали

открываться «бездны»! Она начала лучше понимать себя, это раньше она лучше чувствовала другого?! И как теперь оказалось, она неправильно прожила собственную молодость?!

В толстой тетрадке стала она записывать «правду о себе» своим понятным учительским почерком.

«Проклятое половое созревание! Это именно из-за него, да ещё из-за Советской власти, во мне родилась пониженная самооценка!

Именно подростковый период сотворил из меня – милой, спокойной, доброжелательной девочки – неприятную девчонку со странно изменившимися чертами лица, неуклюжую, неловкую, подчас даже страшноватое существо небольшого роста... Всё в ней, как считала когда-то Алла, должно было отталкивать от неё всех людей!

А Советская власть, так теперь это виделось ей, научила дурацкому тому, что главное это не ты, сам, сама, а друг, подруга, коллектив, друг и е...И это должно было быть самым главным в жизни человека, пионера и комсомольца! «Эгоист» стало ругательным словом в лексиконе Аллы. И это сформировало сознание подростка. И оттого безразличной была она самой себе. Подчас в бессознательных «мечтаниях» ей даже хотелось затеряться, стать незаметней, не выделяясь вообще, даже не бы т ь... До полного с а м о з а б в е н и я... Тогда она ещё ничего не знала о фрейдовских Эросе и Танатосе...

Обеспокоенные родители даже повели её к знакомому психиатру, местному светилу медицины. Он долго разговаривал с Аллой обо всём, потом она что-то должна была сама определять по картинкам, отвечать на вопросы по ним...

Потом он долго говорил матери о том, что ребёнку не хватает «здорового эгоизма», что она поглощена «жизнью других», что лишена «собственной радости», а что «чужая радость, также как своя», что совсем нехорошо! Что всё должно быть сбалансировано! Что в обыденности крайности нежизнеспособны!

Не всё понимала Алла в его словах, что доносились из-за неполностью притворённой двери врачебного кабинета. Но некоторое ей нравилось, о том, что родители должны были её хвалить за хорошо выполненное поручение; что разговаривать с ней, не как с неразумным ребёнком, а всячески подчёркивать её важность и значение для них, её родителей; что девочка должна ощущать родительскую любовь и заботу о себе, а не только замечания или окрики! Много ещё советов матери дал известный психиатр, но Алла не слыхала их. Спohватившись он плотно притворил дверь своего кабинета.

Но жизнь-то не на советах врачей держится, а неизвестно на чём!

И как катилась она до врачебных советов, так продолжалось и после.

Как ругали Аллу за плохие оценки по точным наукам, так и продолжали ругать, правда наняли репетитора, чтоб из школы и вовсе не выгнали. Так же соседский Серёжка называл её толстухой, а в классе обзывали «жир-трестом»! И отчего-то все остальные, люди ли, дети, всегда казались Алле умнее, совершенней что ли! У них у всех всё получалось, спорилось, ладилось, не то, что у неё! Правда, происходило и что-то непонятно-странное, если она что-то делала не для себя, а для кого-то, для другого, других?!

На всю жизнь запомнился тот день, «грибной охоты»! В этот день, отдыхая с мамой в лесничестве, пошла Алла по грибы с двумя местными ребятами, из соседнего села, с братом и сестрой!

В бору Алле всегда было радостно, хоть и в лесу, но сосновом, было светло, и видно далеко-далеко, на все четыре стороны света!

Но, если от ребят доносились радостные возгласы, они то и дело наклонялись за маслятами, срезая их перочинными ножиками, то у Аллы, как на грех не было в корзинке ни одного?! И от этого в «царстве света» было ей мрачно и обидно. И так стало тоскливо, будто во всём мире вот-вот воцарится тьма!

- Я собирать себе не буду, – крикнула она ребятам, - а что насобираю ,то Вам отдам!

Они, хоть и удивились, но согласно кивнули.

И свершилось чудо! Эти ,прячущиеся от неё маслята, показались, будто из-под земли выбрались! Она шла, а грибы, вокруг неё будто говорили: «Бери нас! Мы – твои!» Алла только успевала наклоняться , срезать их и отправлять в корзину. Ей хотелось петь и танцевать от радости. Когда втроем дети пришли к опушке, то её лукошко оказалось полным, даже с верхом, не то, что у брата с сестрой. Она им всё своё и отдала.

Дома, когда мать увидела пустую корзинку дочери и хотела приласкать и успокоить свою неудачницу, она гордо ответствовала:

- Я собрала больше всех! Но отдала Саше и Верочке, так я с ними договорилась! С ними было веселее собирать!

Мать только руками развела и произнесла те, запонившиеся навсегда, строчки стихотворения, позже выученного Аллой:

«Чужая радость так же, как своя»!

Годами позже Алла думала, что это стихотворение Заболоцкого, пусть и не прямо о ней, но во многом о ней, и других, таких же, как и она, девчонках.

К началу юности Алла чисто внешне, как-то выровнялась. Все окружающие соглашались между собою в том, что она хорошенькая, а возможно даже и красивая!

Только саму Аллу в этом даже зеркало не убеждало! Ей всё чудился за этой молодой эффектной девушкой силуэт неуклюжей, стоявшей выпятив живот, девочки-подростка, задраженной и несчастной...

Всё понимая, не могла Алла с собой ничего поделывать! Только повторяла про себя – «у меня синдром «некрасивой девочки, изуродовавший мою психику!»

Да и окружающие, как и ранее в отрочестве, казались прекрасными, способными, умными. Они, многие из них, представлялись талантливыми, не чета ей!

Подружилась она с божественной компанией, с людьми нервно-изысканными, такими же изощрёнными, как ей виделись из далекого времени, декаденты! Эти теперишние непризнанные гении и таланты, будто бы подчёркивали, оттеняли её собственную, серость, её бездарность! И тогда, как десятилетия назад в сосновом бору, она решилась! Служить им! Верной рабой, ковриком у ног, кем и чем угодно! Она подчас доходила в своём самоуничижении до того, чтоб служить пьедесталом, подножием памятника!

Потому и львиная доля стипендии, а позже и половина зарплаты уходила на потребности этой её компании: на покупки у спекулянтов разного дефицита, вроде «цейлонского чая», растворимого импортного кофе или зёрен «арабики», на покупку хороших сигарет, многим надоело курить болгарские, даже «БТ» уже не устраивало, многое приходилось Алле покупать с рук.

Богема принимала её «поклонение», как нечто должное, положенное, уверенно, как и когда-то брат с сестрой в незабываемом бору.

Молодой художник-абстракционист стал её мужчиной, имевший доступ к её телу в любое время дня и ночи. Потому что ему, как считал он, было необходимо «сбросить» ненужное напряжение. Алла с благодарностью отдавалась ему, хоть никакого удовольствия о котором говорили все, она не ощущала.

Забеременев Алла захотела избавиться от плода, но он, неожиданно решил на ней жениться!

Она была счастлива уже тем, что не надо было лишать жизни неведомое существо! Только родители её отчего-то не обрадовались этому?! Не нравился им зять, ну ни на капельку! Они-то понимали, что иногородний парень, без образования, профессии и места жительства оброчухатил их чудачку, чтобы ухватить, а скорее урвать и себе кусочек от жизненных благ.

Алла сначала металась между родителями и мужем, но родив дочь, сосредоточилась на крохотном существе, что требовала её всю и всецело себе.

Такой она была всегда, для другого, для других, а став мамой и вовсе позабыла о себе.

Через три года дочь пошла в детсад, Алла на службу в школу, а муж подал на развод, намереваясь и разменять квартиру, ведь в ней он был прописан.

Суд был долгим. Алла была за то, чтобы отдать ему часть жилплощади, ведь ему же надо было где-то не только жить, но и творить! Родители её не считали его не только гением, но и художником вообще. Суд выиграли они, адвокат был знакомым семьи. Художник с нею развёлся и исчез, словно его никогда и не было. На алименты она не подавала, и не искала его.

Дочери её исполнилось семь лет, когда Алла в филармонии познакомилась с бездетным вдовцом. За которого через год, будучи вновь беременной она опять вышла замуж. На этот раз родители её были довольны, хоть новый муж был старше их дочери на пятнадцать лет, но, как они считали, человек основательный! «Крепкий мужик!» - говорил отец Аллы, кроме того и на большой должности, главный инженер завода-гиганта.

Именно с ним Алла почувствовала себя молоденькой девушкой, постигающей тайны семейной близости. Сначала она и ему не верила, называвшего её не иначе, как –«моя красавица»! А поверила в него только тогда, когда он её чувственной женщиной сделал. С ним она в полной мере познала приносящую огромную радость, плотскую сторону любви. Он, умелый любовник, понял её, неискушённую, боящуюся так называемых «унижений», и ввёл в неведомый мир наслаждений, научил искусству любви...

С ним она и уверовала в свою красоту, в собственную сексапильность, в себя как в Женщину!

Но он так же внезапно и ушёл из её жизни, как и появился в ней. В самом конце Перестройки он погиб при ликвидации аварии на заводе, на котором проработал больше тридцати лет.

Ушли из жизни и её родители.

Так Алла осталась одна с дочерьми, а шли лихие 90-е. Их в эти годы спасло то, что родительскую большую квартиру Алла сдавала квартирантам.

Потом девочки выучись, вышли замуж и вместе со своими мужьями работали за границей программистами.

Алла выйдя на пенсию не нуждалась, и пенсия была, и квартиру по-прежнему сдавала, да и дочки ей постоянно присылали посылки, или наезжая везли кучу подарков. А куда ей было надевать это всё, она по-прежнему жила внутри книжных переплётов, фильмов, что просматривала, сначала на видеомagneтофоне, уже потом на компьютере.

Всё это вспомнилось ей сейчас, она настолько погрузилась в воспоминания, что оказывается ничего и не записала, а только думала о том, что жизнь была дана ей для разного рода испытаний, а сколько плача было в ней да и несправедливости...

Но откуда-то, из глубин памяти всплыло когда-то читанное, торкнувшее её душу, и как оказалось забытое из «Плача» пророка Иереми: «Зачем сетует человек живущий?!

В это мгновение зазвонил телефон, высветился номер младшей дочери, откликнувшись, не здороваясь она воскликнула: «На что же жаловаться человеку живущему?» И залилась слезами, а на другом конце света дочь, её кровинушка отозвалась: «Да, мама, всё верно, радоваться надо, что живём на белом свете...»

Игорь Силантьев
/Новосибирск/

Пошел человек к свету

***

Запыленное оконное стекло, за ним решетка.
Занемевший замок, от которого ключ потерян.
За решеткой слоями висит забытый воздух.
За решеткой забыт несуществующий снег.

И неловко глядя в окно, ты не существуешь.
Странное, сладкое, горькое это чувство.
И все, что было с тобой всегда и когда-то,
Уходит к неровной земле несветлой листвою.

И неровный сумрак ложится тебе на руки.
Но снег, воздух, память, листву, если все это
До пыли и до немоты перетереть в ладонях,
Останется странный сладкий горький свет.

***

Я поставил на стол стакан, полный воды.
Потом потянулся открыть вечернее окно,
Но запутался в шторе и стал ее поправлять,
И при этом задел и опрокинул стакан.

Вот он округло лежит на граненом боку.
Вода по пустому столу вся разлилась
И на пол сбегает. Емкий стекольный звон
Сменился дробью капель и веером брызг.

И вместо того, чтобы все это сразу убрать,
Я распахиваю настежь окно и снова сажусь
За мокрый стол. А небо уходит в закат,
Отвечая стеклу тонким и ровным лучом.

И разлитая вода забирает упавший свет.
Но все же немного неба достается и мне.
А много не нужно. И в следующий момент
Возникает новая странная острая связь.

Возникает сцепление несоразмерных частей.
Это, собственно, я, и свет, взятый водой,
И особенный тонкий путь, ведущий поверх
Почти зашедшего солнца. И я уже там.

Понемногу уходит в зелень закатная медь.
Сгустившийся воздух мне холодит лицо.
И я еще здесь. С кухонной тряпкой в руке
Я тщательно, насухо вытираю мокрый стол,
А потом убираю стакан в посудный шкаф.
Я все еще здесь, среди привычных вещей.

***

Килька в томате да водки нехитрой чекушка.
Туда ее, теплую, в стаканчик косою одноразовый.
Туда же, в стаканчик, шальную звездочку с неба.
Горечь разбавить. Хлебца бы еще, да нету.
Ну дернули, что ли. Кильку цепляй пальцами.
Оближешь потом. И за первой сразу вторую.
Чтоб замутились глаза и душа заиграла нескладно
И отчаянно, будто отцовский баян из чулана.
А в ответ зашумят ослепшие от зноя, от пыли
Тополя, что в ночи у скамейки горбатой собрались.
И пустой ветерок вокруг шеи петлей обернется.
Без намеков на что-либо, так, из шалости просто.

Все, что ты можешь, это складывать слова нечаянно.
Все, что умеешь, это складывать из слов созвездья.

Дотянись-ка еще до одной, и давай по последней,
С искрящим на дне огоньком. Хлебца бы еще немного.
Еще бы немного прохлады, а то вконец жара замотала.
Еще бы воздуха, чтобы задышать, и воды из-под крана,
Чтоб запить эту кильку дрянную и забыть про водку.
Еще бы немного жизни. Но пора домой, уже поздно.
Прихватить только нужно пустую бутылку и банку
Консервную, бросить их где по дороге в мусор.
И пора, пожалуй, завязывать с дурацкой привычкой
По пьянке беседовать душевно с самим собой.

***

Из худого кошелька в продуктовом магазине
Просыпалась мелочь и запрыгала звонко.
На все стороны сразу. Кругом оглянулись.
А в руках пакеты, кошелек этот неладный.
И с трудом нагнувшись, ты подбираешь монеты.
Попробуй, прихвати-ка их с грязного пола!
А какие-то укатились далеко. И люди
Протягивают упавшие денежки. Спасибо...

Наконец, ты выходишь на улицу, в темень.
На лед. На свой страх и риск. На ветер.
Но рвется пакет, и валяются на дорогу
Дурацкие мандарины. Да что же такое!
Чертыхаясь, ты собираешь их торопливо.
Рассовываешь по карманам вместо пакета.
Ну что же теперь, что рассыплется следом?
Разом обрушатся дома? Или, может,
Птицы упадут на землю? Или звезды?
А ты собери их в кошелек свой и станешь
Самым богатым. А вот эту не заметил!
Сейчас ее подам. Спасибо? Не стоит.
Мотаешь головой? Ах да, эти птицы
В глаза залетели гроздью, расселись
По ветвям твоей памяти, с шумом, свистом
Заполнили прошлое, будущее заполнили.

Ты хватаешься за голову,жимаешь уши.
Ты сжимаешься в одну пульсирующую точку,
Какой был когда-то в материнской утробе.
Но тут тебя кто-то трогает за рукав...
Все, остановись. Ничего не случилось.
Это бабушка протягивает тебе мандаринку,
Которая откатилась далеко. Спасибо!
Мир остается. На прежнем месте.

***

Автобус, давка, выкручены руки.
Потом по темноте через дворы.
Вот, наконец, горбатая хрущевка.
Твой дом. И ты чуток навеселе.
Так, по пути с работы, в одиночку,
В закусочной продернул рюмку-две.
А снег под вечер сыплет нудно, липко.
Щекочет нос, мешается в глазах.
И хлопает кривая дверь подъезда.
И ты, вместо того чтобы войти,
Садишься на скамейку, превращаясь
В снеговика, забытого детьми.
Мир соткан из условностей. Не важно,
Есть у тебя жена и дети, или ждет
На кухне только грязная посуда.
Или ты вовсе выдумал себя.
Но важным вдруг становится другое.
Ты поднимаешься, отряхиваешь снег,
И расправляешь руки. Или крылья?
И отрываешься, не веря, от земли.
И это не полет, скорей, парение
Клубочком дыма, по спирали вверх.
Куда, зачем? И можно ли вернуться?
Вопросы падают, утрачивая смысл.
А снег стеной заваливает время.
И вечность открывает робкий лик.
И исчезает, обращаясь в точку,
Детьми забытый снеговик.

***

Ты, предположим, в пустой сидишь комнате за столом,
Тоже пустым. На столешницу падает свет из окна.
Рыжими осами вкось от затертого дерева и вразлет
Свет облепляет лицо и не больно жалит глаза.
Словно проводит анестезию. И ты, наконец,
Можешь смотреть на открытое солнце, а также вглубь
Закрытой своей души. И тебе хорошо видны
На солнце черные пятна, и светлые пятна в душе.
И наоборот. Все путается, когда переводишь взгляд.
А еще эти слова, рыжее, красное, и дерево занозит.
Даром что гладкое, но неровность можно найти везде.
Красное – кровь. Слизнуть, зацепить занозу ногтем.
Глупость какая. Пустая морока. Да и стол пустой.
Но пустота – ты это откуда-то знаешь – позволяет тебе
Наполниться странным этим светом. Он стал остывать.
Он стал больше похож на тихий неправильный сон.
Вот уснуло окно. Это вечер. Руки холодит стол.
Наверное, достаточно. Большого чуда не жди.

***

Подтаявший, колкий, посеревший местами снег
Набухает утренним светом и вешней водой.
Разглядывать его — одно, а ты сойди с тропы
И, по колено в сугробе, рукой его зачерпни.
Вот, на ладони он, льдинками альпами жжет.
Сожми его, а потом рукой проведи по лицу.
Грубая свежесть. Неправильный запах весны.
В ботинки уже просочилась вода от земли.
Все просто. И снова кого-то распнут на кресте.
Ты вздрагиваешь, будто от холода. Нужно спешить.

Евгений Ивачевский
/Екатеринбург/

Неразменный рубль

***

окно откроешь слышно дождь идёт
троллейбус плавно набирает ход
и щёлкает электропередачей
была бы дача
сунуть сливу в рот
глядеть с крыльца и думать что иначе
мог написаться жития извод
где пьют с лица
вздымаются из вод
и неразменный рубль заранее потрачен

туман

а ещё бывает вот так что сироты ссыпают
горсть неподписанных карточек банка
в пять утра оплатить желая конфеты
банку холодного чая и едят его время
он сутки не спал а на улице тёплый туман
в постелях пока даже те кому на работу
включая где-то отца который в жизни ни разу
не дал ему ни рубля ни разу ни одного

фома

иоанн креститель к нему по ночам спускается
реставраторы говорит не подделывают икон
для замены музейного фонда с последующей
контрабандой продажей покупкой домов катеров
они просто спасают реликвии сохраненные вопреки

капитан николаев тогда просыпается
не верю говорит никому ни тебе ни крестнику твоему
в холодном поту воду пьёт
на службе с утра заикается

миазмы

например эта машина поворачивает
а другая не поворачивает
потапова лиза себе замечает
если я белые полосы перешагну не наступлю
григорий иванович зачёт сегодня пропустит
заболеет чем-нибудь захворает

елизавета потапова когда влоборота сидит
почему у меня внутри всё совсем замирает
зачем
такая красивая и в микробиологи
вот ведь
болезни будет искать
неизвестные
неизлечимые

миша борется

болезнь миша ему говорит
это как будто бы тренировка
я изо всех сил напрягаюсь
тело своё приучаю к будущей смерти
и сам потихонечку приучаюсь

ты уже мастер международного класса
думает врач химию поправляя
однажды твои тренировки закончатся
однажды для нас для всех всё закончится
дальше только сплошная олимпиада
её олимпийские боги
и заслуженная награда

спинка вашего кресла не наклоняется

нудна твоя педантичность говорит ему анатолий
мусор пакуешь коробочки в лётном комплекте питания
словно останки шахида в лабораторию отправляешь
салфетка к салфетке коленочка к локоточку
в наушниках девушка у аварийного выхода
сама себе подпевает сама себя утешает
перестаёт трясти многие расслабляются засыпают
облака внизу думает ковалевский летим вверх ногами
головами касаемся синего моря тёплого океана

первый этаж

я когда в окошко выглядывал помнил потом всё лето
где какая в асфальте трещина камешки где прикасаются
подорожника лист покрывается пылью дождём отмывается
слышишь людмила
дешевле сейчас на родосе кризис там скидки большие
платежи у нас по кредиту шестнадцатого и двадцать второго
не забудь говорит георгий жене обязательно не перепутай

сыну

закручивая арматуру что после будет залита бетоном
выведи имя своё изящным насколько это возможно в металле изводом
на этом фундаменте вознесётся очередной муравейник
или скорее улей назовём его необычно пчельник
по вечерам приносящие в лапках немного денег
усталые особи забиваются в тесные соты-кельи
где в ожидании сна из которого снова в стандартную схему/смену
бьются тихонечко в них головами своими о стену
волны ударов расходятся в сторону вглубь и в фундамент
имя твоё вибрирует и возрастающей амплитудой
ухом бессонным неслышимых колебаний
распространяется по монолитным сваям — оттуда
те что не отражаются в крышу и далее в небо
доходят до жителей в виде скользящих касаний
и знаешь — они лечебны

эндшпиль

окунули в зябкую полынью
положили на простыню
поднесли его к перекрестьям
знаем дважды нельзя
но позволь ему испытать
ты ведь милостив к сыновьям
это всё о чём мы попросим

говорит ему
встань
ходи

поднимает голову длань
дай подумать
господи

и берёт ферзя
ходит им на е-8

станция

а помнишь столики высокие в буфете
коньяк в стакане мишек на конфете
на блюдечке прозрачный сервелат
ты обещал — приедем в ленинград
дела немедленно пойдут на лад
начнём с рабкоров в городской газете
так начинали те и даже эти
и на фанерных креслах спали дети
шёл за окном прозрачный снегопад
за стойкой подпевала невпопад
буфетчица своей радиоточке
ты говорил — оплачивают строчки
а мы — мы в этом хороши
не знал — здесь в призрачной глуши
у скорых не бывает остановки
но я молчал мне было так неловко

сказать что выпьем и пойдём назад
пошли — и сосны обступили вокруг
тебя нет четверть века друг
а я всё так же еду в петербург

***

через дорогу стройка там война
где ты или фашист или индеец
медвежья кровь испитая до дна
а на закуску только острый перец
в квартире с сигаретой тишина
и с эндшпилем доска на табуретке
здесь денежка в копилке сочтена
здесь первый ток пощупанный в розетке

***

когда бы взяли в гастрономе три вина
буханку хлеба иваси и шпроты
сидели бы на кухне дотемна
наутро не пошли бы на работы
ведь нет работ а есть одна вина
пред родиной женой и глубина
отчаянья как правило до рвоты

Ян Любимов
/Челябинск/

Хочется говорить

поэма в трех частях

5

да, это совсем не сложно
это приятно быть таким легким
что растворяется в молоко
пальцы твои

расскажи каково
быть такой сильной
истории из
становящейся моей жизни
как я люблю

снег все еще идет
мы уже идем
мы встаем
ждем
закрывается дверь

и все
разлетается, все
становится, но
я не хочу чтобы оно становилось!
я хочу боли, т.е. движения

всё.

выпал снег, ты стала прозрачной,
я ловлю силуэты в снежинках
господи, неужели не видишь?
это прекрасно

4

целоваться лёжа на камнях,
замирать услышав крик,
постоянно становиться,
человек – это постоянно становиться.

мы ведь совсем уже не важны:
это бабушка и ее вкусный хлеб
это лающий пес
это детство ради которого хочется.

умереть как форма решений
исчерпала себя, личностный суицид
давно растворился, хочу
другие признаки вещества

другие признаки вещества – пустота
застывающая в нем
застывающий в ней человек
всеобнимающий

3

теперь я весь сложен из твоих прикосновений
это так приятно я как будто бы зановый
грустно

поговори со мной так как умеешь только ты
(и не только ты)
поговори со мной так, как я хочу чтобы умела только ты

солнышко, удивительная чистота
ждет нас по ту сторону, здесь
ты это брось, здесь только желание

2
вот уже и осень закончилась
другой период становится

мы (а это я и несколько вас)
вдалеке но вдыхаемо связаны

1
как значительно\значимо чувствовать себя живым

0

Фотя Витрыло
/Шпола/

Моё магическое тело

*«Один человек вырабатывает столько электричества,
что его хватило бы на нужды целого города»
(из научной статьи)*

Недавно я прочла такую фразу: «Наши раны суть наш двигатель Духовного Роста».

Тем не менее, мы часто молим Господа избавить нас от боли. Возмущаемся, когда судьба дает нам пинки, и с криком вопрошаем: «За что?!»

Я не буду сейчас рассказывать о личных ранах. У вас и своих достаточно. Разве что, в утешение?.. Ну, чтобы вам легче стало от сознания того, что и другие страдают. Этот фактор часто действует эффективно.

Но нет, ближе к делу. У меня есть кое-что поинтереснее.

Это случилось, когда моя рана уже почти затянулась. Она не болела, только если нечаянно коснуться, напоминала о себе. И я просила у Господа Силы.

Да, я так и говорила ему: «Боже, дай мне Силы! Помоги мне открыть мою личную Силу. Я хочу не иметь больше зависимостей, не обижаться, не БОЯТЬСЯ и любить СЕБЯ! А ещё я хочу летать. Как птица. И творить материю из мыслей. Ну, ты понимаешь, Господи. Так, как ты это делаешь: «Да будет Свет!» И Свет возник.

Ты ведь живешь в каждом из нас. Так проявись!»

В это время ко мне пришла загадочная записка в Интернете от неизвестной женщины по имени Людмила. Она писала: «Доброго времени суток! А Вы уже нашли свой выход из лабиринта судьбы?..»

Я поняла, что она имела в виду одну притчу, которую я только-только опубликовала. Она называлась «Лабиринт».

Я почему-то насторожилась, и этот вопрос показался мне заданным не из праздного любопытства. Но я ответила: «Да, я нашла. А Вы зачем и как меня нашли?»

Вот тут-то начинается завязка.

Женщина начала плести словесные кружева на темы магии, эзотерики, оккультизма. И расспрашивать, как я к этому отношусь. Я сказала, что, как и многим людям, мне интересно всё неизведанное. Тем более, я писательница.

И тут началось неожиданное. Она заявила, что занимается магией под руководством своего Учителя, мага очень высокого уровня. Что Учитель смотрел мою фотографию на моей странице в Интернете и сказал, что у меня имеются очень большие потенциальные возможности стать магом. Может быть очень хороший результат.

Далее она сказала, что Учитель предлагает мне свою услугу. Он «вольет в меня Силу» и я стану настоящим Магом. Ведь Магом может сделать только Маг. Денег за это не надо, никаких материальных ценностей не нужно, (маги такого уровня денег не берут, деньги берут только шарлатаны), просто в будущем я окажу ему какую-нибудь мелкую услугу, если захочу. Для ритуала нужно только моё фото, (можно в электронном варианте), и моё согласие и желание.

В эту минуту я подумала о том, что в Интернете моих фото предоставлено.

Я сказала ей:

- Допустим, я такая сумасшедшая, что в состоянии поверить вам... Но, «бесплатный сыр бывает только в мышеловке». И не говори, что это не так.

Мы уже перешли на Ты.

Она сказала далее:

- Ты ничего не будешь ему должна. Он тебе сейчас поможет, а ты ему поможешь в будущем. Но, опять же, если пожелаешь. Должна сказать, что мой Учитель служит Создателю. Это значит, что колдовать нельзя, никаких заговоров, проклятий, нельзя брать деньги за применение магии. Нельзя лечить. Силу использовать только для самосовершенствования, для приобретения новых уровней Силы. И ещё: Маг перерождается и помнит все свои прошлые жизни.

- Значит, твой Учитель просил тебя найти ученика?

- Нет, ты неправильно поняла. Ученица у него одна – Я! Он не берет учеников. Он просто вольет в тебя Силу и ты станешь Магом. Ведь ты просила Силу. Небеса пошли тебе навстречу. Тебе сделали предложение. Решай теперь, действительно ли тебе это надо? Или ты хочешь остаться обычным человеком?

Человек более серьезный и менее романтичный уже прекратил бы этот разговор. Да, знаю, знаю...

Но меня разжигало какое-то необузданное любопытство. К чему это приведет?

Я сказала:

- А я могу видеть ваши фото?

- Да. Сейчас вышлю.

Учитель был на фото в какой-то туманной дымке, в красно-черной футболке, видно было только, что у него что-то с глазами неладно.

- Твой учитель на фото вроде как сильно молод, - сказала я.

- Ему на физике 25 лет, - ответила Людмила. – А это имеет значение? Мне вот – 47 лет... Но у него такой уровень мастерства, что ты себе даже вообразить не можешь. У меня тоже был уже не хилый уровень. Но меня выбили. Их было 11. Целая организация. Если бы по одному, я бы их в лепешку раскатала. А так не отбилась... я теперь почти человек. Но учитель меня постепенно восстанавливает.

-Зачем твоему Учителю вливать в меня силу? Неужели только из-за какой-то туманной вероятной услуги в будущем? Не может быть.

- Просто магов становится мало. Особенно женщин-магов.

- А куда же они деваются, если они бессмертны?

- Их убирают.

- Кто? Зачем?

- Свои же. Борьба ведется. За власть, за овладение артефактами... всё как у людей, только последствия намного хуже.

- Хорошо, - сказала я. – Мне нужно подумать.

- Да, конечно. Подумай. Пока.

И она послала мне приятно улыбающегося смайлика.

*

Тут я вспомнила свой недавний сон. Мне снилась женщина по имени Людмила. Она звала меня к себе прийти. Я не хотела. Она уговаривала прийти к 12 часам. Я пришла. Села на кровать у неё в комнате и говорю: А что я должна делать? А она что-то тянет-тянет с ответом, молчит, глаза прячет. А потом говорит: Будешь мне помогать.

Тут на кровати появился котенок странной расцветки. Я взяла его в руки, и он вдруг превратился в щенка с большим левым глазом.

Я поняла, что это был сон об этой самой Людмиле... Почему она говорила «к 12 часам»? О! конечно! Ведь сегодня 12 число! Сто процентов, сон в руку! Но кто же тогда котенок, превратившийся в щенка? Неужели Учитель Магии будет сниться в образе котенка?

Здесь что-то не то... Скорее всего, эта женщина сама – главная... а парень просто её подручный. Что им нужно от меня?

Если не деньги, то что? Может, она обладает какими-то способностями, которые позволяют ей гипнотизировать людей и как-то их использовать? Очень странно и непонятно.

Пока разные догадки роились в моей голове одна фантастичнее другой, наступил следующий вечер, и ко мне «постучалась» Людмила из чата.

- Сегодня здесь мой Учитель присутствует. Мы ждем твоего ответа!

- Он и вчера был с тобой, - сказала я.

Она помедлила с ответом, а потом написала:

- Вчера ещё нет...

- Ладно, - сказала я. – Сделаем вид, что я тебе поверила. А теперь я хочу ответить: ваше предложение очень соблазнительно. Но, у меня есть своя Личная Сила. И если сейчас она ещё под замком, то Бог даст мне ключ, когда я буду достойна. И тогда это будет ДАР. За который я никому ничего не буду должна. А если твой учитель «вольет в меня Силу», как ты говоришь, тогда я стану зависимой. Зависимость – это то, чего я меньше всего в жизни желаю.

-..Вы как дети малые! (это говорит мой Учитель) Бьетесь головой об стену. И стене ничего, и голове ничего.

-Я знаю вас, - говорю ей. – Вы мне снились недавно.

И описываю сон. А потом добавляю: «А человек со шрамом на левой щеке и с большим левым глазом снится мне давно. Периодически.»

На первый сон они ничего не ответили. А о человеке со шрамом начали расспрашивать:

- Как он тебе снится? Нападает? Атакует?

- Нет. Не атакует. Просто встречается неожиданно на моем пути и молча смотрит. Или говорит что-нибудь.

После этого они надолго замолчали. Потом вообще отключились.

«Сказка становится ещё интереснее, - подумала я. – Чем это я их напугала, что они смылись?»

Но через несколько минут они опять включились в разговор. Но я в это время почувствовала себя очень плохо. Мне стало как-то сильно грустно, тоскливо, и я написала им:

- Я плохо себя чувствую, и мне не хочется больше разговаривать.

- Иди поспи, - сказали мне заботливо. – Расслабься, отдохни. Только будь в комнате одна. Чтобы ни человек, ни животное не заходили к тебе в комнату. Это очень важно.

- Почему это? Мой черный кот мне не мешает!

- Никакой живности! – приказали мне. – Я потом тебе объясню.

Я сказала в ответ:

- ОК!

- Приятных снов!

И послали смайлик цветочек.

*

-Вон оно как, - размышляла я, прохаживаясь по комнатам. К слову сказать, последние несколько дней я была дома совершенно одна.

Сначала я решила впустить на ночь в свою спальню всех своих трех котов: черного, серого и рыжего. А потом подумала: «Ой-ой-ой! Как они меня зашугали-то! Бред какой-то. Нет уж, голыми руками нас не возьмешь! Не верю. Бред, бред, бред! Котов – вон из спальни! Я лучше помолюсь, чтобы ничего плохого со мной не случилось!»

Я выключила свет, легла и начала повторять «Отче наш», пока не уснула. Правду сказать, смутные страхи вокруг меня кружились. И в час ночи я проснулась оттого, что мне что-то накошмарилось...

Включила свет. Встала, побродила по дому. И вдруг поняла, что я боюсь темноты.

«Ладно, - решила. – Буду продолжать спать с включенным светом. Так и быть. Много не нагорит.»

Я легла опять. Было как-то душно. Сердце ныло слегка. И не спалось. Вдоль позвоночника бегали огненные муравьи. Но это было обычным для меня явлением. Вскоре я подумала, что так и не смогу уснуть до утра.

И тут... произошло что-то потрясающе-необъяснимо-необычное! Вдруг раздался такой рев, словно сотня мотоциклов завелись над ухом, причем, без глушителей! Я не успела испугаться, и в следующую секунду моё тело начало очень сильно вибрировать. Не внутренне, а всё полностью. Меня трясло и ревело где-то с минуту. Правую ногу, согнутую, начало выпрямлять, словно кто-то взял её руками и тянул.

Самое интересное, что у меня не было страха.

Когда всё неожиданно закончилось, я пыталась понять, что же это было? Не могла.

Страх исчез. Я посмотрела на часы. Было около трех часов ночи. Выключила свет и легла спать.

Вдруг почувствовала умиротворение и любовь к миру. В сердце возникло странное спокойствие, ощущение, что никто мне не может навредить. Будто я - под крылом огромной невидимой птицы, оберегающей своих птенцов.

Так я и уснула.

На следующий день я всё ходила и думала: что это было?

Если это работа моих знакомцев, то... нет, вроде чувствовала, что это не то...

Вечером мои знакомые Маги засветились в эфире. Я молчала. Они светились часа два, но ко мне не обращались. Потом они отключились.

«Хмм... если это была их работа, - подумала я, - они должны были спросить меня, как я себя чувствую? По идее...»

В моем состоянии теперешнем я чувствовала себя, как обычно. Ничего не изменилось, я не стала повелевать стихиями и не видела никаких существ.

Может, это Кундалини, вдруг подумала я? Но почему именно в эту ночь? Почему такое совпадение? После того, как мне посоветовали, чтобы в комнате никого не было...

Я решила рассказать обо всём Федору. Когда я сказала: «... и тут раздался такой невероятный рев...», он резко взглянул на меня и спросил: «Словно реактивный двигатель под ухом завелся?»

- Да, - сказала я. - А что? И у тебя такое было?

- Было. Ещё в прошлом году... Да я же тебе говорил.

- Ага. Помню. Только я тогда не могла себе представить, как это...

- А теперь представляешь?

- Представляю. Это было грандиозно. Ох и силища! Так ты считаешь, что это Кундалини?

- Ну, а что же другое может быть?

- Даааа... Но скажи, какое отношение ко всему этому имеют мои знакомые Маги?.. Почему они сказали мне: «Иди поспи и чтобы в комнату к тебе не заходили ни человек, ни животное...»

- Вот этого я не знаю...

Кстати сказать, Маги ко мне больше не обращались. Не писали, не звонили. Даже не ответили, когда я послала им картинку – мандалу «Сила Духа».

*

Всё-таки, одна версия разгадки у меня появилась.

После того, как я вспомнила давний случай.

Несколько лет назад подруга лечилась у какой-то женщины-экстрасенса. И затянула туда и меня. Эта Наталья Лукьяновна, очень интересная особа, врач-кардиолог и гомеопат на пенсии, зарабатывающая себе при-

бавку тем, что её способности и возможности позволяли, поселила нас в своей квартире в Киеве на трое суток. Мы платили ей за лечение и составляли компанию против суки. Чтобы ей веселее было.

Каждый день она проводила сеансы – пассы вокруг всего тела. И вот третьего дня произошло что-то непонятное. Когда она начала делать пассы, я почувствовала вокруг своего тела какую-то невидимую упругую оболочку, которая сильно оттолкнула Наталью от меня. «Хмм... показалось что-то,» - только успела я подумать и взглянула на неё. Она стояла, застыв с поднятыми руками, удивленно глядя на меня, и вдруг произнесла вполголоса: «Ого!»

Потом опустила руки, отошла и сказала тихо: «Ну что ж... Видать, с тебя хватит...»

Так вот... Сейчас пришла ко мне невероятная догадка.

Возможно, мои знакомые Маги и чародеи и вправду хотели и могли как-то воздействовать на меня. Поэтому и добивались моего расположения и согласия-доверия, чтобы иметь возможность проникнуть поближе. И когда наш разговор приобрел почти дружеский оттенок, они решили действовать, хоть и не получили явного согласия.

И... что было дальше? Это моя версия: ночью они проводили какой-то ритуал, направленный мне во вред. Но, в это время моё умное Тело включило для защиты свою «электростанцию». И произошло то, о чем я рассказывала.

Маги почувствовали, что им дали отпор, и поняли, что здесь им ничего не светит. Поэтому и прекратили общение и даже перестали здороваться.

Я сообщила о своей догадке Федору. Он воскликнул:

-Во! Вполне может быть... И как ты догадалась?

-Не знаю... Интуитивно. И ещё вспомнила Наталью Лукьяновну.

Вскоре одна чудесная женщина, очень сведущая в этих вопросах, подтвердила мою догадку-разгадку. Она рассказала, что её прежде тоже часто атаковали маги, и даже хотели в какую-то свою школу затащить. Сказала, что это их любимое занятие – атаковать ночью, чтобы подпитываться от сильных и доверчивых людей, которые ещё сами не знают, кто они есть.

Да, а ещё я поняла, что если вам говорят «мы вам дадим», значит, хотят отнять.

А кошки и собаки — не просто так с нами живут, и не даром свой хлеб едят, они нас охраняют на невидимом фронте. Так что, уважайте их.

Ирина Любельская
/Московская область/

Режущая тишина

I.

в бесконечности знаков

каллиграф:
одни и те же знаки
при бесконечности пишущего.
бесконечность знаков –
и ни один из них
не говорит о нём.

какая насмешка над взглядом!
какая справедливость к вещам.

он целует своё отраженье в равнине
идушим снегом,
как целует в губы
душа душу.

отражение не говорит о нём.

чтобы его сердце было во мне,
(это то же самое,
что чистый лист)
какая уловка, какой чистый обман,
обман богов!
какая уловка от улавливающих!
и от улавливающего себя.

II.

систематика позвоночных беспозвоночных

Ежедневный привычный рутинный
кошмар
Жить с тобой
Ты сам знаешь

Говорит ему Иов
Хотя сколько еще говорить
Сколько еще сказать

Систематика позвоночных
Беспозвоночных
Говоришь
Вот чем мы с тобой
занимаемся

III.

Иов

Это я, Господи,
А это ты

Сказал Иона
Спросил Иов

Это я, Господи.
Это ты, Иов.

Вот мой нечистый рот
Язвы вокруг него чисты

Я – Иов,
Ты – Господь,
Мы возродимся
На одном
Листе лотоса

У нас было
Очень счастливое
Детство
Потому что было
одно

Я твой Бог
Ты мой Иов

Вот мой нечистый рот
Язвы вокруг него чисты

На это
Он ничего не имел сказать.

IV.

и пар не имели

там было трое
и пар не имели
«животным устроим
рога и постели

и воды и суши
и воздух и мели» –
и были послушны
быть целыми в цели

полярное «вечно»
день сбудется ночью
бесснежно-безмлечно
детёныша хочет

молчанье имею –
и время мололо
меловое семя
молочное слово

я только рельеф я
непарным тюленем
что грех и что это
я точка я время.

V.

Что говорит Талмуд

вот если два человека
говорит Талмуд
а ведь для этого
должны встретиться
два человека
должны идти
по одной дороге
или ехать на ослах
на волах
для этого
должны быть
два человека
два человека
это начало Торы
Библии – говорят другие
два человека
должны быть
как грустны глаза
знающего о том
что написано
в Талмуде

человеку нельзя одному
такие вещи и вещества
что предваряют меня –
волны над головою шторма

VI.

Когда она сказала

1. Когда она сказала:
может быть ребёнок;
может быть, будет ребёнок –
Он, старый, принял это;
не сказал – «свободна!»
...Огненно-дымный столп из-под стоп
Авраама, старого, как перекасти-поле.

2. На неё
грех не смотреть – и грех смотреть.
Вздёрнутый живот –
а могла бы сделать,
известить
избавиться.

Думает: мои бабушки
никогда не знали друг друга.

3. Иногда я его жалею:
сильного – как человек слабого.

Жалею, скриплю жалостью.
На старость не хватит терпения.
И даже сладкий жёлтый воздух
чужих легких
пить – нет.

4. Облако горит, как мои лёгкие,
слезится, как глаза.
Говорит: это всё обо Мне.
И ничего обо мне.
Говорит: но это всё не Я.

Ною, колыбельную голубю ною.
Нюхая снег, я слепну.

Он – милосердный.
А я даже не знаю, что это такое.

5. Говорит: ты скажешь, что не знал меня,
А ты и так не знал, –
Так что
Всё нормально, спокойно.

Когда он цветной тяжестью
И горы вокруг отекают слезами.
Или – режущая тишина
вокруг холодного лица.

Бессмертье богов и героев
превращает их в пошлость.

А вот голуби-лагерники
С отморозенными лапами.
Так будет как в жизни:

Это не грязь – земля.

VII.

Пока речи нет

там стояла в рост молодая Ева
у коленей сгорбившись сидит Енох
вокруг царство травы повсюду
перебитые горшки и посуда

не смурна вечером
на сносях утром
не кричит кречетом
свиристеlem курой

вздыбленные горы
и тростник пакля
суховатый сор
сучья гнезда сакли

ласточкой чернеть
сердце груди тянет
пока речи нет
поперек гортани

Еве вновицу
а когда не нравится
сморщено лицо
и в соплях пальцы

день базарный час
локоть лапата лопать
у скотов в очах
памятью потопа

и безмолвно в день
ударяясь в персти
птица свою тень
солнечную крестит

где в живых цветах
и живот и топот
сорвана гортань
в кулаке сопли

VIII.

понять метафору

это от ветра удушье
плещется бьёт о камень
жизнь не хотела душу
её держала руками
из ничего узнаю
и восприму из звука
дух догоню узлами
потоп по правую руку
в уши зальет – оглохнешь
и с обожженным мозгом

и когда вот-вот утонешь
будут просты вопросы
чаек крикливый табор
исчезновенья их грохот
значит понять метафору
как научиться вдоху
надо понять иначе
иначе жизнь – и истлела
но метафора прячет
только своё одно тело
это узнать облик ветра
поймать его легкий колкий
и он не знает про где ты
где носишься ты подолгу
как человек – побег бога
бежит он него миг краткий
когда темноты слишком много
путь божества – обратный
обратный для человека
только протянешь руку
что мне хранилища снега
зачем мне стены Урука.

Дмитрий Дедюлин
/Харьков, Украина/

Своими словами

ПОСТПРАВДА О СТАРИКЕ ХАРОНЕ

истинная правда глаголет твоими словами, дорогой друг – ты как покойник хорошо одет, чисто выбрит и воняешь одеколоном но подумай, дорогой друг, что будет с тобой завтра – не положат ли тебя в дорогой гроб, не защёлкнут ли золотые запонки, не украсят ли цветами твоё дорогое ложе и не будет ли кого-то из толпы кто прочтёт поминальную молитву и скажет: «он был таким же как мы – помянем его, дорогие братья, за его усидчивость, за его долготерпение, за то что он протёр две сотни пар штанов на нашей работе – он сидел с нами с первого класса и он был лучшим учеником – лучшим чем Леди на Пикадилли и он узнал –

он понял где он может поставить точку и спустился в гигантский унитаз, нажал на слив и оказался здесь среди сияющих равнин Дикого Запада и теперь мы хороним тебя, мой дорогой друг, как последнюю надежду, как вечерний закат не отличающийся от утреннего так как они оба – оптические иллюзии и ты умираешь, дорогой друг – ты уже умер и тень уходит на рассвете чтобы найти благословенное утро – то самое Завтра которое никогда не настанет потому что настало Вчера и мы живём с этим знанием и умираем опускаясь на дно за вечерней тенью скользящей как блики луны на волне рядом с веслом Харона – старого рыбака уплывающего вдаль на пароме Надежды и Любви – последнем пароме который был пришвартован возле нашей набережной»

СЕМЬ НЕБЕС ЗОЛОТОГО СКАЗОЧНИКА

нигилизм – это костыль для обезьяны которая так и не выучилась ходить на чужих двоих ибо свои у неё четыре – кто достиг нирваны тот будет жить – пусть даже в Вальхалле или в эфире – жизнь продолжается чего бы ты не достиг – рая иль ада – падений унылые скальды, попридержите пожалуйста ваш отвратительный стих рождённый в Монако или Тегусигальпе – белая нечисть скрывается в этом ручье – белые карлики, мёртворождённые принцы, и умирает на бедном двуручном мече и покрывается пятнами вновь выбирая свой принцип снова гласящий: «Ничто»– о глухом короле снова послушайте сказку, нанайцы – как он кидался в поток, вышивал на игле и по углам

разбегались дешёвые ржавые зайцы – бедный король – был по-прежнему он одинок, детям своим доверял – толстощёким голландцам, а может испанцам, но он шагнул на зелёный и влажный порог – был поражён каракуртом –

сияющим глянец нежного неба, как будто он знал о пути но был бездомным – подумайте, дети, так много разных безбожников в небе находят утиль – их увлекает в объятия Ночи дорога – Ночь холодна – она примет всех с дивной душой – дивным рассветом она облечёт и туманом – всё хорошо, дорогой, хорошо – только уходим по-прежнему в разные страны – ты в свой январь ну а я в свои ебенья может быть свидимся перед тяжёлой дорогой – но вспоминай я прошу но увы не меня а ту разлуку что твоей управляла пирогой – словно во сне превращаемся в разную пыль – ты в водяную ну а я в золотую сухую – в сердце уходит тоски разноликий упырь но я по-прежнему, милые дети, о Боге тоскую

ДИКАРИ НА ЗОЛОТОМ ВОКЗАЛЕ ИГРАЮТ В НАПЁРСТОК

дикари освободились от пут – они их рубят, кромсают и жгут – бедные дикари – они не знают что вокруг них одна верёвка – скоро их пошлют в Гулаг на ангельскую перековку – там они заменят ангелов, Бога и даже Силы – если вы родились в Англии вам тоже одна могила светит во тьме далёкой – во тьме дорогих дикарей – память, ты лжешь жестоко – ну уводи скорей нас от зелёной мачты и золотого бушприта – миледи, вы тянете пальчик к тому что уже забыто – к тому что было нами

но уплыло во тьму времён – бьёт в этот берег цунами а я по-прежнему – он – тот кто собрался на вахту в железные ебенья – как бы добраться до трахта – побереги коня, побереги корову, побереги быка – мы начинаем сурово жить современность кляня и на Весёлом Роджере презирая быков написано: «мы в Камбодже – стране золотых дураков» – Ленин уходит в небо – убей его – не меня – жить положим нелепо – ещё нелепей менять аиста на ехидну – где-то ты встретишь смерть, мой ангелок кубовидный, положено умереть и снова воскреснуть – право, жизнь как всегда далека и жизнь – это только забава праздного дурака но на последнем свидании в небе лишающем сил

снова уйдёшь на задание – уйдёшь таким же как был чтобы воскреснуть в золоте – в небе большом голубом – все наши дети расколоты ангельским дураком чтобы оставить свидетельство в небе Архангельских Сил – спи, моё человечество, я ведь тебя любил

ИЗОБРАЖЕНИЯ НАШЕЙ КУЛЬТУРЫ ПОДДАЮТСЯ УЧЁТУ СРЕДИ ВСЕОБЩЕГО САМОУНИЧТОЖЕНИЯ

я знаю вас по номерам – мои несчастные стратеги, и учиняю тарарам чтоб жили вы на этом бреге – чтоб жили вы среди кутьи и обзолённого рассудка и променяли на ничьи того что было только шуткой и только жизнью и ничья сродни отчаянью поэта – поэтому мила кутья сидящему вне туалета но поднимающему зад чтобы узнать среди азалий кто был сегодня виноват и что сегодня вы сказали и вы исчезли словно луч погасшего вдали заката но подожди – меня не мучь а вспоминай меня – когда-то мы были белыми людьми и плавали по этой коже то что умели то могли но вспоминай меня прохожий – проходишь мимо? – стой – сейчас покажется в кустах светило – то бабочка «Алмазный глаз» – она расскажет то что было чтоб вновь исчезнуть в кутерьме простого и слепого мира а мы остались здесь в дерьме чтоб вспоминать о том что лира нам рассказала – я не тщусь и не ищу любви злодея но я по своему пощусь то замирая то немая поэтому не важен срок в какой вы знать нам наказали но вы преподали урок и мы остались в этом зале чтоб знать о деле и скучать как белый ангел бронзовея но вспоминай про дом и мать – ты видишь – тень в конце аллеи а было ангельски светло а было ангельски приятно но разошлось любви стекло и в пустоте остались пятна – они опасны и просты –

то пятна наших винных бочек но ты один среди пустоты нашёл аллею среди точек которыми наш славен парк – изображён на этой карте – один ты бродишь среди гитар – что в январе а может в марте чтоб жить как ангела кусты – они цветут когда снег веет – но ты один среди пустоты и ты один в конце аллеи

РИТУАЛ ДЛЯ БЕДНОГО ВОЛОДЕНЬКИ – ЭТО ОСНОВА СУЩЕСТВОВАНИЯ СРЕДИ РАСТЕНИЙ

в ритуальном туалете я совершал свои омовения – я растирался мочой, ел кал и был доволен собой – я мнил себя творцом и стратегом Вселенной но постепенно какая-то пустота стала обволакивать меня – какие-то нездешние лучи стали пробовать на крепость мою голову и в ней завелись черви – черви сомнения и отчаяния – ужаса перед сущим и я забыл себя – я увидел только отверстую землю и чёрное ничто стало утаскивать меня по частям под этот синий лёд отчаяния и надежды – Надежды Крупской пишущей Володеньке в ссылку в то время как он ставит самовар в избе охотника и землепашца и отгоняет еловой ветвью мух и комаров столпившихся в преддверии вечернего ужина в этом вечернем воздухе гаснущем как последняя улыбка Джоконды которую изобразил художник – но не тот – не Леонардо а пьяный маляр живший в доме купца Олсуфьева и писавший портреты его дочерей – заиндевелых старых девок так и не дождавшихся своих женихов и потихоньку умерших от горя и болезни – ведь жизнь – это горе и болезнь которых мы не замечаем но которые точат нас как жук старую сосну что растёт у нашего дома

МИЛЫЕ КУРИНЫЕ ПОТРОХА – Я СОБИРАЛ ВАС В ЛАДОШКУ

мне кажется что содержимое наших детских перекочевало туда из каких-то страшных и загадочных культов типа вуду – дети единственные кто воспринимает тонкие энергии внешнего мира от которого мы отделены толстой стеной как мозги толстой лобной костью и мы думаем подчас и мы не сомневаемся что та кукла убила дядюшку Харельсона а тот мальчик застрелил из игрушечного ружья тётю Винси когда катил на самокате мимо супермаркета где она покупала продукты – толстая тётя Винси, только Бог

поможет тебе обрести покой в сердце изменчивой Вселенной – там за толстыми стёклами где бьётся сердце тьмы а толстые клоуны пляшут в темноте свой танец – танец Одинокого Утёнка и Симпатичного Дауна – мальчика который научился играть на гитаре но так и не понял в чём состоит секрет рождественских песнопений которые его сверстники читают задом наперёд чтобы лучше запомнить математику прицельных наездов на маленького карапуза со стороны его строгой воспитательницы жующей травинку и смотрящей строго на восток – сторону откуда когда-нибудь появится солнце

СЛЕПОЙ ЦИКЛОП СОБИРАЕТ КАМУШКИ НА ПРИБРЕЖНОМ ПЛЯЖЕ

никто не вынесет благодарения большего чем единоразовая помощь – в этом смысле люди единодушны – они топчут ногами, высовывают языки и кривляются глядя на того кто оказал им помощь – Бог он или простой смертный – он приговорён нести тяжёлые валуны своей любви – в долине ненависти, среди скал бесчестия будет гроыхать тяжёлыми цепями своей любви к которым прикованы валуны его добрых дел – этот весёлый мальч, любящий человек растает словно тень потому что то что предписано Богом не нарушишь – Бог ты или человек, и они должны нести свою кару они должны тяготиться своей участью идя на восток – туда где исчезают тяжёлые эшелоны наполненные хлебом и солью чтобы накормить его – Вездесущего Молоха – Одноглазого Самодержца следящего за нами, за нашими клетками где мы бродим как одинокие пешки заламывая руки и сходя с ума от ужаса и тоски – вседержители своих одиноких пространств – рождённые чтобы умереть захлебнувшись в вигваме Серого Индейца испив священный настой принятый из рук шамана но так и не обретя

обещанное бессмертие

Виктор Качалин
/Москва/

День Человека

ЕВА

Под моими пальцами -
смех и смерть,
мне смотреть вдаль,
веретену - петь.
И из этих кожаных риз,
резаных кож божьих
мне не вылететь, пока
спит Адам на ложе
и взрывает землю и небо
бычьей песней,
золотистым колосом ячменя.
С ним - нет меня.
А под сердцем моим Каин
толкает камень.

НА СКАЛЕ

Нарисуй на скале впереди и на сосне позади себя:
трое бегут через мост, обрушившийся давно,
нет бы им стать потоками, бегущими по ущелья дну,
так и слышишь жужжание камнепада, битьё вальков

далеко внизу – там весна, а ты золотарь снегов,
крылья девы да клюв орла, топот тела, меч облаков;
проглоти слюну зимородка, ледяную рыбу в струну
вытяни до небес, пригуби вино,

налитое в день смерти, рождающееся в тебя.

ИОНА ВО ЛЬДАХ

Не считай улова, сто один пятьдесят и три –
а в итоге окажется: ты один
алый бархат промериваешь изнутри,
не отзываясь на условные стуки льдин;

жиром намазанные борта,
грецкий орех покряхтывает, словно храм:
«Не ходи по рыбе – она чиста
и теперь пройдет гребнём по твоим вихрам,

а затем превратится в тысячеокий глаз,
остальное будет распластано, китолаз».

ВРЕМЯ ВСПЯТЬ ПО ВЕСНЕ

Время вспать по весне разворачивается в крик
лебедей – и бедовый лик
отражается, тает в щите, и каменный дом
вспоминает с трудом

глинобитную плоть гостей,
где никто, ожив, не берёт в охапку постель
и не видит – хоть дважды глаза разлепи -
темный войска кружок в незастигнутой снегом степи.

МЕДНЫЙ ВЕК

Воск от войска неотличим в тесном улье, залитом медью,
волчий вой в ущелье - от вопля созвездий, рука – от ручья,
где Эгерия шепчет Помпилию то ли любовную песнь к Ригведе,
то ли даёт законы, не ведающие врача –

в ту пору не знали морозов, краски в плоть дерева не вплавляли,
ветвистым оленем время не падало в сеть облав,
и, камнем текущие в небо – горы за всех умоляли,
и сияющий воздух спускался до злейших трав.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

В память первого снега – три-четыре месяца тьмы, метели,
оттепель с пермской солью, разьеданье подошв и слов,
просиянье со дна реки, ядра не зря летят –

вместо книг у святителей дыры, в груди,
там видны заострённые горы с вечным снегом побед,
не нужны им ни праздники, ни выстрелы, ни города в огне –

трезвое упоение, трепет в пресветлой тьме, ожиданье весны.

СЕРАФИМ

Смеркся дождь, и снова солью колышет снег
ту завесу, не падающую с ресниц,
из нагой груди – ни души, лишь таинственный человек
распрямляется, словно журавль, доставший воды для птиц,

и лисица здесь, и медведь – смотрят в зеркало-озерцо,
целый мир на скончание милой сестрой влеком,
Серафим стоит на коленях, и в солнце ходит его лицо,
остальное скрыто под самопишущим языком.

ЛАЗАРЬ

Иди живей на свет, мой милый Лазарь,
нет в Ясеневе ясеней и вязов,
их выдуплило время – а пролазы
срубили, обнажив твой солнцепёк.
Так лучше – сесть упрямо на пенёк
и помолиться,
чем видеть лица
нарезанные, словно колеи,
а в сумку заползают муравьи;
их обиталище – замусоренный вал,
и книжный червь им не поставит балл.

РАСКАПЫВАЕМ РОЗЫ

Раскапываем розы. Обрезаем
что было – и что не было ничуть,
а про мгновение – я расскажу,
пускай оно взбирается по солнцу
в твою макушку – я тогда проснусь,
увидю розу, видя её сердцебиенье
в горе и в горе. Радость неотмирна.
Она – вся здесь, как горлица в окне.

И виноград цветёт, и ранит вспышкой
на солнце – землю, на земле – тебя,
и ты молчишь, последними словами
не добавляя в небо пыль пустыни.
Переполняются моря, когда их держат реки
в ладонях. Неисчерпанных знамений
так много, будто стол земли ножом отскоблен.

СКВОЗЬ МОРЯ

Сквозь моря прорастают горы глубокой чашей
– полнятся и проваливаются лавой;
но ещё полней твоей радуги свет легчайший.
ты не будешь левой, не будешь правой –

каждый миг наступает без промедленья,
быстро падает наземь твоё белое платье,
нет забвенья и тленья - одно погруженье,
дай помедлить камню в твоих объятьях.

ШИПОВНИЧЬЯ ГОРА

Присутствуем ли мы
в отчаянье весны,
в нетлении зимы?

Спим в танце? Сплетены
и тихо бьём ногой
в распахнутый покой?

А кто во всех умрёт,
тот осенью не ждёт,
торопит хоровод,

Падёт за летом лист,
а мы разлучены,
огнями срачены

шиповничей горы.

МЕДЖНУН

Долго ль Меджнуну просить всё воды, медовой воды?
Лучше побей себя камнем, выпей вина, зыграй до звезды,
целое небо разбей на созвездия, собери хор планет,
вынь из груди свои рёбра и сделай свет

неприступно-ночным, как очи твоей Лейли,
закрученным в боль творения, словно кудри твоей Лейли,
лёгчайшим и беспечальным, как дыхание твоей Лейли,
а затем исчезни в зерне граната, попав на зубок Лейли.

Тебя здесь пока не знают. Тебя ещё не прошли.

ЯСИРА

Ясира сны растолкует, явь растерзает,
Янушу вытрет слёзы, Янусу вывернет лики,
Ястребом схватит за шкуру ярого огнеборца,
В яму зароет Ямнию, затем побредёт в Сантьяго,

Где ждёт её с рыбой Иаков, где её обнимет Иосиф,
Словно тыкву, но только живую, живую.

За время её правленья расплавятся Пиренеи,
Волки сыграют свадьбы, день обернётся ночью,
Анастасию вырежут ясно на ясеновой плахе утра,
Сменит имя Ясира, станет сирой в пустыне ясной.

ИОАКИМ И АННА

Между твердью и твердью было не больше ладони...
- Даже волоса нельзя было провести, мой любимый,

как между нами - когда восстаёт твой колос,
на него взирают с ужасом херувимы.

- А тогда они были в дыханье, в распадке и в междумирье,
береглись и роились, словно икра во рту у безмерной рыбы.

- Тихо рыба в меня врывалась, вкушала сердце,
воссияв из затылка, играла мной на псалтыри.

ХЕРСОНЕС

Как жарко рубятся в сердце Херсонес и покой.
В дом занесли картину, и стала она другой,

Два терпких окна вдали вечеряют, теряя закат,
Там сварена смальта на всех, но из двух не выложить ряд,

Пока не напьются допьяна отчалившие лучи.
И лица сами проглянут, не коснись, целуй и молчи.

Ильдар Харисов
/Берлин/

Калейдоскоп

***

Аюне

Дверь подпекает, скрипя,
щелчкам суставов.
В прошлой жизни
скользящий кафель под ступнёй
был моей кожей.

Бросая газету в печь,
вспоминаешь шершавость губ,
оборачиваешься.

Солнце в окне. Яблоко Атланта,
мечта о вечном саде...
Прорастает горящее семя
в наших глазах.

В калейдоскопе

Тапочки осыпаны мукой,
рука сжимает скомканный фартук...
Ты выскакиваешь на улицу,
становишься камешком в калейдоскопе демонстрации
за, против, вместе, каждый сам по себе?

Папа, надеявшийся на вкусный обед,
кричит вдогонку: «Назад! Там и без тебя...» –
зная, впрочем, что ты вернёшься
только под вечер,
иначе ты не ты
и твоя кровь не его кровь.

На какую демонстрацию выбежала
наша Вселенная
в тапочках, осыпанных звёздной пылью,
слыша-не слыша
добродушный окрик создателя,
вставляющего зеркала в трубку:
«Назад, малыш! Там и без тебя...»?

ЕМБRYO

водяные знаки на Луне
разные на каждой стороне

с этой стороны видна собака
(без ноги) у мусорного бака

а на той какое-то лицо
у которого во рту кольцо

ПЛОД

куда ты смотришь из трубы
на эту страшную Луну

и деревянные столбы
которые как в ту войну

урчит и свищет соловей
смеются женщины во сне

солдаты десяти кровей
стоят рядами на Луне

придёт затмение Луны
солдаты станут не видны

Андрей Санников

Виталий Шатовкин
/Новосибирск/

Маятник одиночества

***

У меня плоскость ассоциируется с циферблатом,
но часы – не есть время, и каждый плод,
стремящийся превзойти себя –
обречён потерять

семя. Но, платонически любя, на клевер – летит
пчела – ей движет лишь мёд и разве она
поймёт, отличие конечности
от чела. Стрелки

могут жужжать, жалить мигом пустым – менять
ход часов на бегу и каждый – кто скажет
себе /смогу/ – предпочтёт в
выборе угол –

кругу – или овалу. Слепой портной, тянет руки к
лекалу – уподобляясь всецело немому –
стремящемуся к вокалу. Стекло –
есть промежуточная

форма, между стихией и взглядом. Как человек:
есть Бога язык. Или оппонент, который
уже привык, доказывать свою
правоту – там,

где по праву рулетка вступила в игру –
спотыкаясь о немоту – Бог –
изо рта выплёвывает
ковчег – и –

человек.

ШАПИТО ЛУИ БРАЙЛЯ

Грушевидная старость разношенных девичьих слёз:
кто тебя положил в портсигар – о, цветная –
Мадонна. Ты вдыхаешь не воздух,
а стук паровозных колёс –

вычисление разницы скорости и тишины. За окном:
мельтешат то снежинки, то камушки липовых
звёзд, в цирковых балахонах – так
становятся ночи длиннее.

И, привкус сурьмы – вяжет алое нёбо канатиком из
палисандра – каждый узел, петелькою – это
уздечка судьбы – вместо слоников
ты собираешь троянских

коней в накрамаленных бантах. Геометрия чувств,
патронташи надорванных точек на контурной
карте, а рядом – клубы – ядовитого
дыма и спицы бенгальских

огней. Эта жизнь – превосходство казенных зеркал
не иначе: балаганчик, трактир, переигранный
театр картонных теней, для которого
каждый второй посетитель

незрячий.

ВОСПОМИНАНИЯ СИНОПТИКА

Я помню тогда была зима, и только бездомные
кочегары, видать спросонья или после
рюмки – отсвечивали в

сумерках, словно фары и кто-то в сугробе играл
в бирюльки. Месяц не помню, но была
стужа, такая холодная –

из

иглок. Пальто на ветру продувалось как марля,
за окнами – ситцевый бледнел полог,
и вместо трамвая – все

ждали марта. Над чугуном кипел чайник паром,
из носика, как из трубы броненосца –
клубами выкатывался

шар алый

и над подоконником – вис как солнце, а яблоки-
звезды, конь съедал чалый. Небо –
бледнело, как будто

синьку,

техничка небрежно кинула в воду. Мальчик, на
санках – катил с горы, и подражая
пароходу, веснушки

чадили,

как угольки, а с берега мама – домой беги. Снег
молча падал, как конфетти – прям
из под неба к раздетой

рампе

и где-то люди покорно шли, к перебирающему
четки, ламе, а где-то из сена чучело
жгли, и нёбо лизало алое

пламя. Белым всё было укрыто снегом – в этих
широтах он сродни свету. Зима тут
всегда, параллельна лету.

И мальчик на санках, грызёт сосульку-конфету
перпендикулярными зубами, а мама –
домой, домой, руками.

Ветер свистел в дымоход под утро – туда, где
трескались от жары семь обезвоженных
поленьев и вместо

звонящей,

гитарной игры – в гулком гобое тонула печка,
скрипкой – ей вторила на столе –
пламенем, восковая

свечка.

В этих краях, зима – театр драмы. В котором
играют снеговики, читая друг другу
эпиграммы, написанные

молоком от руки. Здесь каждодневно кружат
метели: то вальсы, то задушевные
вьюги и дарят им ели

аплодисменты,

сугробами грея, косматые руки. А небо глаза
закрывает на это и иней кроет его
ресницы. Белым

вольфрамом лампочка где-то и книга под ней,
а рядом спицы. Мальчик зевает над
алфавитом, буквы

мелькают словно лица и мама,
прервав шуршание
петель –

переворачивай
страницу.

***

Ты скажешь слово /стоп/, и – шаг от шага – неотделим
присяжным большинством, на счетных палочках
для детского сложения – в пластмассовой
коробочке билет, в ту часть тебя,

где скорость

отражения – похожа на складной велосипед – который
кружится вокруг своей оси. Разряжен воздух, тают
в лужах льдинки, и на реке – игрушечный
буксир, уподобляется виниловой

пластинке.

МАЯТНИК ОДИНОЧЕСТВА

Маятник одиночества – идущий на запад от стены
нового храма красного палача, где каждый
кирпич ложился на слёзы, а между

ними записки,

в которых – плача – мать, просила спасти ребёнка
у неба. А кто-то сзади – одетый по форме в
хади, привыкший к команде /левой-

левой/ –

ей протянул крошки свинца, с привкусом хлеба. А
ей нужен был сын, которого увели строить
стену, а затем вторую и третью – а

после ещё

одну. Те, кто камни несёт к воде, досрочно пошли
ко дну. И нет разницы, где гореть в Раю или
в Аду, неважно с какой стороны ты

от стены –

ты всё равно видишь стену. Маятник одиночества,
идущий на запад из /вне/, где каждый из нас
может быть – камнем в стене – на

который,

кто-то возложит исписанный, мелким,
листок – да только ли буквами,
все же, читает

Бог.

ОДУВАНЧИКИ МЕТЕРЛИНКА

Взгляд – это то, что выходит за рамки тела – влекомый
разряженной атмосферой к морю, он сливается,
где-то в камере сердца, с верой, когда я
бессознательно вновь увлечён

тобою. Точки по небу – рассыпаны звёздами в белом –
именно этот цвет одевает молчанье: взгляд твой
подобен улитке ведомой телом, несущей
спирально свой дом в глубину

мироздания. Он, как молекула воздуха в жабрах рыбы,
играющей на литаврах безбрежное соло – и, как
пациент инквизиторской дыбы – я тут же
тону в монохромной сетчатке

/ЛОМО/. Зрачком накрахмаленным, смотрит в простор
одуванчик, а ветер уносит в небо его ресницы –
в ладонях приносит, хворающей девочке
мальчик, крошки и сердце, в

образе синей птицы. Атомы кружат театры статической
драмы, безропотно, кротко играя похожие роли
и каждый зрачок – сиротливый букетик
вольфрама, молча хранящий

в себе – кривизну
траекторий.

ДВОЙНИК

Любое зеркало – футляр родства, между зрачком
и силой Архимеда: заложенная за подклад
полтина – не в голос – про себя –
бубнит до ста, считая

стриженных,

безоблачных овец, и в отражении – через раструб
пуповины – из серебра, рождается близнец.
Накормленный, раскрашенный, но
плоский – переводных

картинок

вернисаж – ты только скажешь слово –
он по-свойски, кивнёт в ответ: и
то ли чувством сноски, то
ли лицом твоим

заполненный
мираж.

***

Тишина – здравствуй друг, что длиннее – чем
тьень. Очертанием рук – отгороженный
день: от бульваров, домов,

кулинарий, причин – ты вобрала в себя черты
тысяч личин. Ты вобрала в себя немоту
языка – завершённость

теряется. Круг –

не дуга – диафрагма без воздуха – высохший
рот, после вьюжной зимы – с полыньи
жадно пьёт. Расшивает

тесёмку иголка с

плечей, на стежки распадается стайка грачей.
На стишки распадается с воздуха вдох –
безразличней всего

к интерьеру – порог. Поперечная кость из-под
срубленных дат – об тебя спотыкается
страждущий взгляд,

нежеланием

голоса тень обогнуть – остаётся, лишь вспять,
от тебя повернуть. Расставаясь надолго
вослед не смотри –

школьным ластиком синим, силуэт мой сотри:
место памяти нашей, всегда где-то /за/,
когда будешь стирать –

сотри первым
глаза.

СОЛО ГЛИНЯНОГО АКРОБАТА

I.

Ты перетянешь ниткою чело, как тонкий жгут
на шее у солдата и осязая в пальцах
ремесло, из глины вылепишь
фигурку акробата.

И прав – тот оказался, демиург, что говорил о
сотворении счастья – о том, что его
смысл в связке рук – с тем
целым, что они

берут от части.

Постой же, дух переведи и оглянись, на ощупь
и последуй в такт по кругу: к двери –

за ручку – там перекрестись
и не забудь, что

моет рука руку. Подобие ни отклик, ни клише,
ни кривизна покатога лекала. Подобие –
когда ты в неглиже завёрнутый
в конверт из одеяла.

II.

К земле исходит слепок с облаков, застрявший
между чьих-то переносиц, и не дойдя
сознанием до слов – он гнёт
руками воздух в

полуоси. Он мог бы вкруг, но знает – только Бог,
способен вить из воздуха орбиты – а
палец, как и взгляд, сливаясь
в слог, дают разряд

на полюсах

магнита. Поверь – здесь уже некуда спешить, в
подполье ядром атом догорает. Здесь,
как бы ни пришлось – но стоит
жить, как тот жонглёр,

что кеглями играет. И непонятно кто его хранит:
те, кто в манеже или купол цирка, и он
в дыхании зрителей парит, а
на запястье вшита

метрик-бирка.

III.

К глазам привязан маятник Фуко, ладони давят
кегли сухой глиной, и поднимаясь до
немых высот, он звуками залит
на половину – на ту,

что делит

надвое сосуд – по переносице, затем спускаясь
ниже. А он жонглирует – поймавший
в этом суть, под сводами
каплеобразной

крыши. Фигуркой рта – не дышит. Но стоит, на
горизонте – вертикалю тела – и, как
фитиль пропитанный – горит,
крутя руками в

воздухе умело. А в обожжённой кегле сомкнут
мир – возможные орбиты и планеты,
он в них вдыхает – робкий
свежий мирт,

уподобляясь в

древности поэту. И глина порами надсажено
звучит – в пространственность шатра
втекают звуки, как будто
кто-то в ней

закованный кричит – когда
касаются её жонглёра

руки.

ЭЛЕГИЯ В НЕСКОЛЬКО ВАТТ

Восьмигранная линза – распорот зрачок пополам,
белизной лебедей – они в крылья впитали
песок – и – текут монотонно, как
воском облитый

Икар: досчитай до полуночи – и – поверни колесо
разводного моста. Я останусь один на один
с отражением своим на забытом,
ночном, берегу –

вытекает из тлеющих звёзд разведённый морфин.
По надтреснутым веткам, заедам высохших
губ, перебежкою бродит пернатая
буковка /Цэ/ – её

ножки – два циркуля – чертят на скулах круги, где
стеклянная кожа – как грим на овальном
лице – не хватает лишь только в
глазах раскалённой

дуги.

***

Валерио Исаянцу

Сколько раз я смотрел – на твоё лицо – видя в
нём алфавитный ряд: обезвоженных,
глиняных изразцов –

состыкованных в букву /Я/. С завоздушенным
пузырём в груди – так похожим на
мыльный шар, что

хотелось разжать перископ руки – и – взлететь.
Остриё ножа глубже чувствует дерево,
чем свою ветвь –

подставляя к нему живот из которого капает то
ли медь, то ли схи́ма и для сирот, нету
ближе и кровнее тех

имён – трафарет набивает сны, что приходят из
памяти. Окоём – заливаает белилами
снить, где густеют

прошедшие даты дней – потеряв календарный
счёт, а над ними ватином сплошных
цепей – семят

облака. Совьёт – безголосая птица себе гнездо
где-то /рядом/ с тоской в глазах и со
временем станет

стальным яйцо – для
отлива мечей и

плах.

Александр Макаров-Кротков
/Москва/

я не знаю зачем

***

начала
хотел
промолчать

а потом
нет же

вдруг ненароком
обижу тварь
дрожщую
от безудержного восторга
поминовения

***

начала их объединяла идея, что это-
го представителя рода человеческого
необходимо съесть просто потому, что
он наверняка съедобен, но потом они
разошлись во мнении, что же все-таки
приятней на вкус, печень или грудин-
ка, ягодица или брюшина, и перебили
друг друга, так и не отведав истины

***

Артему Верле

нас много
их мало

их много
нас мало

какая разница
в сущности

хотя
с другой стороны

вот и я
говорю

***

должна же
все-таки
знать свое место

неужели
никто
не подскажет?

***

(рассредоточенность)

вышел
нет

вошел
нет

что же тогда
да

***

вот
они приближаются
слепят
своими
всепроникающими
и
что же делать
как избежать
присесть
отвернуться
сказать
я
тут случайно
да?
шел мимо
ба!
милый друг
а вы-товы-то
здесь
какими?
понятно понятно
я так и подумал
однако
как бы все это
ну да
именно
чтобы никто
никогда
ничего
ни о чем

***

(ненаписанное)

я не знаю
зачем

Артём Татаринов

/Тюмень/

Машина встреч

Рассказы

Половина души

...Он попал в пехоту. И именно в тот полк, который первым бросили на штурм. Что там было – не знаю, он говорил: лучше не вспоминать.

А его тогда контузило – взрывной волной оглушило. Так и получилось, что отстал от своих.

Забрел на автопилоте в подъезд пустого дома. Прилег на ступеньку и отключился. А когда очнулся – рядом стоял какой-то тип. Тоже вроде военный, но странный такой... Мундир на нем был чудной. Камуфляжные пятна, для маскировки которые, ползали по нему как живые. И разные картинки из них складывались: языки пламени, змеи, морды волков... Ну, наш молчит, а этот представился:

– Полковник Бегерит.

А глаза у него, как колодцы, и молнии там, на дне. Тут и дурак догадался бы, что это за полковник.

Бегерит наклонился к нему и говорит:

– Хочешь выжить?

Да кто бы не хотел?!

Конечно, хотел и он. Но не расщедрится же бес просто так...

Бегерит его успокоил. Мол, не прежние времена. Никто, сказал, душу его не заберет. Запрещено теперь. Речь идет всего-навсего о половине души. Конечно, говорит, в рай, таким образом, сразу не попадешь. Но главное, что и в ад не заберут: полдуши-то на месте. А значит, объяснил Бегерит, в конце концов простят. И душа снова будет принадлежать только ему.

Он и согласился.

Бегерит нарисовал ему на лбу какой-то знак, вроде печать поставил, чтобы смерть его не брала. Выполз он из подъезда, а тут и санитары подошли. Повалялся паренек в медсанчасти несколько дней и опять в строй.

Сначала, понятное дело, осторожничал. Думал, привиделся ему этот бес, приснился. Ан нет...

Вскоре отправили его с ребятами на боевое задание на «вертушке». Вдруг – ба-бах, огонь, дым: подбили машину. А он возьми да и выпрыгни из вертолета в чем был – без парашюта. Думал, конец. Но у самой земли подхватили его словно бы чьи-то руки и мягко опустили на снег.

Так и открыл он, что неуязвим. И решил своего не упускать. За чинами, наградами стал гнаться. И никакая пуля его не брала. Танки на клочки разлетались, а он целехонек. Навидался, конечно, всякого. В плену побывал. Когда освободился, хотели его демобилизовать, но он ни в какую. Ну и снова на передовую. Под самый конец войны ранило его все же. Насмерть практически, в госпитале сразу к умирающим определили. Но выкарабкался. Значит, в силе договор с Бегеритом оставался...

А как на гражданку вышел – беда: война перед глазами стоит. В больнице даже лежал, но не сильно ему там помогли. Пить стал, а спать почти не мог. Кошмары мучили, криком будил всех в доме.

И вот однажды приходит он в себя среди ночи... Видит: опять рядом Бегерит. Тот же камуфляж на нем странный, только погоны уже другие. Смотрит на него Бегерит пристально и спрашивает:

– Хочешь забыть?

Что дальше у них было, не знаю. Не успел он дорассказать: его поезд объявили. Вот и гадаю теперь...

САМАЯ СТРАННАЯ КНИГА

Я попал в этот книжный магазин, когда не хотел идти домой. На работе еле высидел до шести, но как только дошел до остановки, понял, что провести вечер в пустой квартире такая же пытка, как и мучиться весь день в офисе. Перебрал нехитрые развлечения нашего городка: кино, театр, ночные клубы, бары... Одно другого тошнее.

Автобуса все не было, ждать его с каждой минутой становилось все тяжелее, и я пошел пешком. Дерганые ломаные улицы, паяльники фонарей, плюющие взгляды прохожих. Я шел все-таки к дому, ничего другого все равно не придумал, но шел окольными дорогами, крюками безлюдных дворов, заледеневшими пустырями, заброшенными стройками. Хотелось чего угодно: извилистого разговора с какой-нибудь гоп-компанией, драки, врезающейся в затылок пивной бутылки. Но – никого, ничего. Казалось, я выбирал уж настолько глухие места, где людей и не было никогда.

И вдруг этот книжный, в окнах горит свет. Не знал, что здесь есть такой, но ведь я и не ходил никогда этой дорогой.

Зашел. Покупателей не было, похоже, единственный человек во всем магазине кроме меня – девушка за кассой.

Резко нахлынула волна тупой и болезненной скуки. Мне стал противен и этот магазин, и бесконечная дорога домой, которая теперь стала еще дольше, и я сам. Я так и застыл на пороге, пока меня пережевывало от-
вращение.

– Могу я вам помочь? – Продавщица вывела меня из транса.

– Положите меня в анабиоз лет на триста.

Девушка засмеялась.

– Нет, я только книгами занимаюсь.

Книги... Как будто я сейчас мог читать что-то, вникать в какой-то другой мир, погружаться в долгие нудные чужие истории, когда мой собственный мир распался на части, и я уже плохо понимал что к чему в моей жизни. Но и отвлечься от этого распада было б неплохо.

– Знаете... Может быть у вас есть какие-нибудь необычные книги?

– Необычные?

– Ну, не такие, как все остальные... Чтобы не было всякого там сюжета, каких-то героев, за которыми надо следить восемьсот страниц и прочего.

– Книг без героев у нас нет... Но кое-что я могу вам предложить.

– Что?

– У нас есть книги о вас.

Обо мне. Ага. Конечно же.

– И что же это за книги?

Я уже не сомневался, что сейчас мне покажут какой-нибудь трехтомный «Справочник неудачника».

– Боюсь, это будет тяжелое чтение... Эти книги – о вашем невозможном будущем. Той жизни или жизнях, которых у вас уже никогда не будет.

Стало холодно. Лучше бы я нарвался на какую-нибудь банду или свору бродячих псов. Неужели не только я сам, но и еще кто-то будет тыкать меня носом в упущенные возможности?

– Покажите, – выдал я, хотя хотел убежать.

– Пожалуйста, – девушка подвела меня к стеллажу.

Я наугад схватил книгу с красной гитарой на черном корешке, называлась – «Рок-звезда». Так, так... Боже, и вправду про меня! Вот в первой главе моя жизнь до шести лет – все совпадает, все важнейшие триумфы и провалы детского сада перечислены, причем о половине знаю лишь я один.

Ага, вот первое различие – отдали в другую школу, с какими-то современными тенденциями обучения. Так, мало уроков в начальных классах, потом меньше всяких ненужных предметов, профильные классы. Листаю дальше: нравятся уроки музыки, которые в нашей школе терпеть не мог, хотя, судя по описанию этих уроков, и сравнивать-то нельзя. Потом мне дарят гитару, мой друг в школе – такой же фанат рока, как и я. Мы ходим в какой-то кружок учиться играть, в старших классах все мысли о группе, барабанщик из параллельного, первые репетиции, девочки в восторге, клеятся сами...

Тут я бросил читать. Девчонки! Сами! В старших классах! И судя по названию книги, я не буду сидеть за офисным компьютером дни напролет. Почему, почему же это не сбылось на самом деле?!

Не глядя, схватил другую книжку, на обложке – модель атома и фотографии ускорителей частиц. Понятно: квантовая физика – моя мечта в старших классах. А тут где развилка? Ага, опять школа: перехожу в специализированную, группа единомышленников, замечательный учитель. Переезжаем вместе с друзьями в крупный город, поступаем в университет. Я лихорадочно листал дальше. Так, студенческие годы, ладно, черт с ними, аспирантура, теоретические работы по проектированию суперколлайдера, Пекинская конференция, расчет возникновения хиггсовских бозонов, изучение парадокса ЭПР, эксперименты со связанными частицами – и наконец слава... Когда дошел до места, что познакомился с будущей соратницей и женой на симпозиуме, снова бросил читать. Ну что такое: если везет, то во всем, а если непряха – так тоже по всем фронтам.

Уже с неприязнью потянулся за следующей – с наклейкой «Новинка». На обложке – я с девушкой, которую видел вчера в маршрутке. Хотел познакомиться, но на выходе нас разделила толпа осаждающих двери. Девушка же тем временем пересела в автобус, а мне-то, дураку, надо было бежать за ней и тоже садиться! Но я смалодушничал, решив, что не с ней, так с другой познакомлюсь. Вид у нас на обложке был такой цветущий, что я даже не стал открывать книгу.

Целое море, целый мир, целая Вселенная упущенных возможностей... Такое впечатление, что я все время сворачивал не в ту сторону в лабиринте и вот сейчас уткнулся в тупик. И без того я чувствовал себя как в могиле, а тут еще все эти книги...

Как многотонный обелиск с надписью «Никогда не будет».

Я поплелся обратно к продавщице – и вдруг затеплилась надежда:

– А есть у вас книга о моей настоящей жизни? Не той, которой уже не будет, а наоборот, будущей, той, что у меня впереди?

– То есть о том, чего вы добьетесь, или хотя бы можете добиться, о тех возможностях, которые у вас сейчас в руках?

– Да-да-да!

– Конечно, есть!

Так-так, отлично! Сейчас она даст мне книгу с моим будущим... Неве-
роятно! Это же будет путеводитель по моей жизни, а значит – никаких
больше неудач! Прощай, уныние!

Девушка продолжала:

– Вот уж действительно, самая необычная книга, наверно, как раз та-
кая, о которой вы говорили. Она совершенно не похожа на те, что вы смо-
трели, и вообще на любые другие книги. Да у нее даже обложка странная!
И открывается тяжело, туго.

Она взяла меня за руку, подвела к выходу из магазина и плавно провела
ладонью перед дверью на улицу:

– Пожалуйста.

МАШИНА ВСТРЕЧ

Заплакал дверной звонок.

Я пошел открывать.

И услышал на лестничной площадке голос моего отца.

Я замер.

Открыл.

За дверью стоял отец.

Он умер два года назад.

Я стоял и смотрел.

Стоял.

Смотрел.

Он заговорил первым.

– Привет, – сказал он. – Давно не виделись.

Я молчал.

– Ты знаешь, – спросил он, – что Вселенная состоит из множества ми-
ров, в каждом из которых жизнь складывается своим особенным образом?

Я кивнул, не веря.

– В моем мире я жив, – продолжил он. – И я построил машину, машину
встреч, благодаря которой я могу отправиться туда, где меня уже нет.

«Чтобы мы снова могли увидеться».

Мы постояли.

Потом быстро обнялись.

Заговорили враз, вздохнув, вразнобой.

Я хотел рассказать так много!

Так много спросить!..

Зазвенел телефон.

И я проснулся.

Это был сон.

Мне это приснилось.

Мой отец умер два года назад.

Я видел его во сне.

Так уж она работает, эта машина.

Наталья Хмельёва
/Измаил - Дюссельдорф/

Сверчки

***

Возьмёшь из корзины декабрьскую грушу,
Как если бы сны ворошил наугад.
Блажен, кто сидел у огня, но не слушал,
Как соки в дубовых поленьях шипят
О том, что метель все глаза проглядела,
Но всё же нашла тебя в облаке кружев,
И выживут два, всего два твоих тела,
А три или больше не вынесут стужи.
Как жутко узнать, что живёт в рукавице
Из кожи овечьей сама Коляда.
«Гляди же, дитя, как ты будешь носиться-
эфирным крылом не задень провода!
Я стану тобою, но этой подмены
Никто не заметит.... Тогда ты парадно
прошествуешь по небу над ойкуменой,
но вдруг, закричав, возвратишься обратно...»

***

Мы сколько раз рождаемся на свете,
помимо кожи всё сменив убранство?
Идёшь в обход - гудит, растёт пространство
и мухами качается на ленте.
Пучок на голове, рассказ в кармане.
Искусство - это вставить междометие.
Идёшь кругом. Растут воспоминания
и буквами кончаются
на лете.

***

Вот чистота разбегом манит,
В своё ничто стремясь, как в кокон.
Еще один сезон туманит,
Седой крутя на пальце локон.
И плачет срубленная ёлка
Шарами, звёздами и лентой,
И время падает обломком
Себя, не ставшего моментом.
А где-то на воскресном рынке
Не я, а девушка иная
Пчелиный дух почуяв в дымке
Предрождества, себя узнает
Во время праздного веселья
(Не повторится это впредь!)
В свече, оставленной на ели
Всю ночь дотла, дотла гореть.

***

Не Земля на трёх китах, а одна вода...
А над ней клубятся дивные города.
Их бросают люди, чтобы уплыть туда,
Где вершатся таинства.
Там однажды аист им принесёт Христа,
Долгожданная проступит сквозь тьму звезда:
Незакомый свет, в котором (о, неспроста!)
Поневоле плаваются.
Но каких племён уходят, бредут отцы
В эти земли новые, в этот иной язык?
Мой Иосиф, брат, в конце своих злых путей
Жди от здешних птиц
чуть- чуть не своих детей.

***

Перетекающий по звуку
в других людей, которых стуком
разбудишь, спящих,
ты рассыпаешься на ветошь,

и сквозь неё уже не светишь,
как настоящий.
Будь лучше цельным, лучше полым,
о, нецензурным стань глаголом,
и Дух обрящешь,
пока мы вежливость свою,
нагие, кутаясь в уют,
на спинах тащим.
Пойди туда, где никогда
не наступает лето
и погляди, как там вода
зелёная согрета
не слоём льда и даже не
листом, опавшим по вине
времен неугомонных,
сменяющих собой себя,
чтобы однажды второпях
позолотились кроны -
а сном, заветную тропую
бредущим вдаль на водопой,
летащем к водопою!
...Нетронутых степей дитя,
цветущих роц лимонных
дитя, не знающее грусти -
о, я тебя почти боюсь,
но я пойду с тобою.
Да, я пойду с тобою.

***

Где же ты так задержалась, сестра?
Не утомительны разве прогулки?
Здесь, как и прежде, цветут вечера
белой сиренью в пустом переулке.
Тянется синий над берегом дым,
и заполняет пробоины в лодке.
Мальчик соседствует с дедом седым
(то есть с собой) через два околотка.
Живы еще почтальон и печник,

булочник жив. Но не стало иного.
Маятник времени только качни-
жизнь не закончится, если ей ново
слово на кончике карандаша:
кто это между мирами курсирует,
чья беззаботная это душа
сны расточает и делится с сирыми?
Здесь, где бездомные спят среди ветоши
и ядовитые зреют колосья,
письма хранишь ты для тех кого нет уже,
или же тех, кого не было вовсе.

***

Мы возникаем на границе зова,
Где ищут нас, еще не именуя.
Так плещется в напиток бирюзовом
Седая моль, готова запасную

Судьбу, когда совсем отяжелеют...
(Но кто б ей раньше это подсказал?
Была бы беззаботней и смелее!)
...Махровых крыл живые паруса.

***

Приходят с верой- посмотри-
слова, которые внутри
дрожат, готовые сорваться
(по капле света фонари
тепло растрачивают, вкратце
себя зернисто изложив
светящимся как этажи
каким-то новым Лорелеям)-
о, в изумлении скажи,
каким мы чудом молодеем,
и почему нам так легко
размахивая рукавами,
разлить и мёд, и молоко

(но мы стоим как древний камень,
но мы стоим, как в горле ком)
и почему у стариков
лицо как девственный пергамент?

***

...То ли насекомое, то ли мышь,
то ли незнакомец- не враг, не друг -
шорохом разбудит: «Не спишь? Не спишь?
Отчего бледнеешь сильнее к утру?»
Чья взлетает это тень, и куда спешит
мимо синих стен, акаций, домов, машин?
А маршрут её шелками как лента шит
и в ушах шумит, и каждый его аршин
отзовётся криком: «Карр! Я чернее сна!»
Как сплетенье солнц сжимает такой полёт...
...И Вселенная под рёбрами, как луна,
вдруг сорвётся в воду - и серебро прольет.

***

Выплюнул трамвай его, дребезжа:
«Можешь раствориться, пойти в кино,
В парке спать на лавке, найти ежа
И свою изнанку, открыть окно...
-Нет в тебе неправды!» А мир был весь -
в самом деле - меньше ее ладони.
Третью ночь не спал он, твердил:» Я - есмь!
Только ... ничего о себе не помню.»

***

Я прадед твой. Узнаёшь черты?
Я жил и верил: пора придёт,
Я стану целым. И я, как ты,
Молился на ночь, постился год.
Я мать, ты почка моей лозы,
Тоской отравленной. Пусть цветёт!
Тоска- то свет. Хоть и я, как ты,
Молилась на ночь, постилась год.

Я брань твоих несожжённых книг!
Я- спор твоих неродных начал!
Я- тысяч предков единый лик,
Качание корабля, причал
С толпою, усталый берег.
Чья, о чья тогда тревога глазами зверя
Глядит сквозь дни, поедает время?
Я – рознь. Война. Там, внутри, не слито
Ничто, под куполом всех названий
Мой храм, разорванный динамитом
В степи, сожравшей святые камни.
Я дух покинутых сёл и дач,
Где точно так и ты, не зная
Куда, ведёт неумытый мальчик
Босого деда, царя окраин.

Целует молча больную руку
И видит сон: молодой как гений
Его отец, но ведёт по кругу.
Сквозь стены, время, во тьму рождений.

***

В этом городе воздух горяч, как сухарь, и стар.
А захочешь ветра - неплохо бы знать места.
Здесь все идолы твёрдо знают свой пьедестал,
Смотрят ввысь, заклинают дождь.

Может, где-то рядом, на глубине могил,
Где уже - ни скифов, ни тайных сил,
Есть песок. Но асфальт иногда красив
Как Даждьбог, как шаман, как вождь.

Мой бездомный временный житель материков,
Ничего для тебя не копила, лети легко.
Ни к чему не привязан, покинешь свой милый кров,
Уплывёшь за мечтой.

Я сожгу все книги, устрою большой пожар.
Но не верь, что здесь осталась твоя душа.
Твоего здесь нет. Ты больше, чем этот шар
Золотой.

Лиана Шахвердян

/Ереван/

Охота

Рассказ

*Сила смерти – бессилие жизни,
сила жизни – бессилие смерти...*

Перрон городского вокзала был переполнен ожидающими. Поезд опаздывал на несколько минут. Это вносило сумятицу. Пассажиры, понимая, что время на посадку будет сокращено из-за опоздания, находились в боевой готовности.

Моросило. Ветер добавлял рваных оттенков во всеобщий сумбур. Глаз мой верным прищуром, спасаясь от ветра, цеплялся, скользил то по молодой женщине с двумя детьми-близнецами, что была окружена провожающими, вероятно родственниками, то по компании молодых мужчин, одетых по-спортивному. "Может, команда какая?" – решила я про себя. Но, оказалось, команда была не спортивная и провожала одного из них, позже подсевшего в купе соседом... Лет тридцати двух-тридцати трех, невысокого роста, круглолицый, кареглазый. Черты лица мягкие, маленький подбородок, слегка искривленный нос... Голос приятный, приветливый... Женщина с детьми тоже направилась в наше купе. Она была уже без провожающих. "Вот так совпадение!" – подумала я. Мужчина поприветствовал нас, уложил свои вещи на вторую полку.

– Мальчики? – полюбопытствовал он, увидев близнецов на нижнем сидении.

– Мальчики! – подтвердила женщина.

Он как-то утвердительно кивнул головой и вышел в коридор, предоставив нам пространство для свободного перемещения. Пока мы копошились с вещами, поезд плавно тронулся, ну, а поскольку особо делать было нечего ни в самом купе, ни в коридоре, я направилась в ресторан заказать чего-нибудь, чтобы отогреться. Сосед по купе, уже расположившийся за столиком напротив окна, как-то непосредственно, по-детски, помахал мне рукой, указывая на свободное место рядом с собой. Вагон был переполнен, и мне ничего не оставалось, как со своим чаем с лимоном составить ему компанию.

– Как вас зовут? – поинтересовалась я.

– Микаэл. Можно Михаил или просто Миша, – представился он.

За окном мелькали почти голые деревья. Дождь перестал моросить, но ощущение холода за стеклом не покидало в темный ноябрьский вечер, и потому тем уютнее казалось пребывание в теплом ресторанчике с посетителями.

– А вы едете на соревнования? Вы – спортсмен? – поинтересовалась я, чтобы как-то завязать беседу.

– Нет. Меня друзья пригласили на охоту. Самый сезон...

– Охоту? Значит, вы – охотник?

– Нет, не совсем. Я просто смотрю со стороны.

– То есть, как это? – удивилась я.

– Ну, я не стреляю. Но люблю нашу компанию, походы, осень...

– А что вы тогда делаете?

– Наблюдаю.

– Процесс охоты?

– Да, можно и так сказать...

Надо признать, он немного озадачил меня своими ответами, и было в нем что-то, располагающее к общению... Возможно, мягкий голос и тепло во взгляде. Ресницы у него были длинные, пушистые, брови – густые, что придавало глазам выразительность.

– А вы что, не умеете стрелять? – допытывалась я.

– Умею, – ответил он твердо. – Как не умею?! У меня даже есть грамота лучшего стрелка. И когда служил в армии – стрелял лучше всех. И мой отец был охотником. Так что это у меня наследственное...

– Был? – переспросила я. – Почему был?

– Слово дал не охотиться. Давно... Я еще тогда ребенком был. Лет семи-восьми. Отец в первый раз забрал меня на охоту. Он с друзьями часто в сезоны выезжал. Решил и меня приобщить к делу, к "мужским играм"... В этот день охотились на мелкую живность... Лес, горы, осенний листопад.... А тут – пустая медвежья нора... Ну, отец давай объяснять, что медведь пойдет скоро в спячку, рассказывать всякие веселые небылицы, а я-то чувствую, что он как-то странно принизил голос, словно ожидая чего-то... Так и случилось: неожиданно из-за сугроба выскочил медведь и – прямо на нас! Отец, не мешкая, выпустил целую обойму в него. Ранил он его смертельно. Помню, лежит большой полумертвый медведь, еще то ли хрипит, то ли храпит... Так и промучился, пока подоспели друзья и "добили" его. В общем, я тогда сильно расплакался. Поднял ор на весь лес. Жалко

стало медведя. Отец перенервничал, подумал, что я испугался. После этого случая дал слово больше не стрелять и забросил охоту.

– И потому вы не стали охотником?

– Да.

– А зачем тогда смотреть, как другие охотятся, убивают?

– Не знаю...

Шел уже одиннадцатый час. Пассажиры не расходились, да и мне спать не хотелось. Беседа завязывалась интересная...

– А, вообще, это у меня от деда – стопроцентное зрение. Он тоже был лучшим стрелком... еще в войну.

– А откуда вы родом?

– Из Вана.

– Как из Вана? – удивилась я.

– Да, из самого... Прадед мой с прабабкой, с двумя детьми-близнецами, с сестрами бежали от преследователей через горы чуть ли не пешком... По дороге от истощения умрут один из близнецов и младшая сестра прадеда. Там же их похоронят... Сами полуживые пересекут границу...

Погода начинала меняться... Мы въехали в местность, которую окутал неподвижный густой туман. Видимость за окном была почти никакая. От этого зрелища перехватывало дух, дыхание становилось учащенным, словно "щупальцы" тумана расплзались по вагону...

– Да, нет семьи, у которой не было бы своей истории о том трагическом времени, – поддержала я его.

– Прабабка оказалась крепкой: потом еще троих родит, в том числе, и моего деда. Успеют с мужем даже дом построить. Да недолго в нем пожить....

– Почему недолго?

– Ну, вначале они выкарабкались из голодной жизни тогдашней голодной Советской Армении – ведь у них ничего не было, потом начнется война, а после – их и вовсе сошлют в Сибирь! Все отнимут... И тогда опять – с нуля.

– Как в Сибирь? – удивилась я.

– Да так. Погрузят в эшелоны и сошлют... Кто-то умрет в дороге, кто-то не переживет холодов. Так поступали с теми, кто перебрался из Западной Армении – ведь они были репатриантами. Это было уже в 1948 году...

Он на минуту прервал разговор...

– Скажите, а как вашим удалось выжить? – спросила его я.

– Прадед был мастером на все руки. Он успел до холодов соорудить хибару на поселении, в ней они и перезимуют, – и, немного помолчав,

добавил: – И я – мастер на все руки. У себя дома все сделал сам. У нас в роду все мужчины умельцы.

Руки и впрямь у него были крупные. Чувствовалось, что работа им ни-почем...

– А что потом случилось?

– Жили на поселениях, работали. И так до смерти Сталина. Потом – амнистия, и наших реабилитируют. И только в 1956 году семья воссоединится в Армении. И дед мой вернется из заключения... Он еще в 1941-м пойдет добровольцем на войну... Но...

– Что "но"?

– Недолго ему было суждено воевать. Под Москвой попадет в окружение...

Тут Микаэл замолк. Казалось, занервничал. Потом вышел из вагона покурить. Я вдруг отчетливо представила страшную картину войны, того боя: как от снарядов рвало землю на части, и человеческое мясо смешивалось с железом тяжелых танков... Как стонала земля еще полуживыми и постепенно отходила уже испустившими свой дух...

– Деда сильно оглушило, – резко продолжил он, вернувшись. – Он долго пролежал ни живой ни мертвый. Бой был тяжелый... Очнулся от направленного на него фрицевского дула. Странно, но его не убили. Ну, это я к тому, что полуживой, контуженный, не офицер (то есть никакой ценности для разведки)... Взяли его в плен – в лагерь для военнопленных. Дед не любил рассказывать об этом времени, но мы с ним дружили, и он как-то поведал, как смерть пришла за ним во второй раз, и забрала бы, если бы не начальник барака, врач-еврей ... Тяжелый физический труд, отсутствие нормальной пищи (ели какую-то баланду из грязной картошки) сделали свое дело – он заболел дизентерией. Ему шел тогда 20-й год... Врач запретил есть баланду, стал приносить отвар из какой-то травы против поноса, потом – маленькие кусочки сухарей. В общем, еврей выходил его. Дед только о нем и вспоминал, когда я спрашивал о плене...

Микаэл уставился в окно и вновь замолчал. Затем продолжил...

– Потом случится с ним еще одна история. Как-то начальник лагеря выстроит их в колонну: намечался визит какого-то генерала. Дед подумал, что будут показательно расстреливать. Мысленно распротился с жизнью... Но оказалось, что так генерал выбирал работников для своего особняка. Да, забыл сказать: дело происходило уже в Германии...

– То есть?..

– Ну, выбрали деда, как мастера на все руки. А военнопленный, он – раб. Притом – молодой, симпатичный...

– Значит, ему в какой-то степени повезло?

– Ну, по законам военного времени – не очень. Ведь таких, как он, считали предателями.

– И, все-таки, это была удача. Ведь в лагере его ждала бы неминуемая смерть.

– Ну, да... А тут еще – его контузия, приступы...У немца он строил дом, ограду, следил за двором, садом. Кормили лучше, чем в лагере. Немец ценил умного работника, а дед был серьезным...

Было уже поздно. Пассажиры стали расходиться из ресторана. В вагоне остались только мы вдвоем. За окном, наконец, зачистил первый ноябрьский снег...

– Скажите, а как он вернулся из Германии, из плена?

– Дед находился в доме генерала довольно долго. Когда советские войска прорвали фронт и приблизились к границе Германии, генерал с дочкой станут собираться в Америку. И деда решат прихватить...

– С какой дочкой? – переспросила я.

– Дочь генерала, Хильда. Она была влюблена в деда... Дед ведь, помимо основной работы, ухаживал за садом, ее розами. Она часто видела его за работой. Если бы не Хильда, генерал приказал бы расстрелять деда после попытки бегства, а так – только избил и бросил в погреб. Она тайком его выхаживала. Приходила к нему...

– Получается, у них была любовь?

– Да. Получается. Дело-то молодое... Она от него забеременела. Генерал знал, наверное. Делал вид, что не знал. Очень трепетно к ней относился, да и не было у него никого кроме нее. В день отъезда, после сильной бомбежки, они ждали его в машине, у ворот. Дед спрятался в погребе, в пустой бочке. Так и уехала она, беременная его ребенком, в Америку. Потом родится дочь. Назовут Хелен...

Шел уже первый час ночи, клонило ко сну, но мне очень хотелось до-слушать историю Микаэла...

– Значит, у вас есть тетя-немка, да еще и в Америке? – пошутила я.

– Есть... Хелен вырастет, начнет искать отца, моего деда, писать письма в разные инстанции. В общем, девчонка нашла отца! – улыбнулся он как-то светло и широко, – да только вот бабка моя все письма будет тайком перехватывать и собирать...

– Какая бабка?

– После отъезда немца с дочкой, наши войска войдут в город. Дед пойдет в военную комендатуру и представится для прохождения дальнейшей службы. Но его без документов, как дезертира, чуть было к стенке не поставят. Дед не любил про это вспоминать. Избили его однажды так, что ему приснилось, будто он умер..., и мать молится над ним... Думаю, именно тогда у него с головой окончательно стало плохо: начались те самые приступы. В общем, его тоже сошлют в Сибирь. И только после амнистии он попадет в Армению и найдет сестер, к этому времени уже замужних. Они сведут его с Айкануш, с бабушкой моей. Деду тогда было уже за тридцать, а бабушке – двадцать пять. Она родит ему троих дочерей и моего отца. Дед успеет даже дом построить...

– А дед не вспоминал Хильду?

– Наверное, вспоминал... про себя... Но мы ничего не знали об этой истории. Когда одно из писем Хелен случайно, все-таки, попадет к нему в руки, и он узнает про бабушкины "проказы" – будет очень зол на нее. У бабки случится истерика, слезы. В общем, тогда это кончилось тем, что у деда начался очередной приступ контузии. Вообще, они были у него частыми. В такие минуты он запирался у себя в комнате. Иногда было слышно, как он кричал от боли. Нам он не позволял себя видеть таким. Да и чем мы ему могли помочь?! – помолчав, Микаэл добавил: – Ему было суждено выжить, построить дом, жениться на бабушке, родить моего отца...

Я кивнула ему многозначительно.

– А после приступа дед не стал искать Хелен?

– Нет. Бабка и последнее письмо уничтожит... Оборвала!.. Ничего не осталось...

Снегопад за окном не прекращался. Тишина будто бы окутала нас своим пониманием...

– В день смерти дед как-то собрал вещи, – неожиданно продолжил Микаэл.

– Какие вещи?

– Видимо, у него уже было предчувствие. Он проснулся среди ночи, разбудил жену, спросил, не хочет ли она "уехать" с ним, на что та, полуспящая, не вникая в его рассказ о том, что во сне к нему пришли родители и приглашают к себе, ответила отрицательно, повернулась на другой бок и заснула. А дед собрал свой чемодан, умылся, побрился, одевшись по-парадному, сел в кресло... Утром мы его так и застали: в кресле, при параде, с чемоданом вещей...

Микаэл замолчал. А в моей голове выстроилась невероятная мозаика имен, судеб... Магия первого ноябрьского снега, движение в кромешной тьме мчащегося поезда, неожиданные повороты событий соединились во мне... в нечто большее, цельное...

– А как звали вашего деда? – поинтересовалась я.

– Микаэлом... Мишей, – ответил он, улыбаясь.

Шел второй час ночи. Сил на бдение не оставалось. Мы решили перейти в купе. Молодая мама с детьми уже давно спали. Голова моя была тяжела от бессонной ночи и рассказа. Заснула я сразу, и мне приснилось, что рядом лежит раненый медведь, который во всю то ли хрипит, то ли храпит... А я гадала: Микаэл ли? Дед ли?.. Утром, проснувшись от голоса проводника, обнаружила купе пустым. Очевидно, попутчики сошли раньше... Будто растворились... Как и сама ночь в дороге...

Прошел месяц. Мне казалось, я забыла эту историю. Но, спустя время, обнаружила, что образы Микаэла, деда, прадеда – история всей семьи то и дело всплывают в памяти. Безусловно, все события объединяло нечто общее... Это была охота! Смерть преследовала их с самого Вана... Не отпущала... и прадеда, пережившего все ужасы геноцида, и деда, прошедшего через войну, плен, ссылку, и самого Микаэла, в котором эхом истории предков отозвалось его личное потрясение гибели медведя, пережитое им еще в детстве., и, несмотря на это, каждый раз ездившего на охоту... Очевидно, так он закалял свой дух..., жизненную силу..., и, в тоже время, абстрагировался от нее... Смерти... Наблюдая... Оставаясь самим собой... Мягким, добродушным...

Салават Кадыров
/Верхний Уфалей/

По понятиям

***

человек сказал человеку
выходи за меня
и человек вышел
иногда они выходят
не только из себя
человек сказал
хочу маленького
очень похожего
на меня человечка
да ответил человек дааа
и появился маленький
как счастье человек
вот так вот они
очеловечиваются!

***

1, 2, 3, 4, 5
вышел поэт погулять
зашел в поэзию
чтобы быть полезным
кто захочет понять
как на 1, 2, 3, 4, 5
гулять в литературе
без халтуры
а на 6, 7,
что мы такие есмь
по большому счету
у жизни на учете

***

колобок я колобок -
по поэзии скребен
на литературе мешон
в авангарде пряжон
в соцреализме стужон
я от пушкина ушел
и от гоголя сбежал
а от вас не сумею
сяду на ваш язычок
ешьте-ешьте
ишь ты!

***

умение договариваться со всеми
намного лучше чем Пушкин
говорят умудренные опытом
сглаживать, мягко стелить
зная как горяч, горяч и колюч
я бываю по пушкину
что хоть на черную белую
речку улицу пустырь
окропить красненьким
за то чем жив и живу
а случиться — не смогу
как он

***

поздних цыплят октябрят
успевая до ноябрьской зимы
прикидывая как же дотянем
до буйной июньской весны
а там до августовской осени
и белых октябрьских мух
согласно местным приметам
прохладной зимней страны
где дотянуть означает дожить -
перезимовать жизнь

***

*земная шваль: бандиты и поэты
Б.Рыжий*

и нас садили за перо
сочинив наивную маляву
о душевных страданиях своих
в местах не столь приближенных
но подалее от жизни своей
предъявить на сходке поэтов
в надежде быть услышанными
матерыми поэтами в законе
стараясь не перепутав рамы
с беспределом словесного сора
быть достойно принятыми
по всем литературным понятиям
редакциями журналов и газет
в сообщество пишущей братвы

***

человек человеку – человек
говорят те
кто верит в Бога
человек человеку –
друг товарищ и брат
утверждают те
кто верит в коммунизм
с человеческим лицом
человек человеку – волк
восклицают предприниматели
бизнесмены и коммерсанты
которые не верят в Бога
и в человека как человек

Сергей Шуба
/Новосибирск/

Осмотр достопримечательностей

***

Евгению Барышеву

Берёзовый человек
Шелестел бирюзою век
Треском рук говорил
Узость губ расpirал усмешливый круг

И остался стоять навек
В стороне, где пасмурный свет
Где серое небо тяжелее и ниже
А значит – ближе.

Только это держало его на пятнистых ногах
И седую макушкой качал: «ох да ах...»
Мой берёзовый человек

Я услышал о тебе под землёй
И качает меня пьяный вагон
Прямо в гости к золотистым колосьям
выпирающим над асфальтом; холодным полозьям,
по которым бегут трамваи, которые мы выбираем...

Но во всей этой узенькой суете
Словно голос струн, ты живёшь во мне.

***

Открыл холодильник, забрал своё время
Опять очутился посередине какой-то истории
Но бултыхаешься в прошлом
Вчера пошёл к философу другу
Как? – Так
Человек такое же животное
О смерти не думает, живёт инстинктами
Планы на жизнь сугубо материальны
Ко второму пошёл философу
У третьей спросил «вконтакте»
Кружок «милая жизнь без ответа»
Но ведь наваливается! Постоянно
И книги все как на подбор
Очухиваешься рыбой на берегу
Дышишь и дышишь на балконе –
Что это было?
Оп – уже листья летят, очередная осень
Уже похмелье и боли в спине
А смысл ещё не ясен
Вязнешь в воспоминаниях:
Друг прибил руку к столу
Сидел так пока не пришла мать
Заявил: в пизду эту карусель
Эту мелочность, это междуёбие
Я горы буду передвигать
Потому что во мне день завтрашний
А не день вчерашний
Его вылечили – три месяца Ковалевки и ты как новенький
Ходит теперь с тусклыми глазами собаки
Потерявшей хозяина
Завтрашний день уже не является
Настоялся
Там, говорит, ебутся под кроватями
Без страха нельзя смотреть в небо
В любое пространство где будущее выживает
Как оно там разворачивается
Как утрясается

Наплывает
Как чудо воспринимать его
Как гнев
Как приспособливаться
Открываешь холодильник
А там...

Без

Иногда к Мартемьяну приходили моржи
(это когда он спяну точил ножи)
Говорили сурово: Мужик, ты пил?
не точи ножи из последних сил.

И сипели, стуча клыками о дверь:
дядя Мартемьян, ты же мудрый зверь
если чью-то кровь отворишь из жил
выйдет будто ты понапрасну жил.

Понапрасну пел, дядя Мартемьян
понапрасну ел, понапрасну спал
понарошку шел на подледный лов
говорил про тяжесть земных оков.

Дядя Мартемьян слушает, дрожит
что-то говорят умные моржи...
Над избушкой тонкий стелется дымок
Человек без бога очень одинок.

***

Когда человек слишком привязан
Он смотрит, как идёт снег
А думает о своём
И мир разделен
На не-одиночество, внешний, соприкасающийся
И другой.
У каждого свои стороны
Но мягче всего в темноте своих грёз
Мягче всего трогает лапой пустота
Стелет смерть.

***

Как менялась ответно пока ты спал
Обнажённая сущность кривых зеркал

Будет что ещё вопрос
С двух тяжёлых папирос

А ведь мы говорим
О глубине человеческой
О пространствах незваных

***

Башенный кран или подъёмный,
Стена – промзона, гаражи? –
Я по дороге неучёный
Ты мне скажи

О том, откуда льётся море
Куда мы выливаем жизнь
В Содоме и Гоморре тоже
Клялись.

И я смотрю в глухие стёкла
На подоконниках рассада
Под лампами, она намокла
От моря льющегося рядом.

И кран махнул своєю спицей,
Красный Проспект зажег огни,
А я все вглядываюсь в лица
Как в маяки.

***

Обратно обратно к истокам
К солёному мелкому счастью
Как лужа канава как море
Упитья всегда слезы хватит
Как месяц а дни не считает
Он месяц на всё бытие

Стою как дурак у порога
Какой-нибудь мелкий поступок
Какой я и сам уж не помню
А всё ж засчитайте
Я в общем
Приветливый был человек.

***

Дай мне знать
Когда соберешься в музей
Мне нужно навести там порядок
Много пыли
Вызубренных фраз
Заученных жестов
Надо лечь, как загнанному зверю
Надо лечь.
Когда нарушается
Постоянство
Задаёшься вопросом:
Плыть ли по течению?
Как переводить земное благо
В разряд небесного?
Размышления эти
Доведут до сияния смертных вершин
- смертных, а что нам до вечности? –
И я оглядываюсь
Веду с тобой диалог
О свободе и закреплении
И не чувствую за собой право на родство
С теми, кто жил здесь лет семьдесят
С теми, кто сто. Двести. Триста
Четыреста. Пятьсот. Шестьсот.
Семьсот. Восемьсот назад
И тысячу. Достаточно ли я
Отсчитал?
Для того чтобы быть чужим
На земле, где ты вырос...
А ты толкуешь мне о свободе

И о любви.
Господи, говорю я,
Какие несовместимые понятия
Проводишь пальцем по подоконнику
Показываешь мне
Да, соглашаюсь
Да.
Как же стать счастливым?

***

Осмотр достопримечательностей памятника не принёс
Не принёс в моём сердце нет
Я пыливый раскладываю по стаканам
Горошины счастья
Билеты судьбы
Подходи и сыграем на этом красивом утёсе
Всё проваливается – власть,
легионы, страждущие,
хлеба, ордена, тайны

ты смертный, братиш, ты исчерпаемый

Так выход что-то смывающее из-под ног

Кружение

Александр Карпенко
/Москва/

***

Поэты начала века,
Взгляните на человека:
Как согнул его, надломил
Феодально-раздробленный мир!
Подивился бы древний грек:
Обветшал, измельчал человек!
Цельными быть
Нам не дано:
Жаждем любить –
Но всё равно
Мы и воители,
Мы и ваятели,
И сокрушители,
И создатели...
И брезжит мысль, безумна и крылата:
Чем больше книг – тем больше плагиата,
И потому здесь процвело так зло,
Что человеку предпочли... число.
Но человек –
Века чело
Жаждет навек
Вымести зло,
Из преисподней
Выплеснуть в Лету,
Чтобы свободней
Пелось поэту.
Вытравим ложь!
Морщится всё ж
Чело воспалённого века.
Поэты начала века,
Взгляните на человека!

Константин Медведев
/Бологое/

Животное космоса

Не птица, не рыба, не кот -
но хочет и жрать, и работать.
но хочет мечтать и любить -
не ёжик, не рысь, и не выпь.
не муха и не паук,
но тянется духом к науке
в пространстве сети выживать,
по капле раба выжимать...
и сердца улавливать тон...
не слон, не баклан, не питон -
а тот, кто влюблён и живой,
не с самкой живёт, а с женой...
над ним есть звезда и над ней -
не свет, и не тень, и не зверь.
и не наяву, не во сне,
а просто - чтобы прозреть...

Рыжее утро

На этажерке томик Пушкина,
на подоконнике - герань.
на гобелене - ждёт пастушка,
когда к ней фавн придёт играть.
до голубого тьма разжижена:
разбуженная длань,
как лань летит от солнца - рыжая -
в восторженную рань!
а с нею Шива многорукий
со стёкол ночь скребёт.
и лижет утренние звуки,

как прошлогодний мёд.
на землю утро платьем сброшено,
анисовка в дыму.
и мысли - яркие горошины -
спасение уму...

Трижды детство

Детьми своими входим дважды
в одну и ту же воду..
и трижды... и так далее.....
и отражаются дни наши
в воде - по этому, вот, поводу.
мы дважды пробуем педали,
в траву с велосипеда падая
детьми своими...
и, освещая место малое
их синяками - как Родину!
наверно в этом смысл жизни..
.. течёт вода в реке устало.
и в глубине её особенной
я вижу трижды
светлое, четырежды - печальное....
в одном и том же воздухе я слышу
одну и ту же песню
любви и радости, и детства.
и чувствую, как воздух тот насыщен,
как мир безмерно тесен -
бесчисленно стучится
в одном и том же сердце...

Ромашки

отдели, Господи, глубинное от глубокого -
он ромашками на хлеб зарабатывает.
а расплачивается синим облаком
и сиреневыми жеребьями..
он рисует их на широком

и разгулистом поле маковом.
совмещает, значит, высокое
и церквушек рассветных маковки..
отдели, Господи, человека от комнаты,
выгони его из кокона матом...
замани его в поле хохотом
и счастливым верни обратно..
он, как брат тебе - зверь домашний,
глубиной Твоей в сердце ранен.
зарабатывает ромашками,
а расплачивается - годами...

Михаил Моисеев
/Новосибирск/

Человек

Предисловие

Можно ли заметить,
что с человеком
что-то
произошло?

Не где-то снаружи,
а внутри?

Вот он идёт до того.
Вот он идёт после.

Он понял,
почувствовал,
решил,
придумал.

Или совершил открытие,
но кричать
как-то не принято,
и он промолчал.

Хорошо, если остановился,
оглянулся,
замер,
присел на скамейку,
замерил пульс
и зафиксировал.
Записал в планшет,
на бумажке,
на телефоне в заметки,
в голове справа
или слева.

Но все остальные
ничего,
наверное,
не заметили.

Виктору Иваніву

посвящается

Человек отпускается по рецепту
отпускается из дома из подъезда
с крыши с балкона по пятнадцать
капель по четыре ложки с сахаром
вприкуску с кенгуру вприпрыжку
человек отпускается без рецепта
у него неизвестно где сердце
отпускается взапуски пускается
почти бегом припускается
через двери пропускается
вон он какой бежит
руки раскинул
крылья развернул
где же его меч
где же его щит
отпускается и лежит
отпускается шар
из лоскутов сшит
в корзине рыжий и белый
белый плачет рыжий визжит
ветер свистит
люди бегут
а человек
отпускается
во все тяжкие
во все лёгкие
из всех рецептов
и летит.

В.Ковалевичу

адресовано

Человек попадает на фотографию
или дерево попадает
или попадает окно
неужели дело всего лишь
в этом щелчке но
сейчас уже может
и не быть щелчка
неужели дело в руке
в пальцах а может
в пуговице скажете
ерунда но она тоже
поблизости
химические процессы
физические процессы
психические процессы
или изменилась погода
градусов на семь или
изменилась совсем
рама окна держится на
одном плече
истина
кроме изображения
возможно
ни на чем
вообще.

Олегу Фридману

посвящено

Человек будет
В этих буквах
В одной будет
его лицо
это о
в другой большая
часть жизни

брызнет и
значит не один
два кругляш-
очка
здесь требуется
то ли разделить
то ли перемножить
на рядом прошедших
стоящих спавших не-с-павших
пропустивших момент
или нет
запивавших джин-тоник
за-пав-шими глазами
вот и я с ними
вот и он с нами
не за гаражами
улицами проходим
долгими разговорами
общежитий
этажами
друзьями
вот и я с-ними
вот и он с-нами
дворами-колодцами
лестниц несуществующих
существующими тенями
лужами
деревьями
отражениями
происходящими
не с нами
снами
с ним
нимб
или
выдержку
недодержали.

***

Что происходит всё происходит
Солнце всходит поле всходит
Человек всходит на самый верх
Смотрит от самого верха
До самого низа
На пролетающих
Ангелов
Поднимающихся птиц
Проходящих прохожих
Ползущих
Кротов
Кучи слов
Бубновых валетов
Ослиных хвостов
Диогенов в бочках
Умных и дураков
Чашу не пролей
Не болей не желей
Пей
Человек всходит
На самый край
Дальше
Дежурит
Рай.

Юрий Якобсон
/Иркутск/

Сакральный экзерсис

Я – один из десяти негрят
Ста далматинцев, трехсот спартанцев
Пули свистят
Провода гудят
Сакральным танцем
Как тут остаться
Тикают ходики
Жжется огонь
Холодно, холодно
Снова другой
Нежданным гостем
Жадным хозяином
Что-то в апостолы снова не взяли нас
Имя, сестра, имя!
Время, господи, время!
Как стать иными?
Мир несистемен
.....
Десять негрят решили искупаться
Но кто-то улыбнулся – и их осталось двадцать

Анна Лукашенко
/Екатеринбург/

***

Мне говорят:
- У вас очень красивые руки
Руки - фарфоровые пауки
Пальцы - изломанные тонкие ветки
Косточки - спицы зонта
(я проношу руки мимо кармана,
Я прижимаю друг к другу ладони,
Касаюсь бороздками пальцев полуоткрытого рта)
Мне говорят:
- Я хотел бы себе такие
Проворные длинные ловкие перебирать кишечник
Или страницы или клавиши или прическу
(короткие ногти мои впиваются в тонкую кожу
красный выкрадывается
из губы)
Мне говорят:
- Руки - белые лебедицы
Руки твои - побеги худой сосны.
(по рукам моим перетекает и длится
и возвращается в тело
античный стыд.)
слова окружают меня вдоль меня скользят
мимо меня плывут золотые слова
липнут к суставам серебряные слова
янтарные сироповые слова
(и сквозь драгоценную толщу
руки ведут меня в норы
в которые
словам проникнуть нельзя)

Дмитрий Близнюк
/Харьков/

***

как хорошо,
что мечты не сбываются.
я не стал миллионером,
не мозолю соседям глаза на лимузине.
отлично. не отрастил мышцы как у Ван Дама.
не вмонтировал в зуб маленький бриллиант.
как хорошо, что я никогда
не стану лучшим футболистом мира
по версии Фифа.
никогда не буду читать лекцию по литературе
в дворце шведского короля. как хорошо,
что не разбился твой муж в аварии,
что я не женился на скользкой красивой твари.
что не умерло несколько десятков людей
по хищному щучьему веленью,
по горячке сердца.
как хорошо, что есть предохранитель
на палочке волшебника, иначе
я сжег бы города, соблазнил
всех молодых красавиц на планете.
сошел с ума
от всевластия.
полубог, так и не ставший человеком.

все желания и мечты
проходят тест на допинг
у реальности. и зверь во мне,
опоенный разумом, как белладонной,
постанывает, шатается, изнывает,
покрывается красными волдырями,
качается у края бездны (осыпается земля).
посажен на цепи рассудка.

лишь во сне отпускаю зверя в кипящие миры
запредельных фантазий
и в благодарность он несет из зазеркалья
то целую ногу княжны Тамары,
(покрыта автозагаром, будто коричневым жиром)
то чемоданы с долларами, и запах денег
еще витает в сознании - если проснулся -
едва уловимый аромат дорогой сигары.
как хорошо весь этот перегной,
компост желаний и амбиций
бросать под ноги самому себе.
и делать шаг, другой. преодолевая боль
и глупость, притяжение разочарований.

и вырастут здесь корабли,
взбивая высокими мачтами небеса,
как гоголь-моголь деревянной вилкой,
хоть море далеко.

Ольга Андреева
/Ростов-на-Дону /

А вдруг ты - Бог?

***

Тот, кто идёт не в ногу, слышит другой барабан.

Кен Кизи. «Над кукушкиным гнездом»

То ли землю знобит под промокшей одеждой,
то ли сводит оскомой сейсмической скулы,
то ли бьют в барабан африканские боги
для того, кто не в ногу идёт по дороге.
Ни мольбы, ни угрозы его не удержат.
Он один. Он молчит. Он смеётся и курит.

Ночь темна, только лозы дорог разметались
волосами богини на смятой постели
континента. В плену своей сладкой неволи,
что-то зная – идёт, и не чувствует боли,
презирает свой страх, раскаянье, усталость –
лишь бы бил барабан вдалеке, еле-еле.

За плечом его – ангел, под рёбрами – бесы.
Он лишается голоса, родины, веры
за глухой и размеренный ритм далёкий,
за великое право идти по дороге.
В этой жажде земной, этой каре небесной
Кто способен простить, кто сумеет измерить?

Лишь бы бил барабан...

***

Впусти его – вдруг это Бог?
Вдруг он несёт покой и радость?
Он – дождь, взошедший на порог,
с ведром воды, с холодным градом,
он – молния на небесах
твоих, как пень убогий ясных,
впусти, не рассуждай напрасно,
пусть он не бог, а просто – сам
пришёл к тебе – да много ль надо
скитальцу – хлеба и воды
из глаз твоих. Его беды
залить нельзя – ты просто рядом
сидишь, и слушай, и дыши
согласно слову и дыханью,
и не ищи в себе названья
своей проснувшейся души.
А вдруг ты – Бог?

Alter Ego

Лет с трёх... ну, с четырёх ведёшь
ты эту девочку за руку,
её беспечности порукой,
ведёшь сквозь ложь,
под дождь
и в рожь
над пропастью,
ведёшь, взрослея,
старая – а она дитя,
вприпрыжку, с пламенем шутя,
твою опеку презирая,
бросается от края к краю
любви, депрессии, свободы –
а ты упрямым кукловодом
пытаешься её спасти.
И два нетореных пути
слились в нелепую тропинку

и вьются где-то посрединке
между дорогой столбовой
и узким горным серпантином
с обрывом над чужой стремниной.
Кто выживет? Кто упадёт?
И что тогда другую ждёт?

***

Представь, он не умеет плавать!
Ничуть, ни капли, ни на грош!
Вот так всегда – о самом главном
совсем случайно узнаёшь!

А то – плечистее атланта,
румян, как вешняя заря,
притом читает Ницше, Канта
и братьев Гримм – без словаря,

Слова, улыбки, фразы, жесты –
блин, гений чистой красоты!
Что за уродство – совершенство
без ахиллесовой пяты...

Где нет дыры – откуда ветер ?
Где дыма нет – там нет огня !
Тот, кто умеет всё на свете –
неинтересен для меня.

А я ж хотела – дерзко, шумно,
и рассмеяться невпопад,
сказала бы – «какой ты умный,
а почему не депутат?»

Нет, всё значительно милее.
Хоть он и прёт на самый верх,
при этом – плавать не умеет,
а значит – тоже человек.

***

*Ты можешь подвести коня к реке,
но ты не можешь заставить его пить.*

Восточная мудрость.

Воскресение. Чайно-ореховый омут
глаз напротив. Как редко играем мы с ней!
Наши шахматы можно назвать по-другому,
потому что Алёнка жалеет коней –
и своих, и моих. Отдаёт, не колеблясь,
и красавца ферзя, и тупую ладью,
но четыре лошадки, изящных, как лебеди,
неизменно должны оставаться в строю.

От волненья у пешки затылок искусан,
в каждой партии странные строим миры.
Я иду вслед за ней в этом важном искусстве,
я учусь выходить за пределы игры.
Надо выдержать паузу, выдержать спину
и подробно прожить откровения дня.
Эта партия сыграна наполовину.
В ферзи я не хочу. Отыграю коня.

Торжество справедливости – странная помесь
пустоты и досады – сквозь пальцы улов.
Выхожу на спираль – если вовремя вспомню,
что *великий квадрат не имеет углов**
Ни корон, ни дворцов, ни слонов, ни пехоты,
перейду чёрно-белых границ череду,
распущу свою армию за поворотом
и коня вороного к реке поведу.

*Из «Дао-де-цзин».

***

И. Б.

Он теперь среди римлян своих.
Оден с ними, и он же – Гораций.
До звезды так непросто добраться
без посредников. Что-то сбоит
в мирозданье последнее время,
если время сильнее строки,
и Ростральных колонн маяки
не разгонят упругую темень
на пятнашках зубчатой стены
не признавшей пророка державы.
Кем, когда его дни сочтены?
Отчего это лето так жарит,
превращая в пустыни сады,
акведуки, цветы, автобаны?
Лету нравится сталкивать лбами
власть и слово. Дойти до звезды
не трудней, чем пробить эту стену
ширпотреба, рекламы, попсы,
паранойи незваных мессий...
Не такие уж тут перемены –
пошлякам за державным плечом
хорошо, как в кабине КАМАЗА.
Вавилона кривая гримаса –
что за чем? Кто о чём? Что почём?
Не сильны в иерархии бреда,
разуверятся сотни людей,
а рабы сумасбродных идей
заклеймят безыдейность поэта.

Он теперь среди римлян. А нам
в темноте, друг о друге не зная,
первородство своё вспоминая,
пробираться к далёким огням.

***

Как хорошо – укрыть дитя крылом
и защитить его своим теплом,
и ощутить его – всего-всего,
не знать, не слышать больше ничего...

А человечьи руки так тонки –
не заслонят от боли и тоски.

***

Кого волнует исповедь бомжа?
Стихи ведь тоже пишутся для сытых...
Того, кто просит, как-то и не жаль,
жаль или брошенных, или убитых.
Не жаль – того, кого могу спасти.
Он посягает на мою свободу!
Зачем стоит он на моём пути?
Мой светлый путь – не место для уродов!

Читаю ненависть в его глазах.
Мой жалкий грош отдать диктует страх.
И все приметы Страшного суда
уже перемещаются сюда...

***

Наде Делаланд

Маленький Сфинкс,
ты признайся – тебе там не страшно?
Черпать ладонью такую холодную вечность,
суть облекая в простые слова человечьи,
ими смягчая прогноз неизбежной утраты...

Маленький Сфинкс,
самый взрослый ребёнок Ростова,
видеть сквозь стены, сквозь маски и шоры – не больно?
Выбрав до доньшка звук и расправив любовью,
солнцем просвечивать каждое хрупкое слово,

вскользь, недомолвкой, банальностей не повторяя
и – доверяя глухим, без конца доверяя
сложную звукопись, нить управления полётом,
не отвечая на злобный порыв рифмоплётам,

не называя по имени то, что знакомо,
не замечая замков, вороша аксиомы...
Маленький Сфинкс, от твоей непосильной затеи
глубже дыхание моря и зимы теплее...

Как отзовётся, не думая, дерзко и нежно
тронула – точным касаньем – и вот, получилось,
пусть ненадолго -неистовый мир приручила,
на производную снизив его бесконечность...

Маленький Сфинкс, я терзаю слова простотой,
что ни скажу – всё равно говорю не про то...

ΣΚΑΦΟΣ

кто выдернет мои следы
из-под какой-то там слюды

из-под какой-то там воды
торчат замерзшие сады

и вертит кто-то неживой
окаменевшей головой

иди сюда иди сюда
клей силикатен как вода

РЕМЕСЛО

плывёт венозное пятно
на дно зелёное темно
Офелия надув живот
в руке цветки в ручье плывёт
иди сюда иди сюда
останься с нами навсегда

иду-иду иду-иду
скользя подошвами но льду

расстёгиваясь на ходу
иду-иду иду-иду
Андрей Санников

Елена Коро
/Евпатория/

Се Человек: Я - кентавр-дифтонг речи

ФОРМАТ ОТ «Я»

Текст современного автора, как вещь в себе, сочленяет множество сложноподчиненных уровней вязью ассоциативной. Авторские аллюзии в формате вещи в себе — в авторском тексте — порой бывают доступны только авторскому прочтению.

Формат от «Я» предполагает процесс возврата к тому творческому состоянию, в котором создавался текст.

«Творить — значит жить дважды»

Альбер Камю

Формат от самого себя интересен вовлеченностью автора в процесс, процесс возвращения в текст. Это акт сопряжения в диалог автора и его творческого «Я», быть может, его творческого альтер-эго, способностью создавать максимальную амплитуду интерактивных сочленений со множеством предшествующих состояний-сообщений. Этот интерактивный дискурс автора со своим альтер-эго, комментирующим ассоциативные аллюзии творца, переходит в новый формат текста, органически сопряженным с первоначальным текстом в единую семантическую структуру.

Степень взаимодействия элементов нового текста обуславливается степенью отклика разнородных множеств, сходящихся в дискурсивные ряды. В новом формате заложена и обыгрывается сама возможность диалога между сходными мифологемами из различных мифологических структур. Сложная степень интерактивности превращает первоначальный текст во фрагмент самого себя. Знание и опыт в процессе написания этого изначального текста настолько внутренне, переплавляясь, концентрируются, превращаясь в вещь в себе.

Текст как вещь в себе становится не познаваем для читателей, поэтому автор возвращается в текст, в процесс его написания.

Максимальная концентрация на нюансах текста выявляет в сознании их многообразность. Каждая аллюзия превращается в отдельную историю. Эти истории не вплетаются в формат текста, но их необходимо рассказать, чтобы выявить для читателей вещь в себе, сделать ее познаваемой и узнаваемой.

И тогда качественно изменяется формат.

АЛХИМИЯ Я-ТЕКСТА, ТЕКСТА В СЕБЕ, ИЛИ ВЕЛИКИЙ АЛХИМИЧЕСКИЙ БРАК

*«Алхимик — сам себе собор: оратор и оратай, демиург и творец. Богоравный, индивидуально противопоставлен богу. Он же индивидуально с ним и сопоставлен»
Вадим Рабинович «Алхимия»*

Кривизны разводов

*сурьмяный блеск антимония
волком-синонимом
в зеркале алхимии
не узнаванием антиномии
Елена Коро*

В свете алхимической символики игра смыслов это и есть алхимическая реальность.

Великий Алхимик текста Вадим Львович Рабинович делает потрясающий анализ с разных точек зрения и в различных парадигмах (в кривизнах алхимического зеркала) вещи и символа, «Я» и его отражения в кривизнах разводов.

В алхимии синонимом к «сурьмяному блеску» — антимоний, а символом-синонимом антимония — волк; зеркало алхимии — кривое, в нем вещь и символ отражаются, никак не взаимодействуя, просто смотрят друг на друга, не создавая диалектической дуальности антиномии. При этом, вещь и символ могут быть схожи — в кривом зеркале алхимии, а могут и отличаться — до неузнавания.

Суть алхимического процесса — брак и сочетание элементов, но эти зеркальные кривизны при всем искусственном тождестве, синонимичности вещи и символа — создают кривизны разводов.

Отражение в кривом зеркале алхимии подобно паузе перехода: здесь антимоний, отражаясь волком, рефлектирует до разделения, до частицы волны, до сурьмяного

блеска. Здесь волк, отражаясь антимонием, рефлектирует до распада корпускул, до волны элементарной частицы алхимического процесса, оборотнически обращаясь

дифтонгом Я — антиномией Я, эмиграцией кривого зеркального образа из алхимического зазеркалья — через пустыню паузы перехода. Таков процесс брачевания в дифтонг-антиномию, в дуальную волну-частицу.

Вещь и знак то сходятся, то расходятся, создавая единого кентавра-дифтонга Алхимии — Я.

Кентавром-дифтонгом «Я»

Сложносочиненные конструкции синтаксиса внутренних диалогов в интервалах пространственно-временного континуума лишены знаков препинания и сочленены паузами перехода...

В ментальной петле паузы возникают рефлексии букв, флексий, элементарных частиц, но не речи. Слово рефлектирует звуками, произнеся я, кентавром-дифтонгом скачешь через пустыню паузы вовне, в рефлексию речи.

Робинзонада речи

Междуречье на острове постепенно стирает черты,
лицо держит речь. Вначале ты долго кричишь,
читаешь стихи стихиям моря, ветра, песка, чайкам,
чей крик диссонансом в сеть ассонансов, в стих.
Так долго, что речь какофонией междометий становится междуречьем, ты споришь, ты ходишь,
говоришь-говоришь, стекая в невнятицу звуков речи,
и последним кентавром-дифтонгом, прокричав междуречью: «Я!», изменяешь себя.

Александр Ходаковский
/Харьков, Украина/

Возвращение

* * *

переспелые в совесть не пойманы – честные значит
дни помыслия выткались будто спецы паутинных историй –
суперткачи неизвестной незримой задачи
отголосок сживать нам по жизни престало которой

тоньше воздуха выдался в мир свет сжимаемых терний
до препятствия здесь-бытия до исхода обратно
чтоб управилась в теле духовною деточкой вера
чтобы люди людьми из материи вышли и ладно

житие побирушки Земли это дань человеку
когда чаща лесная дичала в ответ преступленью
чтобы выплыть придётся войти в одноместную реку –
в моментальную вечность жизни смертельной...

* * *

теряю протоны души до последнего атома
мастырю плешивку пожитки и пошевни
погудкой под нос никого не третирую
улететь иль уехать по снегу до совести сжатому
по делу какое придётся лишь бы хорошее
чтоб мира хватило в небесных квартирах нам

зачем голова коли думу не выправить – грех на мне
зачем чудеса по пятам только дразнят
свет не спешит появиться по-миловать
очи мои и слова что уже наравне
духоносным вершинам молчат пресловутое «здрасьте»
мол/к один на один на любовь земляной помогилую

по привычке что страхом велик что глазаст – одинаково
тем более здесь всё равно это без толку
бесплотен как будто... зачем же нательный крест
точно маятник мне лежебоке беспомощно дакает –
одиночество вторит и помощь полезному крестнику
из дома Все-вышнего – места которого нет...

***

разбазарен расписан маркером смыслов
разделён цветоножкой рассвета на проблески
в кромешье часа до чёртиков лысого
робким пробиваюсь пролиском

где же пустошится мудрости пажить
рождён то ли при смерти – к со-вести прожит я
душа голове наживо нажита
сквозь нули глазниц глядит порожняя

и щемит молчая – хоть бы хны поднебесная
в золоте слова мысль халабудую
уж то время дороже – подвесь за края –
распни его... этой вечности не убудет

немееет стена показухой секундную
часовая дежурит – кружемнит оконечь мою
а ежегрех норовит чудоюдою
под ребро живьём выйти в душу млечную

***

развёрстая покрестница – облако не выдюжить
створчатки сердца схлопнулись – беда и не беда
вот уже по-бедные деловые вытяжки
галстуки рубашные – руки никуда

напёрстная не денешься – мыслью поголовь меня
голубь заневестится – раз-верши тоску
выпадет участие выголь слова-имени
выживешь хоть до смерти душу заворкуй...

Возвращение

океан заканчивает сам себя не зря
остриём акульего носа
впрочем и начинает тоже
держишь хлопушкой рыбьего пузыря
пузырьком воздуха на мульти-вселенной коже
волны или на теле плывущего меж волосками-вопросами

скользи между каплями капля бескрайня-я
словно и не было ничего –
ни плывущего кролем полуживого матроса
ни миража берегов
ни подводного рифа-уробороса
в тайне корабельного мироздания

лишь человек остаётся как зверь внимания
водная память спрессована –
лезвие смысла не втиснуть
то что должно случиться происходит заранее
рыбой пущено верное слово нам
плавник на спине – однокрылая суть баллисты

океан оборачивается началом строки
недостаточно мерить жизнь годовой указкой
количеством крови крепостью связок
мышца души это бицепс что сверх руки
имя до сих не названо
акула по ту сторону времени ласковая...

* * *

хочешь не веришь а время на верхней губе
улицу сморщивает в переулки
время сбывается ниточкою х/б
сверлит пространство прозрачные постит руки

взгляд удлинняется в ноль самолётный следок
столкновенья хрустальные памяти губошлёпной
вспыхнет акация затемно – космосу валидол-цветок
растает под небом рассвета фотошоп Европы

оживёт самописная ве/с/точка – в запахах обнимет всель
разойдётся земля на добро мармелада
висков огневые мосты возлетели на все
небеса и на строчку минулась душа-ненагляда...

* * *

свет разобрал на вид личины мрака лица времена
кромешь не внять и мыслерукие ужи
струятся вплавь морскою выправкой – смотри
чтобы увидеть и примерить на себя
силки дневного притяжения из вне
где взору даже тьма возвращена
стоишь на коже высохшей земли ни мёртв ни жив
вся из земли всемуподобная мокрица
пространство сходится магнитом корабля
троится мачта – у горизонта море кажется нежнее –
мять неба на шампуре и воды
две бесконечности слились единой бездной
а третья стала человеком на складках солнца возле глаз
где берег ждёт себя и гладь тоскует
а волны – остановленное слово
как берегом укрошено дыханьем будто молчаливый поводырь
вот-вот разговорится рыболовом и звёзды распугает на дизель
на музыку бекаров и бемолей зайдётся в тишь сердечный водолаз
распахнутая ласточка бликует
мокрица прячется в луче вечноголовом...

Наталья Емельянова
/Нижний Новгород/

Человек говорит вечером

ДОМ

Человек покидает дом,
Уезжает в какой-то город,
Поселяется в самом дешёвом хостеле,
В восьмиместном вонючем номере
С крошечным окном, выходящим на проезжую часть.
По ночам с верхнего этажа
Деревянной двухъярусной кровати
Он глядит в крошечное окно
На летящие вдаль автомобили.
На щеках блестят тихие слёзы.
Автомобили летят в сторону его дома.
А ему утром вставать в 6:30,
Чтобы ехать в Чехов, Всеволожск, Сестрорецк
На какую-то дикую стройку
Устраиваться бригадиром.

В детстве отец
Покупал ему книги
О дальних странах и городах,
И он мечтал с рюкзаком на плечах
Объехать хотя бы полмира.

В хостеле, как правило, тихо.
На нижнем ярусе его кровати спит китайка,
На соседней кровати ещё две –
На нижнем и верхним ярусах.

Кроме них в номере живёт девочка из Кировской области,
Она живёт в нём уже три недели-
Ищет работу не по специальности.
Её земляк – сорокалетний мужчина -
Живёт в хостеле уже два месяца,
Кажется, он устроился куда-то торговать чем-то.
Говорит, что вполне доволен.
На кровати у самого входа
Спят узбечки неопределённого возраста,
Хотя, возможно, они киргизки,
Никто этим вопросом не интересуется.
Они встают каждое утро в 5:20
И возвращаются в хостел глубокой ночью.

Человек покидает дом,
Уезжает в какой-то город,
Поселяется в самом дешёвом хостеле,
В восьмиместном вонючем номере
С крошечным окном, выходящим на проезжую часть.
Счастье – видеть, как летят автомобили в сторону твоего дома.
Счастье – знать, что где-то там, за автомобильными фарами,
У тебя есть
Дом.
А в нём
Молча смотрит в окно девочка Настя.
Человек покидает своё Дом.
Человек не забудет о нём.

ПОД СКОРЛУПОЙ

У меня под скорлупой пустота.
Ау! Ау! Кто-нибудь видел здесь человека?
У меня под скорлупой пустота.

Отдираю маленький кусок скорлупы и вижу:
Совершенная пустота.
Ау! Ау! Я ищу человека.
Глухота. Слепота. Немота.

Просовываю в дырочку лестницу,
Спускаюсь медленно внутрь.
В руке небольшой фонарик,
Освещаю им темноту.
Я: Извините, здесь есть кто живой?
Эхо: Извините, здесь есть кто живой?
Пару десятков лет назад, когда я заглядывала сюда,
Я совершенно точно видела здесь человека.

Болтаюсь на последней ступеньке,
Держусь одной левой рукой,
В правой руке фонарик,
С ног соскочили туфли:
И-и-и-хлоп!

Я: Странно, пару десятков лет назад...
Эхо: Хлоп!

Ну хорошо, расцепляю пальцы на левой руке:
И-и-и-бум!
Эхо: Бум!
Приземляюсь на что-то твёрдое,
Ой, подо мной что-то хрустнуло.
А пару десятков лет назад...
Встаю, отряхиваю подол
(фонарь, увы, уронила),
Иду осторожно, наощупь.
Ау! Ау! Ну пожалуйста,
Может, хоть кто-нибудь
Видел здесь человека?

Уже почти что шепчу,
Почти что молчит эхо.

В ярости начинаю стучать кулаками
В скорлупу под своими ногами.
Я: Всё, всё, больше ничего не хочу,
Выпустите меня наружу!

Где моя лестница?
Эхо: У-у-у... Где моя лестница?

Неожиданно под кулаком
Образовывается маленькая дырочка.
С трудом просовываю туда свою голову,
Волосы цепляются за неровности скорлупы,
Теряю драгоценные пряди.
Далее просовываю в дырочку свои руки,
Кожа сдирается под острыми скорлупочными осколками.
Далее проталкиваю своё туловище
И тоже раню его, рву любимое платье.
Наконец, я оказываюсь снаружи полностью.
Отряхиваю подол, разглаживаю волосы
И ухожу прочь от маленькой дырочки,
Позабыв фонарик, туфли и лестницу.

Ничего, может быть, попытаюсь когда-нибудь снова
Спуститься туда и найти
Этого потерянного человека.
Через пару десятков лет.
Или даже в конце этого лета.

ЧЕЛОВЕК ГОВОРIT ВЕЧЕРОМ

Человек говорит вечером:
«Всё, завтра буду другим человеком».
Человек говорит вечером:
«Всё, завтра буду другим человеком».
И человек говорит вечером:
«Всё, завтра буду другим человеком».
И человек через год говорит вечером:
«Всё, завтра буду другим человеком».

А ветер швыряется снегом в окна,
И время уходит как-то боком,
В землю потупив глаза.
А человек говорит:

«Вот если бы я вчера встретил Блока,
Что бы я ему сказал?»

И человек говорит вечером:
«Всё, завтра буду другим человеком».
И человек говорит, говорит вечером:
«Ну всё, завтра, завтра я буду другим человеком».

А время покупает валерьянку в аптеке
И смотрит на стрелки часов.
И думает: «А что бы при встрече сказал человеку
Многострадальный Иов?»

А человек встаёт по будильнику,
Приезжает в офис,
Продаёт какую-то ерунду
Незнакомому человеку,
После обеда устраивает путешествие
По необъятному Интернету,
Приезжает домой, ужинает
И говорит:
«Вот завтра, завтра, вот завтра я точно буду
Другим человеком».
Человек подсчитывает расходы,
Проверяет в карманах чеки.
Время смотрит за ним в замочную скважину,
Трёт рукою морщинки на веках.
Человек ложиться спать и говорит:
«Вот завтра проснусь
И после кофе начну быть другим человеком.
А вообще, интересно, кем бы я был,
Если бы родился, например,
В начале прошлого века?»

Человек говорит вечером.
Человек говорит вечером.
Человек говорит вечером.

ЛАЗУРЬ

А Лазарь ходит по лазури,
Раскрыв ладони над землёй,
И говорит: «Я дважды умер,
И я по-прежнему живой».

А люди мёртвыми глазами
Гладят на Лазаря в ответ
И за густыми облаками
Они его не видят, нет.

А видят лишь вчерашний ужин
И прошлогоднюю войну,
Им Лазарь, в общем-то, не нужен
И Небо, в общем, ни к чему.

Оно нужно лишь самолёту,
Дающему своё крыло
Ладони Лазаря. А кто-то
Вглядится в круглое окно

И разглядит в нём человека,
Хранящего лазурь в глазах,
И нервно дрогнет чьё-то веко,
Лазурью став.

ПАША И МАША

Маша спросила Пашу:
«Паша, а кто сделал этот парк?»
Паша ответил:
«Директор парка».
Маша спросила Пашу:
«Паша, а кто сделал эту дорожку?»
Паша ответил:
«Директор дорожки».

Маша спросила Пашу:
«Паша, а кто сделал этот асфальт?»
Паша ответил:
«Директор асфальта».
Маша спросила Пашу:
«Паша, а кто сделал эту грязь?»
Паша ответил:
«Директор грязи».
Маша помолчала минутку, разглядывая упаковку из-под печенья,
Валяющуюся в луже, и спросила:
«А где сидит директор грязи?»
«Об этом надо узнать у директора асфальта», -
Ответил Паша.
«А где сидит директор асфальта?»
«Об этом надо узнать у директора дорожки».
«А где сидит директор дорожки?»
«Об этом надо узнать у директора парка», -
Сказал Паша.
И пошли Паша и Маша к директору парка.
Директор парка выслушал их молча,
Положив руку на трубку старого-престарого телефона,
И сказал: «Хм».
«Хм», - проговорил Паша.
«Хм», - пропищала Маша.
«О том, где сидит директор дорожки,
Знающий, где сидит директор асфальта,
Знающий, где сидит директор грязи,
Должен знать директор парка».
«Хм», - проговорил Паша.
«Хм», - пропищала Маша.
«Но я не знаю, - сказал директор парка,-
Поэтому я позвоню директору улицы,
Чтобы он позвонил директору города,
Чтобы он позвонил директору страны,
Чтобы он позвонил директору мира.
Уж директор-то мира
Должен знать,
Где сидят все остальные директора».

«Хм», - проговорил Паша.
«Хм», - пропищала Маша.
Директор парка снял трубку
Старого-престарого телефона
И позвонил директору улицы,
А тот позвонил директору города,
А тот позвонил директору страны,
А тот позвонил директору мира.
«Глупые, глупые директора», -
Проговорил директор мира
И немедленно приехал в парк.
В парке гуляло много различных директоров,
А недалеко от места, где сидел директор парка,
Стояли Паша и Маша.
Паша пинал пустую железную банку,
Всю грязную от мокрой весенней земли.
А Маша продолжала смотреть на упаковку из-под печенья,
Валяющуюся в луже.
«Глупые, глупые, бедные люди», - проговорил директор мира
И немедленно позвонил директору парка,
Чтобы тот вызвал директора грязи
На приём к директору мира в следующий понедельник.
«Паша, а где сидит директор пустой железной банки,
Которую ты сейчас пинаешь?» - спросила Маша.
Но Паша не расслышал. Он продолжал пинать пустую железную банку
И шёл куда-то вперёд.

ИОАНН

Иоанн держит свою голову на блюде.
Мимо проходят люди.
Мимо проходят люди.
Мимо проходят люди.
Втайне мечтают о чуде.
А, между тем, Иордан
Воды свои разливают.
Люди идут и мечтают.
Люди идут и зевают.

Люди идут и не знают,
Что берега исчезают
Даже под стопами их.
Иоанн держит свою голову на блюде.
Соседка справа о чистой посуде
Мечтает ночью и днём.
Люди, люди, куда мы идём?
Иордан шумит за окном,
По утрам меня рано будит.
Иоанн держит свою голову на блюде.
Одной тонкой рукой
Свою голову
На красиво расписанном блюде.

ДИАФРАГМА

Закрываешь глаза и слышишь:
Вдалеке шумит трасса.
В глубине шумит жизнь.
Шурша о стенки носа,
Воздух проникает в лёгкие –
Диафрагма опускается.
Потом, так же шурша,
Воздух вырывается куда-то наружу –
Диафрагма взматывается ввысь...
Куда-то высоко-высоко...

В комнате темно.
Я шепчу тебе на ухо:
«Знаешь, сегодня я написала стихотворение».
Ты гладишь меня ладонью по голове и говоришь:
«Это хороший признак. Значит, идёшь на поправку».
В школе после болезни детям давали справки,
Разрешающие не посещать уроки физкультуры.
Школьники хвастались этими справками друг перед другом
И с гордостью несли их своим учителям.
А у меня была самая лучшая учительница по физкультуре.
Она показала мне, что такое аэробика.
А однажды после тяжёлой болезни

Она за год смогла восстановиться.
Заставляла себя сползть с постели
И вставала на лыжи, чтобы пройти хотя бы несколько метров,
А потом опускала себя, почти недвижимую,
В бассейн и заставляла плыть. Плыть навстречу жизни.
Она неустанно говорила нам: «Жизнь прекрасна!»
И никогда не заставляла нас прыгать через козла,
Она учила нас красоте движения,
Шла вразрез всем образовательным программам.
И на её уроки я приходила всегда,
Рвала все справки и пускали их по ветру.

Закрываешь глаза и слышишь:
Где-то вдалеке шумит трасса.
Где-то в глубине шумит жизнь.
В комнате темно. Я шепчу тебе на ухо:
«Знаешь, а умирать по-прежнему страшно».
Ты гладишь меня ладонью по голове и говоришь:
«Ничего нет страшнее на свете».
Закрываю глаза и пытаюсь увидеть:
Что у меня там, в самой глубине,
И где она, эта самая глубина?
Пространство внутри разворачивается до бесконечности.
Открываю глаза и вижу:
В окно светит звёздное небо.
Пытаюсь представить: а что там, в самой-самой дали, за всеми этими
звёздами,
И где она, эта самая-самая даль?
Пространство летит сквозь звёзды куда-то в невообразимую бесконечность.

Закрываешь глаза и слышишь:
Сердце стучит в груди
В такт соловьям, пробудившимся среди ночи.
Прекрасная ночь.
Очень.
Интересно, сколько сердец прямо сейчас
Стучит одновременно с моим хотя бы на этой улице?
В какие двери они стучат?
И кто им откроет?

Пётр Матюков
/Бердск/

Звезда Полюнь

Горная дорога извивается словно удав, пытающийся задушить гору. Потрескавшийся асфальт, сквозь который пробивается ковыль, иногда сменяется каменной крошкой. Тогда за моим открытым джипом тянутся клубы коричневой пыли, а шум от покрышек начисто заглушает стрекот кузнечиков. Августовское солнце на Алтае – зверь. Жарит, шпарит, обжигает. За руль порой невозможно держаться без перчаток. Еду в бриджах, футболке с коротким рукавом, которая днем быстро становится мокрой от пота, а по ночам высыхает и слегка дубеет от соли. На голове кепка с волонтерской эмблемой: перечеркнутой восьмиконечной звездой. И от солнца защита, и встречным-поперечным знак, чтоб не палили не разобравшись. На джипе, кстати, та же эмблема.

Недели две уже жара. Ни облачка, только холмы, горы, да синь небесная. Загорел, волосы выцвели, смотрю в зеркала машины, как белобрысый негр. Зато солнечным батареям хорошо. Джип тянет волонтерский груз в гору на ура, даром что на электротяге сейчас.

Ни зной, ни шум покрышек, ни стрекот из густых трав, ни даже пряный, с привкусом полыни запах пожелтой на солнце травы, не сбивают меня с цели. Чувствую я ее, держу направление. Это первое, чему научил Старый Учитель. Своего рода путеводная звезда, компас. Чувство, которое после Звездопада проявилось у всех людей. Но его можно развить, усилить. Волонтерам без этого – ну, ни как. Только так мы и находим зарождающиеся Звезды, где может потребоваться наша помощь.

Держать-то курс держу, тут ума много не надо, пока дорога попутная, а вот со временем проблемы. Цейтнот. Уже сгустился воздух над капотом перед лобовым стеклом, уже картинку искажает, мешает порядком, когда дорога сужается до ширины джипа, а с краю пропасть, куда смотреть страшно. И этот сгустившийся воздух – вовсе не марево от капота автомобиля, и пахнет не горячим металлом, а озоном пахнет. А значит, скоро явится Звезда, и это я тоже чувствую, причем гораздо сильнее, чем цель, потому что эта Звезда – моя. Обидно, что не удастся добраться до цели раньше. Придется вместо одного боя принимать два. Но плох тот волонтер, который от своей Звезды бежит.

Долгое время дорога шла в гору, почти достигла вершины, но выровнялась, пошла чуть со снижением, потом расширилась, появился приличный асфальт, и после крутого поворота навстречу джипу выскочило селение.

Останавливаю джип на въезде. Тишина, кузнечики не в счет. Пропасть и гора чуть отступили от дороги, и по обе стороны образовалось пространство, где среди можжевельника и лиственниц виднеются с пяток домов. Домики типовые: кубики на сваях на склоне горы. Такие на Алтае строили в двадцатых годах века по турецким проектам. Вход со стороны дороги, одна сторона дома на нее и опирается, противоположная – стоит на сваях, над обрывом. На крутом горном склоне есть даже обнесенные невысоким плетнем участки под огород, густо заросшие бурьяном. Около крайнего дома виднеется ржавый трактор.

Запустение. Штукатурка давно облупилась, обнажая выцветшие кирпичи, словно кости из-под мяса. Те окна, которые выбиты, глядятся пусто и нехорошо рядом с целыми. Захожу в один из домов, где дверь не заперта. Пахнет плесенью. Комнатки маленькие. На втором этаже две спальни, на первом – комната, кухня и туалет. Вещи в относительном порядке, но везде толстый слой пыли, паутина на углах. В одной из спален потрепанные детские игрушки, в раковине на кухне составленная горкой посуда, из техники только стиральная машина, холодильник и небольшой плазменный телевизор, шнуры питания выдернуты из розеток. Из чего делаю вывод, что скорее всего жильцы эвакуировались, и вряд ли мародеры добирались сюда. Мародерам и смысла-то нет, проще в городах промышлять, вон – полно пустует. Да и кто в нынешнее время мародер? Скорее путник, который выживает как может и пользуется брошенным скарбом, никому кроме него не нужным. За пределами волонтерских центров встретить живых нынче шансов меньше, чем наткнуться на чьи-то кости.

В книжном шкафу, среди кулинарных книг и детских сказок обнаружил забытую хозяевами флэшку. Вставил ее в смартфон. Сигнала здесь, конечно, нет, не позвонишь, да, сигнала вообще почти нигде нет, а вот просмотреть флэшку можно. Глянул несколько фотографий, где на каком-то курорте веселилась семья с двумя девчушками. Ясно, что до Звездопада еще. Долго рассматривать не стал, нет времени, но флэшку сунул в задний карман бриджей. Гляну на досуге. Нравится мне чужую жизнь непохожую, как пазл собирать; прошлое домысливать, будущее додумывать, гадать, есть ли настоящее. Уже уходя, заметил в том же книжном шкафу среди книг клеенчатую тетрадку. Давно таких не используют, а тут недавно волонтерам стали выдавать вдруг. Мол, если что срочное, сподручнее записи делать на бумаге, а не тыкать пальцем в экран или клавиатуру. И надежнее иногда даже, техника более привередливая штукавина. Словом, регресс. Пожелтевшие листы тетради исписаны стихами. Полистав, выбираю один наугад.

Вечеру раскинув невод,

На понтах – с жабо, побритый...

Под раскрытым настезь небом
Я ловлю метеориты.
Пусть твердят кривые совы,
Мол, не пьян - а хулиганит!
Что мне эти совы, к слову?
С их куриными мозгами?
Что мне менторские нотки,
Наставленья, назиданья?
Я ловлю рукой ошметки
С мясорубки мирозданья!
Да, рукой! И к черту невод!
Невод, старика и рыбу!
Если даже глыба с неба -
Я поймаю эту глыбу!
Чтобы при раскопках, после,
Кто-то грязный и небритый,
Надо мной склонившись, бросил:
Он ловил метеориты...

Ерунда это. Никто теперь не ведет раскопок. И не будет уже вести. И не так у нас говорят. Не метеориты. Звезду, говорят, поймал. Или звездца. Звездца грубее, но по правде больше подходит. Правда - она вообще грубая. Горькая, как польнь. Звезда Польнь.

Тетрадку тоже прихватил с собой. Сам я не любитель, но может кому из наших и понравится. Не пропадать же добру. Старался человек - каждую букву выводил, соединял буквы между собой; а не просто тыкал пальцем в экран.

Выхожу на дорогу и останавливаюсь. Как же сразу-то не заметил? Хватку теряю. За трактором, который мирно ржавеет, наверное, лет надцать, обнаруживаю джип, прикрытый ветками лиственницы. Джип пятнистый: зеленый с коричневым, в глаза сразу не бросается. Эмблемы на нем, как на моем - волонтерские. Что ж, где вы сослуживцы-волонтеры? Ищем, но спокойно, кричать не будем.

Нашел их под домом. Если спуститься по крутой тропинке, там между сваями на склоне горы площадка небольшая забетонирована. Терраса как бы. По сторонам выюны расползлись, тенек и прохлады, вид хороший на горы. И они сидят в садовых креслах, парень с девушкой, и видом этим любят.

Я сразу все понял, трогать ничего не стал. Постоял только с ними рядом. Если задеть - рассыпятся, еще и кожу обожгут. А так могут долго просидеть. Художник, сволочь. Сам не встречал, но слышал, есть такая тварь. Из жертв манекены делает, располагает их красиво. Тварь редкая, хотя Старый

Учитель и на нее рекомендации давал. Но ведь тварь-то редкая, вот что удивительно. Как волонтеры могли вляпаться? Это какой-же неудачный ход надо сделать, чтобы Художник попался? Волонтеров специально натаскивают, гигабайты информации им скамливают, они же других спасать должны, помогать выживать, обучать выживать. А если сам выжить не можешь, какая от тебя польза? Хотя, чушь я несу. Со Звездой определенности никогда не бывает. Порой, ну, вроде бы все ясно, все учел, ситуация наипростейшая, а гарантии, что легко отделаешься, никто не даст. Жалко ребят. Новички, похоже. Обычно по двое, хотя так и рекомендуется, новички ездят. Ветераны - все одиночки. И соображение простое: на одного одна тварь выйдет, на двоих - две. Так что - либо товарищ, которому жизнь доверишь, либо - одинешенек.

Вернулся я обратно на дорогу. Солнце какое-то тусклое, настроение поганое. Забрисил флэшку и тетрадь в бардачок своего джипа, направился в сторону джипа, укрытого ветками. Иду, носками сандалий камешки распинаю, шишки подошвой давлю, по хвое опавшей шоркаю. Ветки маскировочные убрал совсем, может машина кому и согдится еще, пусть видят. Машины подгонять друг к другу не стал. Стал из кузова коробки с консервами таскать к своему джипу. С десятка перетащил, а они килограмм десять-пятнадцать, и расстояние между машинами метров пятьсот. Кузов моего джипа и так забит под завязку, войдет не больше одной. Перетаскал коробки обратно, все десять, загрузил их в кузов, чтобы те, кто найдет, не парились. Вспотел, полегчало. Думал перетащить тюки с одеждой и стопки книг (Краткая энциклопедия Звезд), и не стал. Сел на землю, спиной на колесо опираюсь, губами шевелю, стараюсь ни о чем не думать. Вокруг шмели, мухи и прочие стрекозы летают, муравьи мои ноги обнаружили, карабкаются.

А сам все-таки думаю, потому что нельзя не думать, время-то поджимает. Думаю, что хорошее место здесь, чтобы остановиться. Какое-никакое пространство есть для маневра. Такое, если дальше ехать, может не скоро встретиться. Место хорошее, а примета плохая, кладбищенская, дурная, хуже некуда. Тот, кто суеверный, семь раз перекрестился бы, через левое плечо плюнул, по лиственницам постучал, и все равно бы лыжи наострил отсюда. А человека суевернее меня найти трудно. Понимаю тут, что извечная борьба логики с интуицией происходит. Поэтому терпеливо сижу, жду результата. Сходятся они на том, что остановиться здесь все-таки можно, но только ни в коем случае не въезжать в селение. Пусть джип стоит, где стоит, на въезде.

На том и порешили. Вернулся я к своему джипу. Времени еще - пять вечере с небольшим, костер разводить рано, но веток для костра натаскал, чтобы все было под рукой. Сел в теньке, под деревом, посматриваю как Звезда формируется, нервничаю.

А там воздух загустел еще больше, ну чисто белое облачко, какие в здешних горах по утрам к вершинам липнут. Размер только не тот, да края аккуратные, не размытые. И уже не над капотом это облачко, а ко мне поближе перебра-лось, парит метрах в пяти, аккурат над синими ягодами можжевельника, и не-кий намек чувствуется.

Последнее, что я слышал от высоколобых, будто бы облачко не имеет отношения к самой Звезде, а просто обозначает место и время ее появления. Словно кто-то лазерной указкой тычет – здесь, мол. Охотно верю, сам проверял байку, что как ни старайся, а Звезда появляется, когда моргаешь. И долго не мор-гать пробовал, и моргать быстро-быстро, результат один: Вот оно, облачко, моргнул – вот она, Звезда. Видеотехнику тоже привлекали на помощь, но кар-тина все та же: облачко и Звезда всегда на соседних кадрах. Как с частотой раскадровки ни колдуй.

Прозевал и на этот раз – моргнул. Звезда появилась на месте облачка внезапно, бесшумно, но как-то ощутимо; я вздрогнул, всегда вздрагиваю. Вскоре на шею, спереди я почувствовал жжение, ощутил, будто невидимая тепловая нить протянулась из точки между грудиной и кадыком в сторону Звезды. Все, привязала Звезда, дала понять, мол, я – твоя, а ты – мой.

Вообще-то, разные они бывают, но всегда восьмиконечные. Одиночке – Звезда поменьше, группе – побольше, видимо, чтобы разглядывать в толпе было удобнее. Форма и цвет бывают разные. Почему так? Как происходит выбор в каждом конкретном случае? Никто толком не знает. Моя Звезда на этот раз представ-ляла собой круг, около тридцати сантиметров в диаметре, из которого выходило восемь изогнутых лучей. Этакий увеличенный сюрикен ниндзя. Толщиной она была в два пальца, а материал напоминал слоновую кость. Я бы сказал, что это и есть слоновая кость, если бы уверен был, что там, откуда эта штука является, водятся слоны.

Через несколько минут где-то под поверхностью, словно под экраном, проступили огненные знаки. Старый Учитель их жучками называл, чтобы запоминать легче было: клопы, тараканы, пауки, многоножки. Однако насекомых на все про все не хватало, в ход шли и геометрические фигуры, и просто предметы, вроде зонтика или танка. Сходство, на самом деле, только условное, знаки чем-то напоминают иероглифы, но с невероятной кучей закорючек и модификаций. Вроде и этот - паук, и тот – на паука похож, а седьмая нога на киселе в другую сторону повернута. Забавно, что сразу после Звездопада китайцы не упустили случай заявить, мол звездные знаки родственны китайским иероглифам, что подтверждает древность и мудрость нации. Причем, было несколько докладов, где довольно пространно объяснялось, почему японские и корейские иероглифы сходству не отвечают. Япония и Корея выпустили альтернативные доклады, арабы увидели сходство

знаков с арабской вязью, а российский президент заявил, что вязь бывает и славянская, но Россия тут вообще никаким боком, потому как всегда за мир, против зла, в отличие от Америки. Американский президент ничего заявить не успел, так как вскоре президентов не стало.

На что бы знаки эти ни походили, но до сих пор смысл их остается неясен. Возможно, это некий текст, но может быть – просто обозначение фигур в сложной игре. Потому что Звезда является не просто так, нужно совершить некую перестановку огненных знаков. Сделать ход. А дальше ход Звезды, и от того, насколько верно ты сходил, зависит с кем тебе придется сражаться не на жизнь, а на смерть.

Конечно, было бы здорово, если бы огненные знаки расшифровали. Пусть даже китайцы. Может быть, стали бы понятны хоть какие-то правила игры. А то ведь никаких подсказок. Играй вслепую. Звездопад они, видите ли, насладились, а ин-струкцию приложить не потрудились. И за что нам такое?

Звезда Польнь, говорит Церковь, это сказано в Библии, и это многое объясняет. По-моему, ничего это не объясняет, но я верю. Потому что горько.

Восьмирукий Шива начал прекрасный танец смерти, говорят в Индии, поэтому у Звезды восемь лучей. Кто я такой, чтобы не верить очевидному?

Восьмиглавый змей с восемью хвостами, говорят японцы, спустился с небес, чтобы полакомиться человечинной. Мне нравятся сказки про драконов и Змеев Горынычей, но мне не нравятся восьмиконечные звезды.

Это просто смешно, говорят атеисты и предлагают рациональное объяснение: Идет Третья Мировая Война с вторжением извне. Точнее, Всегалактическая Война. Очевидно, вся Галактика должна участвовать. Но что если земляне не достигли еще необходимого технического уровня, чтобы хотя бы долететь до фронта? Что ж... Если Магомет не идет к горе, то гора придет к Магомету.

Слышал я, кстати, еще одну теорию. От Хромого. До Звездопада тот был помешан на ставках, и бился об заклад, что Звезды как две капли воды похожи на ставки у букмекера. Ты передвигаешь знаки, говорил он убежденно, а где-то там, здесь он высоко поднимал брови и закатывал глаза, что-то происходит. Может в футбол марсианский они играют. Если совсем не так сыграли – получи по полной, если немного не угадал – получи поменьше. Но ты понимаешь, здесь он мечтательно закрывал глаза, что будет, если вдруг угадаешь? Если кто-то угадает, хоть раз, то такое получит!.. Хромой говорил, что есть система, основанная на статистике, чтобы угадывать по ставкам. Обещал поделиться со мной выигрышной стратегией, но видимо что-то не уцел, потому что однажды поймал Звезду.

Лично я ни с одной теорией не спорю, но пользы от них не ощущаю. Не так важно почему случился Звездопад, важно – что делать дальше нам, пока

еще живым. И самое практичное – анализировать накопленный опыт: свой, чужой. И именно этим занимаются и волонтеры, и Старый Учитель, и научные центры. Самое ценное, что может сделать человек: пережить еще одну Звезду, узнать что-то новое, научить другого. За свои тридцать разумных лет я пережил бо-лее двухсот Звезд. И даже по волонтерским меркам – это много. Старый Учи-тель говорит, что я везунчик, и если бы он ловил Дьявола на живца, он бы ловил его только на меня, чтобы тот мной подавился.

Вот ведь сколько эта звездная дрянь зла и горя несёт, и все равно – красивая. Завораживает просто, стоишь как под гипнозом, любишься. Старый Учи-тель говорит, что это мандраж, мол, неосознанно оттягиваю момент, когда надо вникать в знаки, ход обдумывать. Может быть, но ритуал никогда не меняю – дурная примета. На ход Звезда дает несколько часов, так что минуты роли не играют.

Медленно тяну ладонь к поверхности, рука словно в теплую вязкую жидкость входит. Это Звезда окружена силовым полем. Похоже на ремень безопасности: быстро двигаться не дает; если медленно – подается, если резко – блокируется. Поверхность на ощупь – слоновая кость, но кто знает... Охватываю пальцами снизу один из лучей, тяну на себя, упираясь обеими ногами в землю. Идет сначала еле-еле, но потом подается, постепенно стягиваю ее с можже-вельника. Так и плывет она на уровне пояса по инерции, иногда только еще подтягиваю. Тормозить тоже начинаю заранее, чтобы около будущего костра остановилась. Затем также постепенно завожу к Звезде вторую руку, и обеими руками начинаю давить вниз, пока Звезда не оказывается практически на траве. Так-то лучше, опускаюсь рядом, скрестив ноги по-турецки.

Звездных знаков на этот раз не много, почти все они сосредоточены внутри круга, лучи почти-что чистые. Вглядываюсь, пытаюсь за что-то зацепиться, и времени здесь экономить не стоит. Как говорил Старый Учитель, начинайте со скелета, а мясо подтянется. Скелетом может быть симметрия, связанные цепоч-ки знаков, либо абсолютный беспорядок. Словом, некая закономерность. Нужно нащупать ее, а затем определить участки, которые не вписываются в общую картину. Вот там-то ход и надо искать.

Иногда закрываю глаза, знаки остаются гореть где-то в сознании. Потом опять размышляю зряче. А вот ходить вокруг Звезды, смотреть на позицию с разных лучей не рекомендуется – устоявшаяся мысленная картинка смазывается. Нако-нец, определяю два участка, где знаки кажутся несогласованными. Один нару-шает симметрию, другой содержит плохое сочетание: пауки с божьими коровка-ми. Выбираю коровок, исходя из меткого мнемонического правила: ходи по-большому. Коровок много, а на другом участке нарушение симметрии незначи-тельное. И вот дальше возникают сложности. Коровок

очень хочется отправить подальше от пауков, но путь упирается в многоножку, обойти которую можно либо справа, либо слева. И никак не могу понять в чем разница, многоножка вроде симметричная, но чтобы было без разницы – так не бывает. Сижу, сижу, никак мысль не двигается. Ничего не припомню насчет подобных многоножек и их взаимодействия с коровками. Только Старый Учитель лезет в голову со своей присказкой: Спокойно и просто он бросился с моста. Невольно начинаю массировать подушечкой большого пальца точку на шее, которая со Звездой связана. Нет, жжение не больше обычного, и невидимая нить не натянулась сильнее, нервничаю просто.

Отвлёкся. Сходил до джипа, вернулся с рюкзаком. В глубину приготовленных веток, составленных шалашиком, просунул белую шайбу сухого горячего, поджег. Вкусно запахло дымом, вспыхнула и защелкала сухая хвоя. Как раз вовремя, дело к восьми, скоро сумерки, распухшее солнце медно-красным тазом накрывает самую высокую гору. Достал из рюкзака потрепанную форму, переоделся. Ничего такого особенного, ботинки на толстой подошве, длинные рукава, да ткань поплотнее. Нам в центр привезли боевые костюмы, которые не сковы-вают движений и чуть ли не удар саблехоста выдерживают. Но честно говоря, я пока про желающих попробовать не слышал. Это защита, конечно, не нападе-ние. Но есть большое опасение, что также, как и в случае с оружием, боевые костюмы нарушают Принцип Простоты. Его сформулировали вскоре после Звездо-пада, когда народ по-простецки встречал неизвестных тварей пулями, снаряда-ми и даже ракетами, после чего многие города не просто опустели, а были стерты с лица Земли. Быстро выяснилось, что Звезды оценивают адекватность боя. Если, к примеру, ты выходишь с двустволкой, то вместо волка на тебя выйдет даже не волк в бронезилете, но автоматчик. Чем больше твоя пушка, тем с большей пушкой тебя встретят. Принцип Простоты гласит, что воевать надо проще. Незачем соревноваться с заведомо превосходящим технически вра-гом в технике. Приедешь на танке – они приедут на лучшем танке или на звез-долете прилетят. Поэтому использовать что-то сложнее холодного оружия не стоит, чтобы не уходить в высокую технологию. Со временем Принцип Простоты многократно подтверждался, хотя всегда находились ловкачи, желающие его обойти. Скажем, выходит такой на бой – гол как сокол. А когда противник появляется, быстренько бежит к загашнику и достает пистолет. Но не всегда это срабатывало, Звезды каким-то образом заранее узнавали о том, что боец рас-полагает оружием. Но даже если и срабатывало, то в следующий раз Звезда подсылала противника с учетом случившегося обмана. Принцип Простоты опять подтверждался. Правда, я слышал, что в Индии есть йоги, которые в состоянии самадхи палят из калаша по звездным тварям по чем зря – и ничего. И якобы все потому, что Звезды извлекают информацию мен-

тально, а йоги умеют закрывать мысли, думают о цветочках вместо пуль. Но йоги – товар штучный. Хочется у такого поучиться, только сможет ли он научить? Что-то я в России про такое не слыхивал. У Принципа Простоты есть еще важное следствие, проверенное опытным путем: если победить с минимумом дополнительных средств, то Звезда оставляет тебя в покое на более длительное время. Может, чтобы ты силы восстановил. Поэтому я холодное оружие оставляю в джипе, сразу не беру, использую только в случае необходимости.

Приготовившись, возвращаюсь к Звезде. Спокойно и просто он бросился с моста... По идее, подсознание уже должно было что-то придумать. Так и есть, хотя и не бог весть что, но сойдет. Как говорится, перед ходом не надумайся. И незачем оттягивать резину в долгий ящик. Хотя Учитель всегда пенял мне на мою склонность к импульсивным решениям. Надо, говорил он, думать и еще раз думать, нельзя отдаваться на волю случая, если что-то не ясно – думай дальше, если не думается – все равно думай, никогда не меняй решений без веской причины, не действуй сиюминутно. А я разве спорю? Просто я подсознание загружаю, чтобы не отлынивало.

Нашупываю пуговицу крупнее прочих в районе солнечного сплетения, сильно сжимаю двумя пальцами, чувствую ответную короткую вибрацию. Значит, видео-регистратор включился. Это хорошо, а то барахлил последнее время. Сажусь перед звездой. Перекрестясь три раза и сплюнув через левое плечо, захожу руку в силовое поле Звезды. Касанием указательного пальца отмечаю примерно половину божьих коровок (они теперь светятся ярче) и провожу линию справа от многоножки до пункта назначения. На Звезде появляется стрелка, а выбранная группа теперь обведена жирной линией. То же проделываю с оставшимися коровками, только направляю их слева от многоножки.

Все. Убираю руку и жду. Звезда дает мне пару минут, чтобы изменить решение, потом божьи коровки оживают и разделившись на две группы начинают огибать многоножку. И тут у меня в мозгу щелкает что-то про соотношение количества ног у многоножки и числом передвигающихся. Точно не могу вспомнить, что за связь должна быть и к чему это ведет. Пытаюсь сосчитать ноги у многоножки (а та уже пришла в движение, изгибается) и одновременно понять сколько коровок в группах по отдельности и вместе. Постоянно сбиваюсь. Рука то не-вольно тянется к Звезде, то одергивается. Понимаю, что бесполезно уже что-то менять, невозможно уже менять, будь что будет, но подсчет и лихорадочные мысли остановить не могу. Ноги суммируются со штуками, в голове мелькают заученные таблицы. Знаки за знаками, знаками погоняют.

Съели они ее. Облепили с двух сторон и съели. Дурной знак. И до конечного пункта не доползли. Что ж, если доберусь до волонтерского центра, отдам аналитиком запись видеорегистратора. Пусть копают.

Смотрю, тем временем сумерки незаметно спустились. Солнца не видать, но еще не темно, костерок мой теплится. Ну, я пару заготовленных веточек с сухой хвоей подкидываю ему для подкорма. И встаю между вспыхнувшим огнем и Звездой. Военная хитрость. Они, когда появляются, всегда на огонь плюются, заминка происходит, можно успеть ситуацию оценить.

Там, где была Звезда, он вдруг и возникает разом. Беззвучно, без вспышек света, без запаха. А Звезды там уже нет, пропала также, как белое облачко до нее. Только не могу понять, какой-то он неплотный, размытый, словно ку-сок сумерек выдрали потемнее. Постояв у костра, он двигается в мою сторону, и в движении силуэт, наконец, принимает форму человека. По крайней мере, я могу различить голову, руки. В принципе, и ноги тоже, хотя они как бы сте-лят по траве, а не вышагивают.

Тварей таких не много, я слыхал о трех. Если учитывать, что силуэт прополз через костер, не огибая, то остается только две, и одна из них мне очень и очень не нравится.

Неплотный двигается не шустро, и я провожу пробные маневры: подпускаю его поближе, уворачиваюсь, быстро разрываю расстояние, как бы убегаю, останав-ливаюсь резко. Неплотный действует, как привязанный к запястью воздушный шарик. Или нет, не шарик, шарик-то добрый, его тронуть охота, а здесь – скорее, как консервная банка, привязанная к кошачьему хвосту. Если бегу прочь – банка радостно припускает следом. Останавливаюсь – норовит задеть, ударить, цапнуть. В таком темпе, как он двигается сейчас, я могу избегать контакта довольно долго, но что дальше? Оторваться не выйдет, да и не слыхал я еще, чтобы кому-нибудь удавалось убежать. Но даже если убежишь сейчас, догонят в следующий раз. Принцип Простоты. И только так подумал, смотрю, неплотный ускоряться начал. Не то чтобы загонял меня, но пару раз уже чуть не задел. А дневная жара не до конца спала, еще чувствуется, мокрый я уже. Пора бы определяться. Тем более, что темнеет и скоро тени пропадут.

Подпустил я его поближе и веткой лиственницы похлестал. Не сильно так, для порядка. Ветке –ничего, не польхнула, не изломалась. Неплотному, впрочем – тоже ничего. Тогда я делаю вид, что хочу оторваться от него. Двигаюсь быстро по широкой дуге, а неплотный мне углы режет, как заправский боксер, пытается прижать к горе или обрыву. И в один момент я вроде бы неловко задеваю его кончиками пальцев. Потом повторяю маневр еще раз, но уже задеваю поглубже, кистью.

Как будто в крапиву жгучую руку сунул.

Художник, хрен его побери!

Я не паникую, говорю себе, я спокоен. Спокоен – слово не подходящее, покоем веет, вечным. Уж лучше – хладнокровен. Я хладнокровен, говорю

себе. А сам продолжаю двигаться и уворачиваться на автомате, пока мысли собираются. Собираются, собираются, да все не соберутся. То ребята на террасе под домиком голову тревожат, то Старый Учитель является с укоризной. Знаю, знаю – спокойно и просто он бросился с моста... Сейчас самое время вспомнить, что Старый Учитель про художника рассказывал. Потому что он единственный, кто вы-жил после такой встречи. Отзвездился, зазвездил, звезданул голубчику. И не-чего тут шутками да прибаутками мысли мои путать. Ну-ка, Старый Звездун, покопайся в моей памяти и явись в потребной картинке.

Худо-бедно, но что-то вспомнил. Старый Учитель – он такой. Пока не прикрикнешь, нормально не вспоминается.

Сам тем временем петляю, как заяц от лисы. Меж трех сосен. Вернее - лиственниц. Деревьев здесь не много, выбирать особо не из чего. Ускорившись, чтобы выиграть хотя бы пару секунд, прыгаю к одной лиственнице, у которой ствол не толстый и не тонкий, а как раз. Обнимаю ее обеими руками, ногами встаю потверже, чуть с наклоном вперед. А руки при этом ложатся поверх двух веток с противоположных сторон ствола, достаточно прочных, чтобы мой вес выдержать. Прижимаюсь лбом к бугристой коре, пахнущей свежей смолой. Глаза сами собой замуриваются.

Сзади по всему телу в меня вливаются комарики. Потом комары, комарищи, шмели, гвозди. Словно кто-то по ошибке записал меня в йоги. Едва успеваю начать дыхательную практику, чтобы не потерять сознание. Сознание терять нельзя никак, если нет желания стать частью свежего натурморда Художника. И вот когда кажется, что нельзя думать ни о чем, кроме этой боли, этих ужасных гвоздей - приходят видения.

Саблехвост наносит удары с разных сторон. Рубящие, колющие, иногда будто хлыстом щелкает. Еле успеваю парировать бердышем. В центре пещеры Учитель лежит на боку, в крови, рядом с еще одним, рассеченным надвое саблехвостом. Думаю, чья кровь? И зазевавшись пропускаю удар в грудь. Падаю. Крутятся вверху сталактиты, и меня затягивает какая-то воронка из камней, сталакти-тов, бердышей... знание... кричит... Учитель кричит. Сознание... кричит Учитель. Главное, не терять сознание, не утонуть в видениях. И мысли уже связанные, и не было такого, мы вообще с саблехвостами вдвоем с Учителем не сражались. Это помнится с Хромым...

Снова боль. Гвозди раскалились. Сзади как будто кто-то наваливается, тяжелеет. От этого еще больше. Но краешек сознания почему-то радуется. Неужели едет крыша? Откуда радость? Главное, не забывать про дыхание... А кричать нельзя. Кричать и двигаться нельзя. Только не двигаться, потому что боль станет невыносимой, сознание не удержать... И стоять... устоять... ять!

Ладони и стопы мои прибиты гвоздями к деревянному кресту. Но боли нет, есть покой. Покой охватывает все тело, голова склоняется на грудь. Глаза. Так приятно закрыть глаза. Боль! Печень разрывают когти и клюв. Чертов орел! Никак не отвяжется. Или это Старый Учитель летающими когтями фэйчжуа рвет мне бок? Старый Учитель?

Раскаленные гвозди превращаются в длинные саморезы. Тот, кто наваливается на меня сзади, кажется, закручивает их все одновременно. И мне надо держать дыхание. А я даже не могу понять дышу или нет.

Ее уносят от меня. Мою пятилетнюю Катюшку. На руках ветерана она сидит спокойно, улыбается и машет мне ручкой. Потому что я ей все рассказал вчера, ответил на все вопросы, убедил, что все будет хорошо, и скоро она вернется ко мне после каникул. Я соврал. Я тоже улыбаюсь и машу рукой. И слезы. В глазах слезы. Она не может их видеть. А я и не знал раньше, что можно так улыбаться, чтобы слезы наворачивались. Оказывается, трудно, но можно. А может, мне только кажется, что плачу. Я ведь никогда не плачу. С пяти лет. Группа немощных, стариков, больных, тех, кто не может сам защищаться от звездных тварей, уходит за Порог. Ветераны из волонтеров едут с ними, чтобы защитить. Насколько получится. Когда-нибудь и я выйду на пенсию, и отправлюсь за Порог. Я вспоминаю, как стою в центре комнаты перед столом, за ко-торым сидят четыре понимающих, сочувствующих человека, и как командир гар-низона еще раз объясняет мне, что накопилась критическая масса, бойцы и во-лонтеры не справляются, надо изменить соотношение бойцов к мирному населению, что пришло время, и я должен все понимать, так как сам боец, а если оставить все, как есть, то погибнут все, не сегодня, так завтра, потому как арифметика проста и неумолима, чем больше людей в группе, тем больше Звезда найдет тварей, и тут уж ничего не попишешь. А я говорю ему, что да, все по-нимаю. Звезда Полынь. Горькая Звезда. И я все это вспоминаю, и понимаю, но бегу к ветерану и Катюшке со всех ног. Потому что я не знаю, сколько они там протянут за Порогом, на сколько времени у ветеранов хватит сил, чтобы продержаться. Но я знаю, что из-за Порога не возвращаются. И я хочу еще раз обнять Катюшку. И догоняю, и обнимаю. А сзади кто-то тяжеленный наваливает-ся мне на плечи... отрывает меня от нее...

Я бью правым локтем: с разворота, чуть вниз и насколько возможно за спину. Локоть находит пружинистую, но вполне осязаемую массу. Затем левым локтем. И кричу. Потому что чувствую, как саморезы, винченые в мою плоть, выдираются с мясом. Но сейчас эта боль целебная. Руки нащупывают за спиной что-то склизкое и холодное. Ничего, ухватить можно. И я хватаю, и отрываю, и сбрасываю на землю шевелящееся нечто. Он тут же поднимается: черный, трудно различимый в темноте, в свете почти потухшего костра. Но уже осязае-

мый, плотный. Как насосавшийся клещ. Терпи, говорил Старый Учитель, терпи, пока насосется твоих мыслей. Вытерпишь – сбросишь. И я вытерпел. И уже не так горят мнимые раны на спине, в которые Художник заставлял меня верить. Гораздо сильнее горит рана в сердце, о которой я однажды приказал себе забыть, которую давно забыл, и по которой эта тварь полоснула.

Я прыгаю вперед. Кулаки раз за разом находят цель, и с каждым ударом я кричу. Это не слова, я не утруждаю себя словами. Это вой, хриплый, срывающийся, то низкий, то высокий, идущий откуда-то изнутри грудной клетки, рвущий горло. Собираю пальцы в китайский нож. Теперь пришло время терпеть ему. За Катюшку, за ребят под домиком, за Хромого. За то, что лезет эта тварь восьмиголовая в чужой мир, за то, что сапоги с восемью ног не снимает, за то, что обозвалась Полынью, а это моя любимая трава, мой любимый запах. В отличие от обычного кулака указательные пальцы в китайском ноже пронзают плоть Художника. Еще и еще. Из проткнутой туши толчками бьет жидкость, пахнущая помойкой. Еще и еще. Пока туша не валится на меня. Пока я не валюсь на зем-лю, поднимаюсь и с трудом заставляю себя сесть. Тело дрожит. По лицу что-то течет, по глазам, по щекам. Думаю, это не слезы. Я ведь никогда не плачу.

Нащупываю траву, рву изрядный клочок и вытираю лицо. Во дела – полынь! Трава полынь. Горькая.

Лопастя

Любые совпадения в тексте - это плод вашего воображения.

Он сидел на высоком стуле у барной стойки, оглядывал дымное, шумное помещение. Трезвые парни на большом экране гоняли мяч по зеленой лужайке, нетрезвые парни за столиками иногда их подбадривали, если удавалось отвлечься от подруг.

Ирландский паб «Clever». Так гласила вывеска. Старые добрые ирландцы, зайдя сюда, кинулись бы бить морды за неудачную пародию. Но это было не важно.

Важно было, что Те были здесь. А значит, наводка была верной. Трех он за-метил наверху, одного за стойкой около бармена, еще один, маленький - скромно стоял у окна.

В который раз он поразился, как же слепы люди. Жалкие слепни, прожигают жизнь! Багровеют лицом, проталкивают кадыками корм в горло, который да обратится в ком, вдыхают курево в компании с курвами, и не замечают чудовищ рядом. Где же ваш глаз вопиющего в пустыне? Не замечают, и от того не могут спастись. Но спасти их можно. Да вот хотя бы и он может их спасти.

Пора! На всякий случай он поправил заплечный рюкзак. Каждая мелочь... Потом он прыгнул на пол, ухватил высокий стул за ножку и хватил им с размаху по барной стойке. Крашенное дерево послушно разлетелось на части, в руках ос-талась увесистая деревянная палка. Он прошел к входной двери и просунул палку между дверными ручками. Проверил, крепко ли. Каждая мелочь...

Когда он вернулся, в баре стояла тишина.

- Стоит тишина и дым коромыслом. - сказал он - Теперь вы слышите меня и, даст Бог, услышите. И, даст Бог, разглядите в дыму Тех, кто рядом - чудовищ, которых вы не замечаете, словно слепни.

И тишина лопнула.

- Аминь! Котик, этот ботан походу нарк. Мне так страшно, котик! Защи-тишь меня? - сказала рыбка с радужными глазницами.

Ее котик был здесь самым крупным: с бульдожьим лицом, с брюхом мо-крым от пролитого пива и спиной, мокрой от нетрудового пота.

Котик послушно двинулся, и сразу вернулся привычный звук, как будто замер-ший вдруг мир тоже двинулся, да так старательно, словно извиня-ясь за досад-ную неловкость. Застучали вилки по тарелкам, рюмки и кружки стукнули по де-ревянным столам, заклацали застежки сумочек, вжикнули молнии барсеток. Кто-то полез за телефоном, кто-то задвигал стул, устраи-ваясь поудобнее. Официантка шепнула бармену: «Он ничего не заказывал еще...». В телевизоре забили гол и стадион грянул негромким хором.

Котик-амбал подошел и уронил тяжелую ладонь ему на правое плечо. На-верняка насобачился еще в школе: сначала ладонью вот так на плечо, а затем локтем упирался в горло, или же предплечьем бил вверх, чтобы клац-нули зубы. Но не в этот раз. И когда локоть амбала пошел вверх и вперед, он захватил его руку на сгибе и резко вывернул, так что тяжелая туша охнула от боли и послуш-но пошла вперед. Потная рука с размаху хлопнулась тыль-ной стороной ладони на барную стойку, и он пригвоздил ее в самом центре ножом. Котик взвыл не хуже дворового кота по весне, толстое тело словно уткнулось в неудобно вы-вернутую руку и остановилось, дрожа все целиком, так что трясся жир, и ходили ходуном синюшные татуировки. По дереву ста-ла растекаться темная кровь.

Теперь он действовал быстро, но без суеты. Подходил к снова притихшим посетителям, отбирал телефоны, рассаживал в нужном порядке. Чтобы им было хорошо видно, и чтобы было хорошо видно их. Дабы не мешал теле-визор, он разбил экран резким ударом кулака. Смешно, эти люди боялись его, тогда как следовало им бояться Тех. Те были все там же, трое наверху, один за стойкой, где уже не было бармена, и один, маленький - у окна. Он старался не смотреть на них, чтобы не затынуло.

- Я буду стараться. Но понять вы должны сами. Иначе никак. Закройте глаза и откройте заново. Что здесь, вокруг вас, самое опасное, самое страшное, самое чудовищное?

Через минуту он спросил:

- Итак, кто что наслабоумил? Не советую тянуть время, его у вас меньше, чем у меня. Итак?

- А может быть дело в том, что... типа, мы тут все выпиваем, веселимся - сказал худой долговязый парень в бриджах и футболке. Парень посмотрел на двоих друзей, словно ища у них поддержки, и ободренный тем, что его не перебивают, продолжил сбивчиво и с жаром. - Ну, мы выпили и курим, а вы вот трезвый, серьезный, у вас дела и наверное вы помогаете людям, а мы тут о себе думаем только, и пользы нету поэтому, а если кому-нибудь помогать, то таких, кому помогать надо, станет меньше и это хорошо, а если в бары ходить, то ничего не успеешь, не поможешь никому и это страшно. Этот бар давно закрыть пора, когда вы нас отпустите, мы сразу пойдём в деканат, заявление напишем, что бара около студгородка не должно быть, и надо лицензию отобрать, чтобы студенты пользу приносили, и не только студенты. Мы все поняли, понимаете? Это и вправду все чудовищно и страшно, и мы сразу пойдём в деканат.

Сидевший рядом со студентами бармен издал неопределенный звук.

- Кто еще что надумал?

Давешняя рыба с поплывшими глазницами робко подняла руку и сказала дрожащим голосом: «Мне вот за него страшно. Очень!»

Он обернулся и посмотрел на фигуру с пригвозжденной рукой.

- Это да. Я ведь говорил, что времени мало. Однако может быть страшно за него, но сам он не страшен. Ладно, давайте так. - Он ткнул пальцем в сторону одного из Тех, маленького, который стоял у окна на подоконнике. - Там кто? Все очень просто, скажите мне, там кто? Нет, не старуха с ягодами, не за окном, здесь в пабе. Нет никого? Все так думают? То есть я вас просто так тут собрал, я просто так завалился сюда и трачу на вас время, и там нет никого? Нет, я, конечно, терпелив как терпуг, но, блядь, не настолько же!

Он подскочил к сидящей впереди кудрявой девушке, с крупными кольцами в ушах и кольцом поменьше в правой ноздре. Та шарахнулась прочь, но он ухватил ее руками за голову, оттянул пальцами нижние веки, так что выпучились бельма.

- Ну вроде есть глаза, глаза глядят куда-то. Так в чем же дело? Кто там есть? Я же говорю: закройте глаза и откройте заново! Тех здесь на са-мом деле пятеро, а вы и одного не разглядите? Так, кто это сказал? Что? Еще раз, я не расслышал. Просто вентилятор? Ну, зашибись, а то я думал у меня глюки. Вы тоже думали, что у меня глюки? Нет? А я думал. Потому что я не

понимаю, почему вы не видите того, кто существует. Все видят вентилятор? Ну вот. А почему же раньше не видели? А я скажу, что нет в том вашей вины, я для того и здесь, чтобы вы прозрели, чтобы заметили тех, кого перестали замечать. Но просто ли вентилятор? Нет не просто, ведь вы не видели его, пока вас не ткнули носом. И вовсе не просто вентилятор - чудовище!

Он вытащил из глубины столиков невысокого толстяка с блестящей лысиной. Толстяк постоянно улыбался, как добрый толстенок.

- Внимательно смотри. Не пропусти.

Вентилятор был небольшой, розовый, на пластмассовой подставке, стоял на по-доконнике, крутил прозрачное колесо слева направо и обратно. Вместе с колесом поворачивался его округлый, розовый как у Мумми-Тролля, нос.

Он выключил вентилятор. Колесо остановилось, превратившись в три розовых изогнутых лопасти.

- Видишь?

Он включил вентилятор. Лопасти закрутились, образуя прозрачное колесо.

- Теперь понятно? Улавливаешь принцип?

Толстяк улыбаясь кивнул.

- Вот так нехитро они и действуют. Лопасти. Не просто вентилятор, а лопасти! Лопасти - дело в них. Нет лопастей - и вентилятор не страшен, нет лопастей - вообще не страшно. Вот страшно тебе смотреть на вентилятор? А вот сейчас выключу - страшно? Чего улыбаешься? Не страшно тебе ни черта, потому как не врубился. Давай еще раз - включаю. Выключаю. Включаю. Не смотри на них долго - затянёт. Смотри краем глаза. Кто-то чувствует страх? Ты? Не ври!

Он закинул руку за плечо, нащупал торчащую из рюкзака рукоять и плавным движением, как вытаскивает меч ниндзя, вытащил кувалду.

От удара вентилятор лопнул, брызнув во все стороны осколками пластмассы. Он закричал яростно, почувствовал, как освобождается энергия, украденная вентилятором у людей. Затем он преодолел барную стойку, перекатившись на спину, чуть не задев пригвозжденного амбала, но все-таки не задев. Со вторым вентилятором пришлось повозиться дольше, тот был крупнее, лопасти его закрывались металлической сеткой, словно рыцарским забралом. Он кричал и смеялся забралом кувалдой, кричал и крошил лопасти, наконец одним ударом смял ножку вентилятора, как тонкий гвоздь.

Когда он вернул кувалду в рюкзак и обернулся, толстяк больше не улыбался. Наоборот.

- Страшно теперь? Вижу. Я убил лопасти, и вы спокойно чувствуете страх. Ведь почему не было страшно раньше, да потому что они морочили вас. Такие невинные, розовые, неопасные. А теперь нет их - и страшно. Понимаете? Скоро вы научитесь не поддаваться им и чувствовать страх сразу. У меня на это ушли годы, а вы можете всего достичь быс...

***

Он осекся. Показалось, что в паб ключьями вползают сумерки. Помещение и всё внутри поплыло и слегка исказилось. За окном стемнело. Те трое, что наверху, замедлились, лопасти вязли в воздухе. Их вращение приобрело пульсацию, толчками накатывающую на стены и людей. Чертыхаясь он выбежал проверить дверь, убедился, что та все еще заперта. А когда вернулся, увидел Фрекен.

Она стояла в строгом черном платье до щиколоток, из под которого смотрели закругленные носки туфель. Волосы тоже были черными, слегка вьющимися. Они огибали бледный овал лица и ниспадали на плечи сливаясь с платьем.

Он замер и невольно смотрел, как она медленно поднимает руку и белыми пальцами поправляет идеально лежащую прядь. Рядом с ней застыла фигура амбала с рукой, пригвозжденной ножом к барной стойке. Жирное тело больше не дрожало, потому что голова была свернута набок, и невидящие глаза указывали куда-то под потолок. А потолка не было. Было звездное небо, откуда свисали три лампы-вентилятора с вращающимися лопастями. Казалось, что небо обзавелось медленными пропеллерами и ползет к Земле. Кто-то дернул дверь паба. Фрекен приблизилась.

- Все отворачиваешься. - сказала она грустно. - А ведь они прекрасны. Смотри, сколько в них силы, как они закручивают воздух.

Он отвернулся.

- Разве таким ты был, когда мы с Малышом подобрали тебя? Когда ты сбегал от своего друга и бомжевал по крышам? Тогда ты не отворачивался. Помнишь?

- Не помню.

- Не помнишь...

Она сказала это так грустно, что внутри у него что-то дернулось. В дверь паба заколотили чем-то тяжелым.

- Это потому - сказала Фрекен, заглядывая в него черными глазами - что ты бежишь от себя. Ты себя, свою природу отрицаешь. У тебя ведь тоже были лопасти.

- Чувь!

- Были. На спине.

Он дернулся, вывернул руку в локте, стал шарить за спиной. За спиной был рюкзак.

- Не юродствуй! - крикнула Фрекен и топнула туфелькой. Гулкий звук раздался, докатился до стен и отразился эхом. - Думаешь почему ты все время рюкзак таскаешь?

От сумерек отделился Малыш. Стоял светловолосый с огромными глазами, держал в руках трехлитровую стеклянную банку.

- Смотри, вот он - сказала Фрекен Малышу - отворачивается. Спроси его, вернется он? Спроси!

- Ты вернешься? - спросил Малыш, протягивая банку.

Ему стало дурно, как будто в голове кто-то усердно работал черпаком. Захо-телось бежать изо всех сил, он рванулся в сторону двери, в которую стучали еще сильнее и где уже звенело разбитое стекло. Но рывка не получилось, вместо рывка он почему-то сказал: «Собаку... Ты выбрал собаку.»

Фрекен возникла около Малыша. Она улыбалась.

- Так ты помнишь! Глупенький, собаку мы прикончили давно. Нам с Малышом нужен только ты. Но ведь ты помнишь! Ты вспомнил?

Фрекен и Малыш приблизились, стали больше. Ему показалось, что он теперь стал вровень с Малышом.

Входная дверь грохнула. Фрекен зло посмотрела в сторону входа.

- Ты вернешься? - спросила она - Ну же! Отвечай!

В паб ворвался здоровый парень в спортивном костюме с олимпийскими кольцами-ми. Чемпион по боксу. Саня Панчер, у которого нокаутирующий удар с обеих рук. И Саня Панчер ударил.

***

Они тряслись в седлах по проселочной дороге. Он видел перед собой широкую спину Сани Панчера, который сидел впереди и ехал молча. Он тоже молчал, по-тому что чувствовал вину.

- Извини. - сказал он наконец - Надо было тебя дождаться. Не утерпел.

Саня Панчер молчал.

- В следующий раз я...

- Проехали.

- Нет, правда, я точно...

- Проехали!

Дорога свернула направо и под олимпийскими кольцами на спортивной куртке Сани Панчера мощно задвигались лопасти.

- Знаешь, там опять была Фрекен. - сказал он. - Фрекен и Малыш. Ты видел их?

- Их не существует. Это морок.

- Знаю, но мне в один момент показалось... Было так странно, как будто я что-то помню.

- Морок - на то и морок, чтобы морочить. Значит, вовремя я тебя вырубил. Не то затянули бы лопасти. А все почему? Ну, куда ты один лезешь? Сто раз говорили уже. Один против лопасти не воин. Трудно подождать было? Трудно? Я ведь не где попало шляюсь. Я между прочим нам деньги зарабатываю. Лохов на ринге молочу. Работаю. А потом приходится бегать, как собаке, выхивать, искать тебя, из лап Фрекен выдергивать.

- Ты тоже видел ее?
- Видел. Я с тобой столько лет, что даже твой морок вижу. Потому и вырубил от греха подальше.

Дорога свернула налево и под олимпийскими кольцами еще мощнее задыгались лопатки.

- Слушай, а что ты насчет моего рюкзака думаешь?
- А что с ним?
- Ну, вот ты рюкзак не носишь. Если нужно - сумку или барсетку предпочитаешь. А мне рюкзак нравится.
- Рюкзак - вещь путевая. Много чего напихать можно. Нож, кувалду.
- А чего сам не носишь?
- Не хочу.
- А я вот, если рюкзак снимаю, то вроде холодок такой по спине. Неуютно.
- Намекаешь, что я тебе спину не прикрою? Не доверяешь?
- Да нет, я не о том...

Дорога привела к деревянному мосту через журчащую речушку. Они спешили и пошли по гнущимся доскам.

- Куда мы на этот раз? - спросил он.
- Есть кое-что на Алтае. - сказал Саня Панчер - Говорят вдоль трассы понавтыкали видеокамеры, чтобы водителей штрафовать. А чтобы электричеством запитать, камеры установили прямо на ветряки.

- На ветряки? Seriously?
- Ну да. Это конечно не как в старые времена, современные такие ветряки: белые, на тонкой ножке. Но лопасти - вполне себе лопасти.
- А помнишь, Саня, ветряные мельницы?
- Шутишь? Я случайно что ли нас к ветрякам веду? Ностальгия.
- А тот писака так ничего и не понял, хотя кивал вроде, вроде записывал. И книга ерундовая. Совсем не про лопасти, не про чудовищ. Вранье сплошное.
- Так чего взять с такого? Фамилия даже деревянная была. Секретер?
- Сервант.

Они прошли мост и он вскочил в седло уже совсем в другом настроении. Полный бодрости и сил. Хотелось с копьём наперевес мчаться на ветряные мельницы.

На проселочной дороге набирали скорость два велосипеда. Стрекотали кузнички и вертолет.

Галина Булатова
/Казань/

Поди угадай, мы чьих голубых кровей

В зените

У кромки леса, бегущего с горки вниз,
Где Волгу переплывает июнь в зените, –
Там травы по-комариному налились
Звенящей кровью молоденькой земляники.

Поди угадай, мы чьих голубых кровей,
В каких земляничных безднах однажды сгинем...
Так ящеркой чья-то жизнь промелькнёт в траве –
А светлый след останется в небе синем.

***

Сосёнка, схваченная оградкой,
и беломраморная берёзка, –
теперь всё это в твоём владении, папа – как раз к юбилею...
Случайно ли весть о книге пришла в день твоего ухода?
Спи спокойно, Иван – крестьянский сын.
Топор и лопата, молоток и пила,
скальпель и гиря, жигуль и лодка –
всё пело в твоих руках.
Слушаю дождь за окном...
А помнишь, в восьмидесятом,
нашу палатку у Чёрного моря чуть не смыло дождями?..
Я помню все твои присказки, они – половина моего языка.
Спи спокойно, Иван-царевич,
кудрявая голова,
васнецовское сердце,
вятская кровь...

***

Был человек – и нет.
Пьяненький мой сосед
Вышел вчера в отставку.
Сплошь синяки, фингал –
Кто-то его послал
К боженьке на поправку.

Скорой такой не гож,
Сколько их, пьяных рож,
Это не наш, мол, профиль.
Только зачем ты, док,
Выпавший кошелёк
Так изучал подробно?

Глупая штука жизнь,
Ну же, сосед, держись –
Сил моих маловато.
В тулове – ломота,
В комнатах – пустота:
Здесь ни жены, ни брата.

«По выходным – сынок...»
Падает, как без ног,
Мечется на подушке.
Тара стоит в углу,
Брошены на полу
Коленькины игрушки.

Был человек – и нет.
Гордый, смешной сосед
Выкинул злую шутку.
Он же чужой, чужой –
Что ж так нехорошо,
Плачу вторые сутки.

Был человек – и нет.
Сел на диван сосед,

Носом в плечо уткнулся,
Крепко закрыл глаза,
Вышел на небеса,
Вышел и не вернулся.

Улица Комзина в Тольятти

В прибрежном обществе осин,
Подобен парусу на нефе,
Иван Васильевич Комзин
Увековечен в барельефе.
Он заслужил его вполне –
Масштабом, а не скорбной датой.
...Война утихла, по стране
Катился год пятидесятый.
Ещё в чернилах был закон,
Но сборы выдались недолги,
И самый мирный батальон
Пошёл на штурм раздольной Волги.
Шагал по улице Комзин,
Красавец стати двухметровой –
От восхищенья Катя и Зин
Светился окнами Портовый.

Иван Васильевич Комзин
Громаден был не только ростом.
Те девять лет и девять зим
Дались ему совсем непросто.
Великий кормчий вёл вперёд,
Не ослабляя портупей:
«Имей в виду, что Запад ждёт
Провала нашей эпопеи».
Пусть были жёстки времена
И строги будни ради блага,
Но всё ж любили Комзина
Рабочие Кунеевлага.
Да, он умел людей беречь,
Ему служили все законы,

И генеральские погоны
Честней не выдывали плеч.

В науке строить нет чудес,
Она умеет много гитик...
Гудят турбины Волжской ГЭС,
Ждёт Асуанская в Египте.
Он помнил, как был редок дождь,
Но капля каждая хранила
Всю бриллиантовую мощь
Награды Голубого Нила.
И в орденах родной страны
Стучало сердце человека,
Чьей дерзостью возведены,
Считай, полсотни строев века.
Закон суров – оправдан риск:
Не уместив матёрых пальцев,
Мятежный телефонный диск
Будил кремлёвских постояльцев.

Он потирал высокий лоб
В предвосхищении успеха,
И не случилось без него б
Тольяттинского политеха.
Труду – учение не вздор,
А суть полезное знакомство.
Он мыслил: время вить гнездо
Для инженерного потомства.
Провидец, сеятель добра,
Ведь дотянулись эти руки
До биостанции – ядра
Экологической науки.
Пред нею Ставрополь предстал,
Как сам Комзин, сенсационен...
Здесь лектор Любичев читал,
И здесь же был он захоронен...

Под шум автобусных резин,
Летающих, будто жизнь земная,
Иван Васильевич Комзин
О чём-то главном вспоминает.
О том ли времени своём,
Когда в кунеевских карьерах
Дымились сапоги на нём
Неимоверного размера?
О тех ли днях могучих дел,
Когда, показывая норы,
Он над собою не терпел
Партийных разных ревизоров?
О планах с нового листа?
Ведь между гидро-рубежами
Так и осталась чертежами
Переволоцкая мечта...

Александр Добровольский

/Смоленск/

Каблуки

Человеческое

Клубы неясного, меняющего формы.
И – человек, в транс монумента вжатый
позой мысли.
И – взгляд его, словно прут
добела раскаленной стали,
устремленный точно в ядро.
И – больше ничего
и никого.

***

Почему, Господи,
иногда, когда срывает пропасти,
хочу молиться не Тебе,
а человеку: очень хочется?..

Но Ты – поэтому Ты,
что еще бесконечный раз
Ты рождаешься снова
из этой тоски

Одиночество

одиночество – состояние,
когда звезды за небом
ближе людей рядом,
когда чувствуешь горечь благодарности
белесому небу, а не человеку
как боль утраты.
Но оно создает предпосылки
для того чтобы строить мосты.
...По позвоночнику
стучат
каблуки.

О бабочке

Свет. Вода. Подобна глотку – звезда.
Молчание ветра
как стояние стрелки в часах.
Взлет сигареты, шевеленье неба.
Ночная бабочка
сощуренным квадратом
скользнув дождейкой
приникла по оконному стеклу.
Я и она – глаза
у человека в профиль.
Будь счастливо, кружение пылинок.
Как зыбка
ты.

Тоска

в подобных глазным яблокам
сферах фонарей
из-под
крылий майских жуков
кружатся медной стружкой солнца
других миров
бронзовые шары
чугунная решетка
стальной ветер
толстые протуберанцы пилит
что есть силы
и света опилки
летят в лицо:
два глаза – два ангела
держат человека под руки
ибо звезды – осколки нас
светильником на позвоночном столбе
дергая в опаленном мозгу
как металл в рыбьем рту
потому

что человек – осколки нас
в рыжих отсветах ржавых сполохах, вот
так плавно и слегка горит, подобно озеру,
полупрозрачный лист приманкой осени
открыть краны

корней

облако
отразить
лебедem на пруду
...ленточка мотылька
поет в глубину
обрушивая их купола
ибо время – осколки нас

По мотивам Боуи

снова встречаю тебя
на перекрестках
спиральной лестницы,
и сравнивая с собой нынешним,
я вновь понимаю,
что должен был умереть,
уже давным-давно,
в одиночестве,
когда смерть хуже смерти.
Ну да ладно.
Ты и раньше молчал,
ведь мы стоим
лицом к лицу
с человеком,
который продал мир,
на ступеньках
спиральной лестницы,
и не можем
позволить себе
потерять контроль.

Слиток

Всё небо стало – синий луч,
живой, лоснящийся, как из
фиалок, незабудок – кит;
и в нем живая масса звезд
переливалась призмой глаз
восторженных, и человек
под ним стоял:
сердцец букет
(себя же ощущая – розой).

Образование мысли

Объемлет
поток бескрайний огневой
и в нем – всплывают люди
аккорд
прочь уносятся искры познания,
золотятся на ветру
космос сеет во тьму
подснежники
ослепительной белизны
что вращаясь
выплеснут радугу
в ликах зари
перекресток миров
кристалл разума.

***

Светит из вещей
вложенная мысль
где полезность – смысл
но что вошло в них
вместе с человеком?
чему улыбаются?
милые
помимо
незаменимости

в быту
чему улыбается бронзовый
Будда?
вещи говорят формами
старые полнее чем новые
вещи смотрят и показывают
человеческий фильм
излучая всю жизнь
а в минуты отдыха
сами себе кинозал
где воспаряет свобода их
рисовать
улыбаясь чему-то

***

Я никогда не увижу
тех, на чьих книгах
вырос.

Книгах, что брал в дорогу
словно кирпичи вынутые
из дома родного.

Они писали их с толком,
чувством и расстановкой.
Знали, что из всех

трагедий растущего организма
эта будет светлой как подвиг
и самой глубокой,

как деление ядра атома.
Летучий мощный прах
на полках и в шкафах –

овеществленная метафора
поручи круговой
и жизни в существах.

Так во мне
пролетают их зрячие атомы
одухотворенной материи,

их глазам
жизнь построит прожекторы
чтобы стало по вере их.

Всякий мир
вмещает все другие миры
и это и есть человек.

Но создателей,
архитекторов лучших миров
я уже не увижу.

Ирма Гендернис

/Лиепая/

Свидетель

* * *

вытяните на свет меня за стебель тяните
сучите нитку из сердца мотайте себе на ус
язык в волдырях но железо ещё магнитит
железную крошку букв меняется вкус

магнитное поле стало минным полем
которое ищет смысл в себе – как мину сапёр
но буквы идут в атаку и побеждают язык ближним боем
пока снайпер времени налёт их с прицела не стёр

* * *

на жёлтом пятнышке воздушно
на том воздушном шаре
всех тварей ли по паре
на шаре безоружном

на шаре неглубоком
минувшем вскользь и боком
глаза зрачки хрусталик
где свастики кустарник
цветёт как куст шиповник

и лепит уголовник
из хлеба пару тварей

* * *

тихо кнопками звёзд
припиленный мягкий экран
потускневший дисплей
компьютера голос в скафандре
опустившись на дно
изучает открытый уран
связки больно спуют
в облучающемся ихтиандре
клавесин компьютерных клавиш
что моцарт шуршит
набирая внутри
и входя на собственный сайт
опечаток ошибок
за имя под кодом души
чакры текста открыв
и войдя не в загробный ли чат

* * *

рытвины души твоей
котлован тире бульдозер
разравнивает волны дней
фигурист в застывшей позе

жизнь, не смерть ли твой конёк?
зашнурованы ботинки
заливай, слеза, каток
я отбросила коньки

* * *

Раствори мне кофе под ложечкой, что так сосёт
в занесённом кафе иностранщина завсегда
я всё жду когда же меня занесёт
снег туда откуда свой срок мотай
на клубок на спицы живых дождей
тех что вяжут рукав потом горловину
распускают очередь этажей
петли скинув на шею или на спину

и мишень на глаза надвинув свой шлем
или мотоциклетную красную каску
зажигание включишь нервных систем
или снова упряжку пошлешь на аляску
что бы там на оленях собаках своих
не искал а найдешь подпоив из копытца
снег слежался сваялся пушист он и тих
как подбитая рыжим большая лисица
Вот и Остров рыжеет от лап до хвоста
воротник не подняв у Большого проспекта
не настичь по следам городского моста
и метро собирается страшная секта
принести тебя в жертву поднять на алтарь
по ступеням дождя или мокрого снега
подымается мелко идущий январь
восвояся за горло держа человека...

* * *

кол света вбит - как позвоночник сломан
не сделаешь к себе ни шагу
очаг души парализован
горит остекленным взглядом

сражается мой взгляд, невидим
и, павший в Твой подземный улей
лежит как насекомый уголь
до первой из погранных истин

* * *

процарапывала на лепестке а вышло – на всю ладонь
красное мокрому (не сирень?) кто-то подсказывает (не огонь)
натачивает ножи ножницы и тростник
смачивает слюной выданный номерок
бумажный горит то ли горизонт то ли связной
больше не передаёт и переводами не говорит

* * *

третий лишний – каждый второй
каждый второй – с левой ноги
встаёт и уходит в себя с головой
и не видит в себе ни зги
обернётся вокруг оси –
и снова – с левой
встаёт из могилы мысленно пронеси
говоря нелёгкая мимо тела

* * *

были деревья – стали круги на водах:
листьев ниц лежащих после родов
после кесарева сечения после крайнего шва...
небо на молнии ходит застёгивая слова
держит тепло их до заморозков в себе...
часто дышится ли при быстрой ходьбе
стрелкам на циферблате? или время трос
протянуло над всеми дышащими под водой?
держит шест канатоходца и дерево-альбинос
балансирует над зимой...

* * *

кровь кончается сворачивается в трубу
человек панически закусывает губу
делает глубокий прощальный вдох
выдыхает – и вот заминка
он всё ещё жив и ни фига не подох
хотя кровь утекла в воронку отвертелась его пластинка
он стоит как дурак
ни кровинки в нём он прозрачен -
делай мельницу и колесо иди вприсядку -
равносилен воздуху
распят на нём
им накачан
разлетелся на атомы
и не пойдёт на посадку

он теперь как растение будет отдавать кислород –
фотосинтез море – впитываться как йод –
перевитые водоросли высота-глубина
и не видно дна
и не видно дна
а потом возвратится кровь сделав порочный круг
человек почувствует кончики пальцев рук
тяжесть сердца стоящего в камышах
туки-туки заложенного в ушах
и нальётся тело наново как свинцом
набрякнет морем мёртвой его водой
завяжется двойным узлом
пропадёт с концом
только и видели
свидетельствовали наперебой...

* * *

холод на все четыре
глубинных бомбы наперекрест
жди что насквозь проштырит
любовный противовес
контуженный звук просядет
а гибкая глухотень свою
мембрану на барабан натянет

и в бубен дадут за люблю

* * *

снег на миру красен под фонарём
руины света рыхлая почва тьмы
помер отточенной единичкой воскрес нулём
окрест свежеструганный воздух облачные холмы
сквозь них проходит боем внештатная тишина
ухо перегоняет эхо в раковину-тупик

страшит воскресшего житейская крутизна
её высокохудожественный боевик

* * *

где родился - не пригодился таков урок
стучишь по клавишам набираешь пясточку строк
потом выходишь на улицу кирха церковь костёл
чувствуешь - закипает курземский твой котёл
а вокруг котла черти и их фокстрот
и никто не смотрит в ноты и между нот
закипает живое варево в чугушке
время бежит в наморднике на поводке
крестники господа отчимы мачехи с живой водой
на засове душа жизнь идёт стороной
телесные оболочки обтянутое в кондом
страсти для бережной стирки и предсмертный роддом
виртуальные тёрки хакерский взлом вины
не узнаешь в лицо п****ц - увидишь его со спины
не успеешь подумать амба а меркнет чат
боевое искусство смерти
тутовый Твой нунчак

* * *

на чётной стороне лото
ничком ладони
прикрой бочоночек а то
он в мёртвой зоне

а на нечётном бережку -
игра на вылет:
рука потянется к мешку
и душу вынет

* * *

жизнь вторична смерть дурная привычка
долго ждёшь не мигая момента когда вылетит птичка
когда санта клаус снег побивает с обувки
заноса с мороза анекдот с бороною шутки
положив с прибором на снег в прошлогодней таре
ветер гонит листву нажимая всю на педали
рычаги лебёдки колёсики-шестерёнки

жизнь прогуливает уроки смерть семенит с продлёнки
новый год во всём найдёт для себя лазейку
жареное отклевало пора подавать индейку
запеканку судьбы яства её и яды
на этом пиру никого не щадят
и вы не ждите пощады

***

всё сходится в точку разбегается по кривым
дорожкам кривыми ножками косолапо
ты устал от стойки смиро стоишь уже неживым
прошлый год строевой не абсцисса не ордината
координата декарта бита картою из рукава
но до первой крови кролика из цилиндра
это фокус рождественский а после реальные жернова
новогодняя гидра

ΚΑΘΑΡΙΣΜΟ

Отсохла половина сердца.
Спокойно смотрит человек,
как из его ладоней вверх
идёт холодный мелкий снег.

Вокруг него стоят собаки.
Вокруг собак стоят дома.
Вокруг домов стоит ограда.
А за оградой — смерть сама.

Андрей Санников

ОЧИЩЕНИЕ

Из бедной проволоки ток
перетекает в эту лампу —
и видит белый потолок,
и возвращается обратно,

и говорит в стене другим,
живущим в проводе созданием,
что умер, что лежал нагим,
что был в каких-то длинных зданьях,

что больше нечего хотеть,
что горе состоит из света,
что нужно только потерпеть
в убогой проволоке этой.
Андрей Санников

Владислав Пеньков
/Таллин/

Славянский романсеро

La fin de la Belle Epoque

-1-

Я больше не хожу туда,
где в голубином воркованье
свят голубые города.
Их мелодичные названия

мне как похмелье с той поры,
когда гуляли листопады,
кидая спитки во дворы
и на балконы эльдорадо.

И я там был, такой, как все.
А нынче глачу на поминках
по остывающей росе
и белым домикам Вламинка.

О как прекрасно в сентябре,
как всё печально, нежно, пусто.
Как ветер ходит по Комбре,
по элизейским безднам Пруста.

-2-

А видно это - тоже родина,
под сенью девушек в цвету,
раз элизейская смородина
горчит в моём славянском рту.

Вы угощались этой - красною -
из рук гулёны молодой,
с её смешною и напрасною,
такою страшною бедой?

.....
Раз нет, то и базара нету.
Есть только ягода одна,
эритроцитами планету
всю пропитавшая до дна.

Минотавр

Идёт он мимо лодки, рыбаков,
под чёрным небом, чьи светила хрупки.
Могуч и жалок он, и он таков,
что состоит из зверя и голубки,

которая у девочки в руках,
из девочки и звёзд, конечно, тоже.
Я всё, что мог, сказал в шести строках
об этом неприкаянном прохожем.

И со двора нескромный вяз

Моей первой любви

Любовь, что и любила, не любя,
и плакала, и звякала посудой...
Я так мечтал однажды, что тебя
однажды беспощадно позабуду!

Я про уродок бормотал стихи.
Нескромный вяз стучал и в наши окна.

И чёрная, чернее, чем грехи,
поэзия пропела, словно Прокна,

о том, что там - в туманной дымке лет
(избитый образ, но сойдёт, не так ли?) -
забвенья нет, прощенья тоже нет,
и всё страшней, чем в греческом спектакле.

Нескромный вяз, печаль моя и боль -
от сукровицы та и та намокли, -
хотел свести всё к юноше-Рембо,
сойтись пришлось, однако, на Софокле,

на Еврипиде, на бессилье том,
когда ни вяз не важен, ни уродки,
а важно то, что воздух ловишь ртом,
песок и пепел ощущая в глотке.

Славянские романсеро

Наташе

-1-

Музыка, конечно, умирает,
отступает в сумрачную тень.
Но светлее, чем она, бывает
только в мае белая сирень.

Голос повышая, понижая,
музыка трепещет на ветру
и кровит, как рана ножевая
от какой, наверное, умру.

Не сочтите песню просто старой.
Эта песня старости старей.
И её играют на гитаре
медных и янтарных январей.

Выступят из сумрака цыгане,
струны золочёные порвут.
И любой из них подобен ране
ножевой, с которой не живут.

Притворяюсь? Может быть. И всё же -
шрамом обозначена она -
на моей славянской нежной коже -
дикая цыганская струна.

-2-

Отчего мне становится больно,
отчего начинаются ныне -
эти сумерки и колокольни,
серебристая вечность полыни?

И луна, как чесночная долька,
облака, шерстяные, как пряжа.
И полынная вечность-настойка
языки и запястья нам свяжет.

Бросит в тремор Апог`а сплошного,
как в расплату за взрослое знание,
что полынь начиналась со слова,
но кончается только молчаньем.

-3-

Отогрей. Поплачь в плечо мне.
Хоть уже не первый год
знаем мы, что слёз никчёмней
не бывает ничего.

На груди моей согрейся,
сад Эдемский вспомяни.
Провода гудят, как рельсы,
низко так гудят они,

словно воздух над оливой.
Помнишь - Лорка, сны, жара

и наука быть счастливой
под созвездьем Топора?...

Помнишь чуткую прохладу,
виноградник пах росой,
помнишь, Бог гулял по саду -
загорелый и босой?

Август. Сумрак. Небо стынет.
На губах - печальный мёд,
ничего не взять с полыни,
кроме горечи её.

Эдуард Учаров
/Казань/

Звёзды колеблются

***

Так ли объятья разума нам тесны?
Господи, господи – ты ли пророчишь сны?
Ты ли придумал грустного человека –
просто слепил из снега.

Веришь ли ты в гулкий комок тепла?
Тело его тщедушно, любовь светла –
глиняный стебелёк, бесконечная чаша,
подлая сущность наша.

Господи, господи – ты вот зевнул, а здесь
тысячелетия к нам продолжают лезть.
Ты вот моргнул – и кончились небеса,
звёзды колеблются, вламываются в глаза.

Так ли всё это, Господи, смерть и страх,
порох и мясо, вечности тлен да прах?
Звёзды колеблются – ими полны глаза,
битая чаша, острые голоса.

***

Чёрная речка, древо познания зла,
но озаренье дарит глазам гроза,
вымочив ветви в ярких своих лучах,
высушив корни, чтобы огонь не чах.

Так и душа чёрною нам дана,
чтобы любовь черпала тьму до дна.
В рыжем пространстве выесть немного ржи –
слава работе – просто на свете жить!

Вот тебе сердце, вот тебе голова,
эй, человеце, правда всегда права.
Светится разум, бьётся под грудью стих –
дуй на глаза, иней растаял в них.

Видишь ли землю, видишь ли небеса?
Это работа – видеть в свои глаза.
В сотни костров, в тысячи жгучих свеч
светятся руны, речь продолжает течь.

***

В новое переселяясь тело –
чувствовать озноб, неправоту.
Позабьть бы. Забываешь смело
то, что будет так невмоготу.

Радуюсь солнцу, но не знаешь
что это такое, какова
близится расплата за уменьье
языком нащупывать слова.

Смотришь-смотришь ясными глазами
на рождённый в первом крике мир.
Вот и всё. Мне всё про всё сказали.
Обними и на руки возьми.

***

Жизнь – застенчивый кузнечик,
разбегающийся в даль.
Прыгнет в небо человек
и исчезнет навсегда.

Только клеверная стела
прорастёт в тени крыльца,
и останется от тела
золотистая пыльца.

Инна Девятьярова
/Санкт-Петербург/

Ломка
Рассказ

Амфетамин (сокр. от α-метилфенилэтиламин) — стимулятор центральной нервной системы, производное фенилэтиламина. Является рекреационным психоактивным веществом, способным вызывать психическую зависимость. Его оборот ограничен международным и национальным законодательством. Амфетамины имеют таблетированную форму и чаще всего принимаются как аптечные таблетки. Негативная сторона центральных эффектов амфетамина может быть выражена в появлении чувства беспокойства, бессоннице и треморе. Также амфетамин может вызывать панику, психозы, мидриаз, диарез, гипертермию, озноб и сухость во рту. Наиболее серьёзным проявлением систематического злоупотребления амфетамином является нарушение психики, трудноотличимое от шизофрении. Передозировка амфетамина опасна прежде всего для сердечно-сосудистой системы. Вызываемые амфетамином тахикардия, повышенное артериальное давление и спазм сосудов могут привести к ишемическому инсульту, субарахноидальному кровоизлиянию, инфаркту миокарда. (материал из Википедии – свободной энциклопедии)

– Отдать швартовы! Поднять паруса! Полны-ый... йы-ынлоп дёре-епв!

Голову будто стаканом накрыли. Раскалываясь об остrostеклянные грани, звуки падали каплями пота, солёными, как морская волна, бились брызгами в барабанные перепонки.

Ам-мг, слотни, укачивает. Ам-мг, дыши.

Серый качнул головой, и стакан качнулся вместе с ним. Тяжёлый, как чугунная крышка для сковородки, в которой поджаривается мозг, шкворчит, идёт пузырями.

Фрч-ш, держать равновесие. Качка продолжается.

– Ялу-ур ове-ел... е-ево руля! Курс на норд-вест!

Он стоял на скользкой, как свежезалитый каток, дощатой корабельной палубе, и над головой его, в парусных рваных прорехах, плескалась бесконечная синь, и под ногами его пели звонкоскрипящие доски, терпко пахнувшие смолой и морской солью. И Серый всасывал в себя полной зрудью – воздух, отдающий солёным привкусом попкорна, с хрустом раздавливая слова, оседающие под языком.

– Эй, на мачте-е... етчам ан-н...

Его повело вперёд и влево, стакан зацепился за прикроватную тумбу гранёным, колкобликующим боком. Дон-нг!.. треснул, рассыпавшись осколками по подушке, и Серый взвыл, хватаясь за раненые виски. Кровь билась под пальца-

ми тёплыми, пульсирующими толчками, в глазах было ярко-красно и до щекотки солёно. Серый тёр пальцами веки, будто желая втереть их вовнутрь, чтобы не видеть – потолок, невыносимо яркой белизны, раскачивающиеся стены в золото-рыжих солнечных кляксах, расплывшихся на обоях, мух, свободно гуляющих по ним, невзирая на качку... Кш-ш, вон пошли отсюда, и без вас тошно!

...Стакан стоял на столе, в бесконечных пяти шагах от Серого, встал на качельно шатающуюся поверхность, словно стеклянный гриб. В стакане был штиль и полное, одуряющее безветрие, подкрашенные ржавчиной волны баюкали чёрный мушиный труп. Чайка ходит по песку, морякам сулит тоску. У-уу...

Серый скривился. Пить хотелось адски, горло будто железною тёркой надрали, тёрли, как гнилую морковку, с хрустом выдирая красно-оранжевые лоскуты. А потом посыпали солью, крупными, отборнейшими ломтями соли, сковырнутой с морского дна... Кх-хах, отставить жаловаться, осторожно опускаем ноги на пол, сначала правую, потом – левую...

– Татич ен нор-р... а ну, ворон не считать, чёртовы дети! Шкоты подтянули, равнение на норд-норд-вест!

В лицо ударил порыв солёного ветра, шапкой взбил нестриженные волосы. Открыв рот, точно потерявшийся из гнезда воронёнок, Серый с жадностью слглатывал остро-солёные капли, кристалликами белого оседающие на зубах. Палуба под ногами ехала вверх и вниз. Расставив в стороны трясущиеся конечности, Серый пытался удержаться на норовистом морском скакуне корабля. Корабль взбрыкнул, вильнув корпусом на очередной волне, и Серый упал, неловко, на бок, больно ударившись коленом о торчащий из палубы гвоздь.

– Разрази меня гро-ом!.. омрг янем...

Цепляясь за спинку кровати, Серый поднимался на ноги. Из пробоины в коленке лениво полз червячок крови, пиявочно-тонким хвостом выщекочивая на коже каждую волосинку. Тш-ш, куда чесаться, йодом бы промьеть... Глм-мк. Тошнит, как от йодного привкуса в воспалённом горле. Нужно запить водюю.

...Муха качнулась вместе с потолком, забила крыльями, взлетая, точно крикливая морская чайка. Серый проводил глазами её полет – до стола оставалось еще три труднопреодолимых шага, три бесконечные морские мили. Застывшие паркетные волны под ногами кололи его ступни просоленными деревянными иглами, было горячо, остро и практически не больно. Горячо, горячо, холодно!

Ледник надвинулся откуда-то из-за спины, дыханием плавучего айсберга, и Серый застучал зубами, натягивая майку на оголившиеся плечи. Тц-тц-тц, как же здесь дует...

– Ыфир оп... рифы по курсу! Развернуть стаксель! Убрать брамсель и марсель!

Корабль швыряло, как отслоившуюся от доски щепку. Вцепившись в мачту, Серый поднялся с палубы, взглядываясь, сквозь несущиеся по стремительно сереющему небу тёмные, грозовые облака, в монолите вставшие на горизонте, неумолимо приближающиеся, прозрачно-белые, словно нестывший лёд – зубчатые скалы, и воду вокруг них, скручивающуюся воронкообразную пастью, грозя поглотить собою корабль и его самого.

– Отдать бом-кливер, чёртовы лентяи! К морскому дьяволу в гости захотели... иле-етохаз итсог...

Серый стоял у стола, держась за хлипкую опорную спинку трясущегося стула, и стакан в его руке трясся вместе с ним, выплескивая за борт драгоценные капли воды. Серый поднес его к губам – выщербленный, мутно-грязный, с плавающей прямо по центру мухой. Муха шевельнула лапками, оживая – и Серый, вздрогнув, поставил стакан на место. Чёрной, пульсирующей точкой – муха увеличивалась в размерах, точно бы Серый планировал на неё с высоты, обростала трепещущими от ветра крыльями парусов, мачтами, торчащими прямо, как спички, кричащими на палубе людьми... корабль вновь приближался, впитывая Серого в себя, оглушая запахами и голосами, выдёргивая, точно морковку из грядки, с пронизанной духотой и кошмарами комнаты. Что-о... за... ч-чёрт-т...

– Хрева-ан хес-с... свистать всех наверх! Сто чертей и одна ведьма!

Чёрные, сдувшиеся над палубой тучи – приняли форму лица. Заросшее многодневной щетиной, тощее, иститое, оно наклонялось, цепляясь волосами за мачты, сизыми, как густой туман. В провалах глаз его взблескивало уходящее солнце, зубы, клубящиеся сзутками тьмы, что-то шеттали, сдвигаясь и раздвигаясь над головою Серого, и это было настолько невыносимо страшно, что Серый бросился бежать, мотаясь по палубе из стороны в сторону, прикрыв руками глаза, не в силах взглянуть наверх, туда, где в невозможной высоте, на всыхивающем грозою небе стояло ОНО.

– Ра-азвернуть штормовой фок! Приготовиться-а... асьти-ивотогирп...

В стакане, скатом между трясущихся пальцев, шёл подлинный девятый вал, перехлёстывая через муху и выгрызенные до трещин стеклянные рифы края. Зажмурившись, Серый сделал широкий глоток. Его мотнуло на стул, слегка приложив локтём о спинку. По-чаячи вскрикнув, Серый открыл глаза. Жажда не проходила, усиливаясь скручивающей желудок тошнотой, и выход был только один – нужно срочно принять... куда же он её вчера спрятал... вот же чёртова морская болезнь...

...Езнь, езнь, езнь. Уши заложило так, словно бы он падал с парашютом – в собственный недопитый стакан, на чёрную, деревянную спину кораблемухи, болтавшейся на высоких волнах, летел, рассекая воздух, как грёбаная бес-

крылая чайка, чайка, обдолбавшаяся амфигов на вчерашней тусе и ловящая сегодняшний отходняк всеми своими облезлыми перьями. Нет, ну куда же... ёлки вы моталки...

– Ю-обк яду... носовые орудия – к бою! По воздушным силам противника – пли!!!

Серый и не сразу заметил, как к пушкам, сизо-чёрного, мушиного цвета, расставленным вдоль бортов палубы, подошли пушкарки. Круглые, как расправляемые воздухом мячи, ядра вкатывались в жерла, чтобы мгновения спустя вылететь из них – чёрными, раскалёнными жаром шарами, взрывающимися где-то в вышине, в нависшей над кораблём тучеморде, тянущей грозовые, напитанные тьмою конечности к шевелящейся матросами палубе, к онемевшему от ужаса Серому, к пушкам, падающим кверху колёсами под её угально-чёрными пальцами...

– Кормовые орудия – к бою! Пли, чёрт вас всех раздери... иредзар... хесв...

Что-то попало в глаз – колкое, несуразное, зверски большое. Пылинка, оторвавшаяся от краешка стакана – не давала Серому спокойно вздохнуть, выбивая потоки слёз в безуспешных попытках избавиться от неё. Он шарил по карманам трико, ища платок, зеркальце, заныканый со вчерашнего амфик, и не мог обнаружить ни того, ни другого, ни третьего. Шмыгал носом, внезапно открыв у себя непрекращающийся насморк, истекал слезами в ладошку – и от коварной соринки, и от жалости к себе, замученному в хлам мухами, жаждой и бесконечной качкой. Поддев наконец непослушными пальцами муху, Серый поднял её на воздух, возжаждав без помех осушить стакан в пару-тройку глотков пересушенным солью горлом, но острые, как пчелиные жала, десятки соринки вырвались из наклонившегося стаканного жерла, обрушившись валом на беззащитное лицо Серого, его треснувшие до крови губы, глаза, слезящиеся ручьями солёного. Ч-черт, да что же это за хрень-то творится...

– Асурап тифир-р... рифить паруса! Вычёрпывайте воду; бездельники, сто чертей вам под хвост!

Скорчившись у перевёрнутой вверх тормашками пушки, Серый видел, сквозь чёрно-серую пелену бушевавшего ливня, как отдаляется, расплываясь клоками туч, жуткое поднебесное лицо, изливая потоки слёз на промокиую палубу, как, стоя по колено в слёзодожде, слаженно работают матросы, вычёрпывая с палубы воду, как, намертво вцепившись в штурвал, сражается со стихией штурман... как вдруг чернота охватила корабль практически полностью, зажала в клещи справа и слева, подняла в небеса, прямо к раззявленному бездною тучерту. Серый кричал, не слыша собственного голоса, и грохали под ухом пушки, и выла туча, и голос капитана перекрывал всё вокруг:

– Огонь, чёрт вас всех задери! Иреда-аз сав трёч...

Стул качнулся под Серым в очередной раз и, не выдержав, подломился, с шумом опустив своего хозяина на пол. Пыль взметнулась кудлатыми волнами,

Серый чихнул, протирая глаза. А что, если таблеток не осталось вовсе? И кашка, мухи, слёзы и дикая головная боль не закончатся никогда? Он лег на пол, заложив руки за голову, и обречённо смотрел в потолок, считая то появляющиеся, то исчезающие трещины на его бело-щербатой поверхности. Вот это было самое ужасное из возможного, по сравнению с чем меркли все шторма, бури и тучеморды – некстати закончившийся амфик, который можно было, конечно, достать в одной хорошей аптеке, по договоренности с одним неплохим человеком – но до аптеки ещё нужно было доехать, через весь город. Сейчас, когда штормило от каждого шага, Серый не представлял, как он сделает это. Как спустится по лестнице, не упав, как выйдет во двор, как дойдёт до метро, как менты пропустят его в подземку... не, не пропустят, конечно. Ещё останвят, и спросят, а что это с ним. И где брал – тоже спросят. Ну, и он сдаст адрес аптеки, потому что ему уже всё равно. А жаль, там хороший человек работает... Нет, он не может сейчас никуда идти. Он должен найти амфик, хотя бы полтаблетки. Серый помнит – они должны быть где-то тут, в комнате. Белые, как соль, с едва солоноватым привкусом... Серый облизнулся, слглатывая за щекой тугую, горячую слюну. Ам-мг, дыши. Держись, ам-мг. Порыться на камбузе...

– Омяр-рп герб... берег прямо по курсу! Поднять паруса! Курс вост-норд-вост!

Промокший до нитки, Серый приоткрыл дверь, мышью юркнув в темноту и тесноту корабельного камбуза. Чтобы только не видеть плачущее тучелицо над прозрачными сколами стакана-края мира, берега всех берегов, не слышать басовито рококоющих над палубой всхлипов. Чтобы перестали дрожать руки и потеть голова. Чтобы желание пить наконец-то пропало и появилось желание выспаться, которого не было с позавчерашней ночи... И что-нибудь поесть, обязательно. Но сначала он найдёт амфик.

В камбузе пахло жареным мясом и тушеной капустой. Запах отбивал аппетит начисто, впрочем, это было неважно – в камбузе была вода, в огромном деревянном жбане, пережатом железными обручами, плескалась на доннышке, застояло-затхшая... но без мух. Серый выпил её в два глотка, и тут же извернул обратно – это было невыносимо. Соль. Это была разбавленная водою, наисоленейшая соль, зубьями тёрки втиснутая в израненное горло. Серый кашлял, прижав руки к животу, пытаясь избавиться от поселившегося под языком солёно-мерзкого – увы, это было невозможно. Стащие со сковородки капустный лист, он принялся жевать, удивляясь странному привкусу, пока дверь с шумом не распахнулась, и тёмный, возникший на пороге силуэт не взревел:

– Не отлынивать от работы! Воду черпать, вместе со всеми! Под килем бездельника проташу-у... уцаторп-п... аки-и...

Серый выплюнул изо рта изжёванный им за чем-то тетрадный листок, размазал ладонью чернильную кляксу по щеке. Кальмары... кальмары стреляют чернилами... кальмара бы съесть... Не, перебеешься, Серый. Ищи. Сам знаешь, что.

...Это был непростой квест, и только такой старый морской волк, переживший уже не одну амфетаминовую кашку, как он, мог осилить его. Серый нашёл – в дальнем ящике стола, за погнутыми ложками и копилкою мелких монет, студенческим билетом его, Серого, и его же, Серого, ксивой с такой юной и непохожей на него, сегодняшнего, четырёхнадцатилетней физиономией... нашёл неоткрытую пачку. Амфики, заныканные им на чёрный, самый чернуший день, когда всё будет плохо, как сейчас, будет штормить и качать на белёсых волнах амфетаминовой ломки, он выпьет таблетку – и всё снова будет хорошо. Всё устанкнется – и буря, и кашка. Серый выпьет и пойдет тусить в клуб, а потом завернёт к кому-нибудь в гости, а потом поест и поспит... может быть, а может быть – и нет. Это не главное, правда. Главное – это вот сейчас... ам-мг... полстакана... с таблеткою... и вместе с мухой, шут с ней... и подождать немного, блаженно раскинувшись на кровати в позе морской звезды, и...

Это больше всего напоминало пушечный выстрел – прицельно в сердце, корабельную пушкой в упор. Проглоченное по неосмотрительности, разрастаясь внутри него, крошечное чёрное ядро разрывало сердечные клапаны один за другим, взрываясь то тут, то там кроваво-красными фонтанами мяса и сухожилий. Беззвучно разевая рот, точно рыба, вытасченная на берег, Серый скатился с кровати, дёрнул рукой, в отчаянной попытке выплыть... и камнем ушёл на дно, под вой затихающего урагана, в мелькающей перед глазами сине-зелёной волне. Ха-ах-х...

– Ондяр-рзи ад... да, изрядно нас потрепало! Но чёрт меня побери, если мы не встанем скоро на якорь в уютной бухте! Право руля!

Буря в полупустом стакане стихала, уступая место послегрозовому покою. Потрёпанный, корабль плыл по волнам, спеша причалить к заманчиво-близкому берегу, покрытому коркой нетающего льда. Серый стоял на корме, рваным тельняшечным рукавом вытирая со лба налетевшие брызги.

Всё было хорошо.

Лариса Сони́на

/Челябинск/

Немного об играх разума

***

Томительная радость первых слов...
Застенчивый, как юноша дюмовский,
С дюймовочкой, что рощена на вырост,
И в складчатом берете изумрудном
Бесцельно созерцаю небеса.
Да, это я, и ленточкой дюймовой
С тяжелой темной медной оконцовкой
Я глупую дюймовку прикрываю
(Вы мне простите радиальный вихрь?)
От сердца ахиллесова Андрюши –
Оно большое и грубее пятки,
А видом – совершенный древесин.
Я вырасту – за все прощу Андрюшу...
А, впрочем, хватит, хватит об Андрюше –
Кой толк нам вспоминать сейчас Андре,
Погибшего в четырнадцатом веке.
Помилуй Бог, какие времена!
А мой герой от первого лица
Опять диктует драму, что его...
Опять его дюймовочка не любит.
(Ну, а меня ровесники не любят.
Мальчишки или взрослые мужи –
Вот эти – да, кто старше или младше,
А те, кто вровень – эти ни за что,
И надо, надо что-то с этим делать.)
Оставь меня, ты, юноша дюмовский,
Асканию, дурак и гувернер!
Мне надо быть в парламенте английском
(Я ненавижу парламентаризм!)
... А наши снова жгут огни на Марсе.

***

Консуэло летает во сне,
И в реале летает, конечно,
Забывая о вечном огне,
И о том, что проходит беспечно

Жизнь, не данная для сумасбродств,
Ибо роза – всегда для порядка –
Если ты из сословия роз,
Будет жизнь твоя краткой и гладкой.

Затемнений не видеть тебе,
И не вспомнить уже о пилоте,
Что уходит от неба в борьбе
На серебряном злом самолете.

***

Белый свет и розовый ранет,
Белый свет и черствый мармелад.
Я не знаю, сколько надо лет,
Чтоб пройти вперед и наугад,
Чтоб сыграть, как перепел во ржи,
Переворохнувшись, вороша
Звонкую мелодию ручья.
Пожалею о тебе, душа.

Виктория Берг
/Калининград/

Кулич

Земля обетованная

Жертвам Холокоста посвящается

Она так гордится свистом - на тысячу этажей
взлетает, вмерзая в небо, чернеющая вода.
Здесь если восходит солнце, то только в ее душе,
но это не так уж плохо — восходит оно всегда,

хоть звезды горят повсюду, на тысячах дочерей,
сменивших Рахиль и Лию, идущих на яркий свет.
Еще далеко до жизни и вечер утра добрей,
но счастье живет отдельно - в отсутствующей листве,

в не ставшей кроватью детской барачной гнилой доске,
в уснувших печая Ваала и птице в ее груди.
Она так гордится свистом, оставленная Никем,
но Он-то отлично знает — ей будет куда идти.

Добрый Карло

Сидит, строгают Буратино Карраско Карло, щурит глаз.
Его усердье легитимно, он никому не хочет зла.
Очаг, пылающий в ненастье, дом, сохраняющий тепло,
стакан винца к воскресной пасте - и жизнь его, как крепкий плот,
скользит по глади Гвадианы. Спокойны дни, беспечен сон.
Движения Карраско плавны. И наблюдают за отцом
четыре предыдущих сына - бесстрастный взор, литая стать.
Таких и в армию не стыдно - мразь иноземную топтать.

Торможение

*«Я уже подробно объяснял, что торможение, запрещающее убийство
или ранение сородича, должно быть наиболее сильным и надежным у
тех видов, которые...социально объединены»
Конрад Лоренц, «Агрессия»*

Так нет же –
вместо того чтобы пить молоко из глиняной чашки,
отщипывая по кусочку хрустящий горячий хлеб,
ты молча натягиваешь фланелевую рубашку,
колючий свитер под горло и падаешь в тысячу неб,
хлопнув закрытой дверью, как будто ударив наотмашь
кого-то внутри себя – только бы снова не зарычать. –
Чтоб где-то в фонарном созвездии, остановившись, вспомнить,
что вечер отлился в форму забытого дома ключа
и быстро тускнеет рядом с остывшей французской булкой.
Вернуться по следу так просто, но вряд ли придешь назад –
и ты тупо кружишь по клетке скверов и переулков,
боясь всепрощения зверя в родных, незнакомых глазах.

Кулич

И тогда Баба Тося повесилась.

Отстояв с четырех утра в очереди за хлебом, она медленно идет по заснеженным улицам Ленинграда. Ужасно холодно, но не холод причиняет страдания, к нему она уже как-то притерпелась, а мучительное желание съесть ничтожно малую, жалкую порцию хлеба, которую дома необходимо разделить на двоих и растянуть на несколько дней. Чтобы как-то отвлечься, Баба Тося думает о пропавших без вести в Синявинских болотах братьях, открытой в конце ноября «дороге жизни» и возможной эвакуации, о Павлике, который, должно быть, уже давно проснулся и тихо, непривычно смиренно для трехлетнего ребенка, лежит и ждет, когда его покормят. Рассматривает черные разводы на потолке — от буржуйки грязь да копоть, разглядывает свои, ставшие почти прозрачными, пальчики. Взгляд у него, скорее всего, серьезный и внимательный, как у его деда, - в ту пору, когда тот еще был жив и писал картины. Какое время было!

Баба Тося останавливается, устало приваливается плечом к стылой стене дома — перевести дыхание, справиться с внезапно накотившей слабостью. В глазах мелькают, кружатся противные белые мушки, в голове заунывно, тяжело бьет колокол — основной удар приходится как раз на затылок - «боммм», а дальше низкое раскатистое эхо уходит ко лбу - «оммм». И тут же к горлу подступает тошнота...

«боммм!» - в просторную, залитую белым золотом солнца столовую врывается радостный колокольный звон Князь-Владимирского собора - «бомм-дили-дили!..бомм-дили-дили!»

«Эх, и до чего же славно! - говорит, потягиваясь, отец, отходя от раскрытого окна. - Настенка, беги, зови маму из кухни — Сергеевы-младшие приехали». Тося откладывает на кожаный диван с жесткой прямоугольной спинкой, обрамленной темным деревом, книжку и, весело подпрыгивая, бежит в жаркую кухню, из которой расходятся по квартире густые ароматные волны — жареного, в прованских травах, мяса, ванили, изюма и цукатов — от щедро политых белой блестящей глазурью куличей. В прихожей раздается скрежещущий звонок, за ним следует суетливый, радостный шум, многочисленное, повторенное на разных голоса «Христос воскрес!»; звуки поцелуев и смех.

Тося влетает в кухню, принося с собой приятную апрельскую свежесть, горьковатый запах клейких, растускающихся почек и переливы колоколов, — вся такая сияющая, пышущая здоровьем. «Мама! Сергеевы приехали!»

Мать — высокая, прямая, приятной округлости женщина — оборачивается, улыбаясь, вытирает руки свежим кухонным полотенцем, снимает фартук: «Что ж, идем их встречать»...

А потом они всей семьей сидят за большим столом — Сергеевы-старшие и Сергеевы-младшие — и отец по праву старшинства раскладывает в протянутые тарелки кулич. И этот кулич кажется маленькой Тосе воспитательно, божественно-вкусным — каждой своей крошечкой, каждой своей цукатинкой. Его сладковатый, пряный аромат приятно щекочет ноздри, наполняя слюною рот, но Тося не спешит съесть кусок одним махом — она по тютельке отщипывает от него, кладет на язык микро-порции и, закрыв глаза от наслаждения, блаженно ждет, пока крошки не растворятся, растекаясь душистой маслянистой кашицей между небом и языком. Это длится долго, и кулич все не кончается — его так много, что Тося почти уже насытилась, только пальцы все не останавливаются, все отщипывают да отщипывают. И поразительно-яркий белый свет — теплый, ласковый, добрый — заполняет все вокруг, и слышится издалека смех мамы: «Настюша, не жадничай»...

«Гражданка! Гражданка, очнитесь! Вы так замерзнете», - кто-то теребит ее за плечо, силой вытаскивает из чудесного, забытого со временем, сытного мира. Снова становится отвратительно холодно, резкий спазм сводит желудок. Борясь с головокружением, Баба Тося тяжело поднимается из сугроба, машинально поправляет шерстяной, повязанный на груди крест-накрест, платок - «Да-да, спасибо» - и, с трудом переставляя ноги, бредет в сторону дома. «Кулич, - мечтательно думает она, - ах, какой роскошный был кулич». Баба Тося инстинктивно облизывает губы, сглатывает и чувствует во рту какой-то странный вкус — как-будто хлебный. Хлебный?

Баба Тося останавливается, толстые колючие варежки летят в снег. Дрожаящая рука лезет за пазуху — хлеба нет! Баба Тося проверяет еще раз, топорливо развязывает-разматывает платок, расстегивает-распахивает тяжелое отцовское пальто, шарит в нагрудном кармане — хлеба нет! Замечает, как с платка срывается случайная хлебная крошка — провожает ее взглядом, потом, через некоторое время, ошеломленно ахает. Лоб ее покрывается испариной.

Павлик, то засыпая, то слабо похныкивая, промучился целый день, а следующим утром умер. Первое что увидела Баба Тося, когда проснулась, — его сильно осунувшееся, слегка посиневшее личико с заострившимися чертами лица (прямо как у папы, когда его хоронили). И еще глаза — большие, темные, выразительные, застывшие, — устремленные на нее.

Ох! Баба Тося села на кровати и, сжав ладонями голову, будто пытаясь выдавить из нее страшные мысли, начала раскачиваться из стороны в сторону — не было ни слез, ни стонов, ни всхлипов, только едва слышный скрип пружин, звучавший в тишине пустой комнаты неестественно-громко. Сквозь единственное уцелевшее во время бомбежек окно, разрисованное изящными узорами снаружи и покрытое поблескивающей наледью изнутри, едва пробивался тусклый зимний свет. Возле ног, бледно и расплывчато, лежала тень от крестовины рамы...

А после она повесилась. Бабе Тосе не было и тридцати.

Алекс Трудлер
/Беер-Шева/

Сидит индеец у тропы

гордей

за пределы метёт, заливает округу погодой,
целлюлитное небо свисает узлами дождей.
разрубает узлы по ему лишь известному коду
аритмичный подагрик - гордей.

череду голосов провожая подкожною дрожью,
он бредёт вдоль толпы по одной из нехоженых троп.
под лучами весны он от холода скуки скукожен
и меняет количество стоп.

грязь марает лицо - это время садится в карету.
тяжело? тяжело! не укрыться. ни в лес. не свернуть.
время тянет вперёд по руке, по удару, по метру -
вот ещё! вот немного! чуть-чуть!

половина знакомых повисла на сломанной строчке,
половина друзей провалилась под ноги чужим,
но прямая кривой не всегда выходила короче,
и не слаще отечества дым.

черновой вариант получился похожим на правду -
и свеча догорела, и ногу от марша свело.
но не ропщет гордей и на людях картинно картавит,
продвигаясь за новым узлом.

Веласкес

Привычно почернел до темноты
дождливый день, бегущий краем моря.
Признание украсило холсты
Веласкеса, который так же чёрен.

Всё так же глух старик ко тьме времён,
подслеповат прищур севильской ночи,
картинный вздох в пространство устремлён -
к прелестнейшей из королевских дочек.

На затемнённый зеркалом портрет
Венеры, что изогнута как рыба,
не падает укрытый тенью свет
от зрительских насмешливых улыбок.

Рябые мойры полотно плетут,
черня в ковре условности приличий,
метаморфозы рушатся, но труд
художника пугающе трагичен.

Сильней инстинкт изгнания раба
из гения, когда, надрезав кожу,
тот просит у бессмертия: «Избавь», -
и заточённый в рамки шепчет: «Боже».

А в темноте (с оглядкою на сон)
рыдает дождь, большой испанским гриппом.
Веласкес умирает за поклон
очередному глупому Филиппу.

старик

этот старик с красным большим мешком,
чуть крючконосый, с долгим нависшим взглядом,
перемещается чаще всего пешком -
только не так, как дьявол, что носит «прада».

там, где впадает в город людской поток,
там, где стада бизонов пасутся шатко,
встретишь его отставленный локоток,
что повторяет строгость его лопаток.

дождь по дороге прячет лицо и пыль -
впрочем, осанка кажется непреклонней,
чем у старухи с именем Изергиль
и рыбака Сантьяго на горизонте.

давит мешок прозрением чепухи -
в липовом переулке, в кругу семейном,
кто-нибудь, кто попросит прочесть стихи,
от удивленья вывихнуть может шею.

он на суставы ветра повяжет боль
и постучит по клавишам очумело,
чтобы, введя побитый, как жизнь, пароль,
выбелить осень растёртым о строчки мелом.

Потомок Ланцелота

Золотые апельсины и усталость от работы.
Неужели это осень безобразно повернулась
Всей надушенной истомой к нам, потомкам Ланцелота,
И укрылась голосами пыльных и костлявых улиц?

Нам, потомкам Ланцелота, нет ни отдыха, ни права
Уклонения от счастья быть безумными глупцами;
Льёт елей старик-процентщик, злобой сдобренный лукаво,
Жизни стройный распорядок очертив в телерекламе.

Копоть жалости сторевшей мне вдыхать озон мешает,
Я - потомок Ланцелота или брошен на потеху
Городу тоски и скуки? Городу, где нет трамваев,
Городу, где мыслей скверна не пускает прочь уехать.

А потом, когда вдоль улиц пробегут отрывки женщин
Мимо фонарей и окон, разукрашенных под зданья,
Я зажму в ладони трубку и сквозь провод бесконечный
Позвоню, и выпью горечь из воды в пустом стакане.

сидит индеец у тропы

*«Все лежит перед тобой. Твоя
Тропа находится прямо перед тобой.
Иногда она не видна, но она здесь. Ты
можешь не знать, куда она идет, но
ты должен следовать Тропе.»*

Индийская мудрость

сидит индеец у тропы, затерянной в лесу,
отважный чучипу сидит с трофеем на весу.
он вертит снятый скальп врага, перо макая в кровь.
ревниво солнце небо жожёт, индеец супит бровь.
чего он ищет в жаркий день, вдали от жарких битв?
а голод долгого пути под ложечкой свербит.
в ручье спокойная вода труп вражий не несёт,
плюёт индеец чучипу на мудрость тихих вод.
деревья шепчут: уходи! твоя тропа пуста,
чего ты ждешь, склонившись вниз к подножию куста?
молчит индеец, как немой. и рядом мир затих.
индеец, братцы, не дурак.он сочиняет стих -
о том, как он убил врага и вышел на тропу,
а солнце, сука, небо жожёт. потеет чучипу.

Алексей Веселов
/Санкт-Петербург/

Ненапрасные рассуждения

***

Допустим:
Мы вышли из дома
В девять утра
Первого января.
Около чахлой
Дворовой берёзы
Различаем
Силуэт человека.
Он то ли движется,
То ли нет.
Он как бы плывёт
В утренних сумерках.
Он кажется нереальным.
Он внушает
Смутную тревогу.
В нас заронено сомнение:
Это ли человек?
Но в то же время
В первое мгновение
Мы его опознали.
Esse homo.
¿Quo vadis?
Не слишком ли человеческий
Увиденный нами силуэт?
Не более ли он похож на человека,
Чем мы сами?
Ответы на эти вопросы
Трудно найти.
Особенно
Первого января.

Ну хорошо.
Мы подождали неделю-другую.
И ещё подождали.
Настало лето.
И вот –
Перед нами множество людей.
Тут нам бы обрадоваться.
Летом человек доволен и празден.
Представлен во всём великолепии.
Ярок и объёмен.
А не какая-то смутная тень.
Между тем,
Постичь его не проще.
Пусть даже он был бы
Гольий как Аполлон.
Или голая как Венера Каллипига.
Пусть даже контрастно
Освещён итальяским солнцем.
(Хотя,
Откуда оно в наших краях?)
И даже тогда
Толком понять мы его не сможем.
Пусть даже
Глянули мы в зеркало.
Кого бы там обнаружили?
Мы,
С одной стороны,
Понимаем,
Что в зеркале –
Мы сами,
А не кто-то другой.
Про которого
Пел Гребенщиков в песне «Юрьев День».
Но осознаём ли мы это?
Или мы
Стоим перед зеркалом
Как Бобик
В гостях у Барбоса?

Думаем,
Что там – другой человек.
В нашем кафтане.
Или всё-таки мы –
В чужом?
Зеркала́
В магазинах одежды
Как-то хитро устроены:
Они показывают нас
Всегда в выгодном свете.
И, как у Гоголя:
Человек в другом кафтане
Кажется нам другим человеком.
Но
Когда?
Где?
Каким именно?

***

Хармсовский человек,
О котором как-то неудобно говорить.
Существует ли он?
Автор этого не разъясняет.
Не разъясняет потому,
Что не горит желанием.
Хотя мог бы и пролить свет.
Но не проливает.
Это делают за него.
Светят автору
В глаза
Светодиодным фонариком.
Настойчиво,
С неподдельным
Академическим интересом,
Вопрошают в пространство:
«Что хотел сказать автор?»

Между тем,
Человеку-автору поесть бы,
Да прогуляться вдоль берега.

Александр Корамыслов
/Воткинск/

Из цикла «Реинкарнации»

Соломон

Царь Соломон перевоплотился в России.
Работает в провинциальном ЖЭУ сантехником.
Слывет незаменимым специалистом.

Каждый раз, когда возникают особенно сложные засоры –
и не помогают ни вантуз, ни трос, ни другие приспособления –
«Ничего, ничего» – еле слышно шепчет он,
извлекает из кармана своё знаменитое кольцо (на стальной леске) –
и опускает в канализацию,
приговаривая: «И это пройдёт...»

Проходит.

Ну, так что у вас не царское дело?

Гауди

Антонио Гауди перевоплотился в России.
Совсем ненадолго.
И на сей раз архитектура интересовала его только в виде музыки,
застывшей на CD.

В последний свой день,
прогуливаясь и прокручивая в плеере
любимый альбом Алана Парсонса –
и вдруг заслышав шум приближающегося транспорта,
он даже не повернул головы в наушниках
и привычно подумал:
«Не трамвай, объедет!»

Но ошибся...

Алигьери

Данте Алигьери перевоплотился в России.
Работает в провинциальном АТП
водителем маршрутного такси.

По вечерам, накатавшись по своему ФлорN-ску,
он с кондукторшей Беатричевой, данной ему в пару,
считает количество сделанных за день кругов.

Обычно кругов оказывается девять (маршрут довольно длинный).
Разумеется, со скрежетом зубным
и стенаниями местных пассажиров,
особенно в час пик.

Выручка, как правило, бывает приличной.
Однажды в кондукторской сумке Беатричевой
среди трудовых рублей обнаружилась беспечная лира.
Итальянская...

Будучи вполне суров за баранкой,
на отдыхе русский Алигьери по-прежнему предпочитает комедии,
большинство из них воспринимая не как авторские,
но – как Божественные.

В церковь ходит редко. Пьёт мало,
занюхивая и зажёвывая (старая привычка) лавровым листом.
Выпив, читает вслух современных поэтов.
Сонетов не презирает,
но более склонен к новомодным танкеткам.

Однажды, заглотив до середины
ерофеевско-молотовский коктейль «Земная жизнь»,
он вдруг очутился далеко за городом, в сумрачном еловом,
откуда его смог вывести
только анекдотически бородатый егерь Вергилиев.

С тех пор они регулярно созваниваются

и списываются по электронке,
обсуждая, насколько прекрасен ещё один круг –
авторов портала «Новая литературная карта ФлорN-ска».

...Впрочем, вот и моя остановка. По требованию...

Садко

Садко перевоплотился в России.
Опять. Но уже не купцом.
Продолжает некогда то основную, то вспомогательную
карьеру гуслера-универсала,
ныне – не очень успешную.

По-прежнему даёт иногда сольные концерты в подводном царстве.
Но теперь его встречают там жидкими аплодисментами –
и с умеренным бульканьем провожают до батискафа.
(Иногда, правда, за умелую игру на своих щипковых хордофонах
он получает одобрительные щипки хордовых).

Время от времени подменяет
действительно востребованного Орфея,
выступая в царстве подземном.
Пользуется определённым успехом у местных эвридик,
срывая их газообразные аплодисменты
(а что ещё сорвать с теней?..).

На родной же земле скромные, но твёрдые аплодисменты
он имеет лишь в узком кругу любителей
и профессионалов лежачих арф.

В наше время жестоких кэцэ и жёстких гравицап
гуслер не нужен –
как сказал бы господин Уэф из галактики Кин-дза-дза.

Эгвина Фаталь
/Ставрополь/

Животное явление

***

предлог любви приоритет незнания
простерся на полу пустынной залы

не развернуть не вынести во двор
чтоб поделиться

подстеречь как вор
тебя он хочет узких плеч сковав

и вывесить на обозренье ночи
с ключом и под ключом

мирянин духовник сидят за дверью
и комната молчит

есть торжество в отсрочке приговора
как в болезни

шел на поправку утешал родных
и вдруг внезапно отдал богу душу

***

только ли перегоны метро и поплавский сам
вынырнул в станции гул в дребезжанье оконных рам
лязг и возня уходить убежать дворами
выдавлив тело из света полоски во тьму
угольной семечки гуще тугую жижу
подлым упрямым спускались по одному
влажные тени как будто по жёлобу крыши
вóрот и шея мелькнули полуночный час мертвел
ахнула птица завидев как шарф метнулся
кúчера лошадь и буквы заглавной мел
вырвало прочь из сада и сад замкнулся
вырвало клёном в шапку из гнёзд ледяных омёл
чах и черствел серповидный конец на небе
вздыбилось слово когда он его вкатил
вздыбилось слово и потекло по вене

***

*If I when my wife is sleeping
and the baby and Kathleen
are sleeping...
(Danse Russe. William Williams)*

невинно-белые барашки дымом
тянулись по ребру холма
скрипят дверí несмазные пётли
спят кошка уильямс и его жена
спит кошка спит жена спит кэтлин
жена и кэтлин кто ему она
луна горела замирая в ложке
в тарелке на поверхности ножа
едва ли дело будет в этой брошке
оброненной за тумбой в полутьме
едва ли в ней едва ли в кэтлин в кошке
едва ли в уильямсе или его жене
луна горела погружая в желтый
мой дом гараж и всё что было в них
на фоне фиолетового неба
соседских маек бледно-голубых

вкратце

границы очертанья наобум определяет степень превосходства
тебя над изгородью или над холмом что сам собой лежал и расширился
в пределы твоего ума фантазией врываясь в повседневность
ловил стрижа и отпускал стрижа в необратимом префиксе несходства
забредишь вслух набросив легкий плащ нитьем моим прокладывая тропы
бывали здесь и шляпка от гвоздя еще торчит в стволе ржавея чтобы
куда не повернул повсюду ты в сознательном наитии отдался
на волю случая и тот из темноты подкрадывался им навстречу вкратце
соединяя сухожилие и кость простые капилляры и аорту плоть вплоть
до отторженья ткани ось когда-то представлялась вертикалью
но слабого вместилища души не доставало в первозданном мире
облечь в слова того что не облечь и в завершение пренебречь самими
гудела мысль как призрачный котел вываривая мозговую массу
но всё не в счет в сравненье с тем когда ходила стрелка к цифрам безучастной
...

в тучах тлело

как тронется качнется в незабудках твоих печали с поволокой – раз
и нет – одно сплошное поле зноя чуть выгоревший цвет когда
от солнца то что оставалось в тучах тлело
напоминал пока совсем погас
на белой коже след оставив блеклый в котором чайка плавала пятном
ключицу огибая как пространство и ртом
ее ловил неоднократно
чтоб отпустить и ничего потом не чувствовать острее панорамы
на ней гудок перрон и машинист твое плечо холодное от ветра
как габоист он легких не щадя выводит что-то типа та-та-та
мы завтра будем в сотни километров
от точки сочиняющей рассвет –
на нет –
уснешь и всё забудешь тихим сном
не вознамерив проверять что стало
насколько нас невидимым узлом
на перекрестье где-то завязало

животное явление

-1-

яви нам чудо тигра в козьей шкуре
каштан кизил и дерево в цвету
на что ландшафт б избличал в натуре
как нас впускают в чью-то пустоту
и рыба в руки чтобы не одной
плескаться в мутной заводи ночной
руном шла
плавниками отбивая брюхо

-2-

и слушать оцупью
и гнать косяк на юг
как будто здесь ей не было подруг
и радостей простых и утешений
мгновенно отказаться от решенья
остаться на зиму
отдаться снежной буре
за остекленной гладью местных вод
мы поспешали следом только вот
уверенность оставив у границы
в момент когда увидели как птица
летит по направлению наших мест
готовясь заселить собою лес

-3-

ей тоже боязно остаться в одиночку
хотя с земли она казалась точкой
влетая в чащу из полос стволов
разверзнув геометрию пространства
на то что было и на что потом
... ..
пока от рыбы к птице сквозь деревья
метались в трудном выборе
лесной
непроходимой мыслью дробно
я вдруг заметил что куда ни шел бы
повсюду ты ходила вслед за мной

Александр Павлов

/Армавир/

55+

выходит наружу
ищет слева вверху
созвездие Диких Кобыл
было же
но подслеповат давно
еле слышит правым
да и кал натужен
кричит им хрипло
бляди мои любимые
я вас так любил
садится в собственной луже
и повторяет
имена которые давно забыл
обещая
как вспомню увижу
закатим там
такой тарарам
ангелов и чертей
позовем на ужин
черви его приглашают
туда же тоже
но пока еще в этой
жиже
он им
не нужен

памяти бориса рыжего

был покуда жив изжевал струю
ту же как и все из Исети
а потом сбегал и пока пою
хрипло пьяным воем по этим
да и тем про то
что менять пальто
разыскал в саду раскладуху
просто песни жить
тот в ней коготок
доцарапать
на лавке звук
ух
пару фраз чужих возле правды-лжи
хоть центоном в рот или после
из Исети вдоль ручеек сбежит
где-то рядом с височной костью

***

своjak мне ровня но в один из дней
себе такую вытащит из пены
что чудится мне он уже ровней
чем я слагает простыни о ней
есть повод для измены

сосед мне мил тщедушен и босяк
но видел как-то раз он выезжает
на мерине и баба на сносях
четвертый раз к ней цапля в цацках вся
несет и та рождает

у храма нищий мне с утра никто
а я в пальто закутался и мелочь
в кармане неприглядного пальто
звенит совсем как колокол вон тот
по ком кому хотелось

и шерстью хаски ослепит вдруг гладь
на внутренней из всех сторон ладоней
как жуткий сон напомнивший полады
пусть невпопад но коли ты не блядь
ни мор ни глад не тронет

памяти с.

неизвестной октавы, чтоб снежно бредить постелью

с. ланге

я сижу на трубе. обнимаю любую фольгой.
стекловата уже не смывается. утром дзержинск не такой -
вот нальют мне в шесть-тридцать советский стакан молока
и пойду ламца-дрицать шесть метров над уровнем К.
здесь еще можно сбачать и твист на помосте,
дождь жидок слегка,
и слова прочитаять -
что прибили к стене, убывая на волю, зека.

я сижу, обнимаю фольгу, ветер восемь на семь,
у меня есть и дрель - шас трубу продырявлю чуть-чуть.
если там метанол - то осталось немного нам всем,
коли что-то другое, то ведра поднимем на грудь.
слева третий трамвай, справа девушка в двушке с кольцом.
просверлил? наливай. мы попробуем, нам все равно. командир
стройотряда лежит, блять, открытым лицом удивляясь, откуда
на небе есть высь

в каталонской давно стекловате?
и где пацаны разбрелись...
я не помню, как там произносят твое: заебись..
я не знаю таких языков, на которых молчим.
посижу на трубе. да и спезу, когда повезет.

не рифмуются, сука, ни с чем все твои города - барселона,
манчестер, +100 или ворошилОвград, ах, да...
когда у гитары всего две струны, обе ля.
надо взять на октаву повыше, как ты говорил.

Марина Чиркова
/Мытищи/

неровное

человек человеку — почерк, две горсти букв,
мятный зелен лист письмаца и красная в нём строка.
азиатский шёлк подмышек, иероглиф губ,
гладкий воск обмана, клинопись-не-вникай.

человек другому — имя на запахе, след
языка по нежным ямкам, меж пальцев рук:
белый волк по брюхо в снег заметён, слеп,
и позёмка стирает тропы... в полях, вокруг...

человек человеку азбука, ноты, счёт,
голый провод, палёная шерсть, потом-поймёшь-ерунда;
чёрный лось заходит в реку, небо пьёт,
поднимает голову... капают розовая вода...

человек между прочих — прочерк, пустой пробел.
не прошепчешь другим, что боялся вслух для неё.
белый волк темно оборачивается к тебе.
чёрный лось забредает в облако и плывёт.

Галия
/Екатеринбург/

Смерть наливает выпить

***

смерть наливает выпить и говорит:
что ты всё смотришь в небо?
ищи внутри.

что ты там видишь — в этих странствующих облаках —
степи свои, пустыни, реки, восход, закат?
если в тебе всё это — вместе и тьма, и свет,
небо — оно пустое, кто там твой слышит бред...
кажется, будто за ночь вырос и стал другим
и ничего не видишь больше в себе, ни зги?
словно перешагнул ты горы своих надежд,
так вырастают дети разом из всех одежд,
так же у перепутья кто-то не зрит пути
и начинает снова небо в себе растить.

***

«И птицам с нами было по дороге» А.Тарковский

шепчешь самой себе шепчешь о чем о чем
строки ли о нетерпении меча быть мячом
что-то ли о плывущих против течения рек
что никогда не устанет спорить с судьбой человек
вечно идешь бормочешь сама с собой
что остается от света когда остается боль
помнишь твердишь себе помнишь как даже вещь
самая обыкновенная была с волшебством в родстве
было ведь было помнишь о чем жалеть
ты никогда не будешь пусть даже петь
сил не останется
будешь идти идти
капельку счастья с собою нести в горсти
скормишь голодным птахам весь этот хлеб в пути
им же с тобой по дороге
лети лети

***

эхо сентябрь звенит колокольчик солнца
первый последний
мой первый последний слышишь
город горчит гора магомету социум
кто за тобой с луной погулять по крышам
входишь в себя выходишь оставь открытой
дверь
отпустила смерть
начинай по-новой
гоголь набоков чехов мы крепко шиты
блок достоевский бродский пребудет слово
кровом твоим рекой облаками светом
каждый всегда из тьмы вековой выносит
новое знание вышагни с ним из лета
в осень свою
ты видишь
здесь осень осень

***

в себе цветком произрастая,
всё мнишь, что вглубь себя растёшь,
туда, где тьма в тебе немая,
где ты не звук ещё, а дрожь
сквозного воздуха, который
колышет тени у окна...
где у древесных волглых створок
таится в зёрнышках весна.
где ты не речь ещё, а слова
пока не вызревшего ток,
где света зримого земного
цветку осталось на глоток.
к нему тянуться – глубже, глубже,
но так – не падать, а лететь
из темноты своей недужной,
как мотыльки – на свет,
на смерть...

Ярослав Пичугин

/Москва/

Деревья говорят

***

человек — птах
весь стремление и полет
повторяющий крыл распах
потому что пространство лжет

человек — рот
столько явлено вокруг ран
что из рода прольются в род
как открытый веками кран

человек — жест
и страданье от глаз до пят
повторяющий вечный крест
потому что на нем распят

***

Мимоездом деревня глухая
промелькнет на задворках Руси,
где от века любой неприкаян,
никого ни о чем не спроси.

И шофер здесь, пути выбирая,
за словом не ползет в карман.
Собеседник дороги до рая,
он глазами сгущает туман.

И округа уходит как в вату,
мягко лодкой заляжет на дно,
и какой докричится Аввакум
до людей, где лишь эхо одно.

ПАВЛОВСК

Кружится первый снег упрямый,
летит в осенний водоем,
края которого, как рамой,
охвачены тончайшим льдом.
Через Славянку — мост Кентавров
застыл в ноябрьской пустоте.
Здесь можно снять немало кадров,
нам интересны только те,
где луг, взбегающий на всхолмье,
тропой приводит ко дворцу.
Там русский Гамлет скажет: «Роль мне
не удалась, хвала Творцу...»

ГРАЖДАНСКАЯ

обернулось небо стужей
рыжий ражий говор ружей

кат на ката брат на брата
от деревни и до града

дождь косою штыков огранка
узелком алеет ранка

обернулось стужей небо
много крови мало хлеба

НОВЫЙ НОЙ

к нам приплыл в ковчеге ной
говорят ему — цветной

остуди моряцкий пыл
и плыви обратно в тыл

ной сказал что был потоп
и страна его в прихлоп

а ему — плыви домой
и лицо свое умои

нам не нужен новый ной
в мифах есть уже родной

и моряк разув глаза
вновь поплыл — на небеса

***

деревья говорят
жестами ветвей
дома говорят
трещинами стен
человек — междометиями
попадающими
в незримую мишень
натянутую домами
или в молоко тумана
в ветвях деревьев

***

попадешь
в световой колодец
в срез световых волос
эхом смеха
эллипсом лет
человек — числовек

Михаил Пучковский
/Казань/

Апофатическая антропология

Камо грядеши

В сырлом весеннем полусне деньков воскресных
На город лёг незванный снег – вполне уместно.

Но возвращающийся снег в мой город дымный
Не отзывается во мне покоем зимним.

Невозмогу искать слова и в строки ладить,
И рифма больно не нова в моей тетради.

Молчать невмочь – так возопи, себя не мучай.
А после поменай ір – на всякий случай.

Что толку прятать адресок от горних высей?
Посчитан каждый волосок вокруг залысин.

Ты весь рассмотрен, не спеша, измерен, взвешен.
Quo wadis, сонная душа, камогрядеши?

Какие ныне рубежи в твоём прицеле?
Ещё бредёшь? Уже лежишь навстречу цели?

Не обронил ли, что искал, на ус мотая?
А снег на челке и висках давно не тает.

Всё гуще снег, и тяжесть век совсем не тешит.
Quo wadis, добрый человек? Камогрядеши?

***

Зачем я, Господи? Ответь!
О чем, неслышимая всеми,
Звенит нечищенная медь
В моем оркестрике весеннем?

Куда зовёт, хрипя чуть-чуть,
В ладу с мелодией старинной?
Куда, скажи, лежит мой путь
Сквозь дождевые лабиринты?

В спирали слов, поступков, лет,
Из света в тень, от дома к дому,
Встречаю собственный свой след,
Такой чужой, такой знакомый.

Из тени – в свет, из смерти – в жизнь,
Сквозь суету закатных красок.
Какой я, Господи, скажи,
Под каждой из десятков масок?

Пусть тубы хрип неутомим,
Но неизбывен зов гобоя.
Где встретиться с собой самим,
Чтоб познакомиться с Тобою?

Преображение

Кутался век в одежки, кутался без конца
Луковка-человечек. Любящий взгляд Отца
В миг обращает долгие-долгие сотни лет:
Вот он - бежит, торопится, как мотылёк на свет,
Луковка-человечек, сбрасывает на ходу
Шубку, обувку, тело, прочую лабуду -
Чувств шелуху и прочную умственную чешую.
А добежав, исчезает, падает, как в польню.
Был человек, да вышел, будто бы без следа.
В той польню бездонной вечно светла вода.
Был человек, да вышел – вышел на свет кристалл.
Не аметист, не оникс – горный блестит хрусталь.

Предпасхальное

На берегу вселенского потопа
Уснул пловец, хмельной и нерадивый,
У бруствера, распаханного взрывом,
На самой первой линии окопов.

Война изнемогла, война остыла.
От тишины уже не ждут подвоха.
Ни выстрела, ни окрика, ни вдоха.
И с каждым днём важнее весть из тыла.

Кто там родился в дальней деревушке,
Кого крестили, а кого отпели.
Как плещется вода в святой купели,
И как жестки больничные подушки.

Натружены ладони до мозолей
Не о цевьё – о мастерок и шпатель.
Никто не партизан и не предатель,
И порох не важнее хлеба-соли.

Так тихо в мире вечером субботним...
Собаки по покойникам не воют.
И ангел над бедовой головою
Поёт о Воскресении Господнем.

А месяц пробивается упрямо
Сквозь облака, с которых дождик брызнул.
Всего лишь миг на возвращенье к жизни,
Всего три дня на воздвижение Храма.

Железнодорожная колыбельная

Снова путь. Туда — оттуда.
Мчится поезд. Спит вагон.
В этой темени безлюдной
Я почти что растворен.

Эта ночь не понарошку,
Растворишься в ней и ты,
Глядя в черное окошко
Из плацкартной духоты.

Ночью маятной, бессонной,
Проглядишь очки до дыр.
Спит вагон. Вокруг вагона
Утонул в чернилах мир.

Скрип на стрелках, стук бессонных
В ночь катящихся колёс.
Воет, словно пес бездомный,
Одичавший тепловоз.

Чай проглочен мимоходом,
Книги нет и сдох смартфон.
Свет дежурный, над проходом
Тусклый матовый плафон.

Усадил нас рядом случай,
Мы не свидимся вовек.
Спи, случайный мой попутчик,
Незнакомый человек.

Ты исчезнешь спозаранку,
Утром канешь в тишину,
Как фонарь на полустанке,
Что за окнами мелькнул.

Вот и пригород стусилился,
Стрелки, окна, гаражи.
Спи. Пускай тебе приснится,
Что знакомы мы всю жизнь.

Встреча

Здравствуй, мы с тобою знакомы.
Нет чужих друг-другу на свете.
Есть огромный мыслящий космос,
Мы – его безумные дети.

Точим топоры брат на брата,
Друг на друга скалимся злобно.
Рвы копаем, строим ограды,
Ходим на соседа с оглоблей.

Нам бы выпить вкруг мировую...
Живы, но похвастаться нечем:
Не смешно, когда торжествуют
Почки, победившие печень.

Жаждешь откровенных признаний?
Я скажу, ты только послушай.
Нет границ и нет расстояний,
Есть душа, нашедшая душу.

Руки, что ложатся на плечи,
Сердце, что встречается с сердцем.
Морок смерти не бесконечен,
Жизнь находит двери и дверцы.

Слову переводчик не нужен,
Слово с нами было и будет.
Слово отражается в душах,
Люди отражаются в людях.

Спящий город утром разбужен
Ливнем чудотворным, целебным.
Небо отражается в лужах,
Город растворяется в небе.

Апофатическая антропология

Пусть не философ, но и не профан,
Слегка умён, немного образован.
Годами поистёрся мой скафандр,
Мой звездолёт у дома припаркован.

Который год судьба ко мне добра,
Как ни пытались боли взять с наскока.
Вот чистый лист, пишите же, сестра.
Вооружайтесь, доктор, стетоскопом.

Не зуб за зуб, сестра, не «дашь на дашь»,
Который год потворствует она мне.
Порхай неслышно, бойкий карандаш,
Фиксируй, молча, скромный мой анамнез.

Перо не в моде, а карандашу
Не разразиться щебетом пернатым.
Скафандр изношен, доктор, но прошу –
Не путайте скафандр с космонавтом.

Сестра, пишите в карточке: не лох,
Но не пацан. Не дилер и не киллер.
И мой сюжет, по-своему, не плох,
Хотя и не блокбастер и не триллер.

Комедия? Пожалуй. Но герой –
Не Арлекин, не Доктор, не Бригелла.
За этой карнавальной суетой
Теперь всё реже послеваает тело.

Всё вертится – такие времена.
Мне эти ритмы дерзкие знакомы.
Во мне вот-вот объявит космонавт:
«Вставай, скафандр, пошли в открытый космос».

Так что же – подлатаете? На век
Не хватит, но на время для разбега...
А кто я? Да, пожалуй, человек.
Я - человек. Из рода человеков.

Прорыв в самопознании. Зачёт.
Но канет откровенье между строчек,
Никто бумагу эту не прочтёт.
Все знают – у врачей ужасный почерк.

Константин Корнеев
/Иркутск/

***

ты выйдешь, выплеснешь себя, как чай из чакши
в пролёт окна, в рычанье обнажённых
/во/сточных труб. и не заметят чайки
как – дальше – в сети рыбаков, чьи пахнут жёны

не только рыбой, утварью и печью,
но также временем, песком, элладой.
ты выпадешь из правил этой речи,
да и других речей тебе не надо.

пора: закончена очередная смена;
раздастся всплеск харонова весла.
а тело остаётся, и омела
уже – смотри – сквозь тело проросла.

***

Ветер, свистящий в серебряный цвет
Улицы – знает, где
/Ангелы, путающиеся в бороде,
Произносящей «цверк»/
Спрятали маленький хрупкий шар,
С именем Гулливер;
В нём неизбежно идут левей:
Снег, звездопад, душа.
Кажется, будто спёкся песок
В камень на берегу
Неба, подаренного врагу
С именем Рагнарёк.

В улицу настезь открыта дверь,
Один заводит плуг.
Не торопясь, произнеси вслух
Слово, заканч. на «ерть».

***

Человек отслаивается от стены,
Комната вязнет в анатомическом хрусте.
Человек этот – вылитый Ким Чен Ы,
«Эн» отвалилась при перезагрузке

Аппаратуры всемирного соглядатая.
Трещина света разламывает стену, и
С необъяснимым упорством солдата
Человек шаг за шагом уходит с теми,

Кто на иные пути посмел
Встать – в ток земли, в крик орлицы.
И отступает бессильное слово «смер» –
«ТЬ» отвалилось ещё при Аустерлице.

Александр Соболев
/Ростов-на-Дону/

Искать человека

***

Облупленный зальчик, ни спаржи, ни мидий.
Обветренный вечер – и кто-то с тобой,
и славно живётся в просторной хламиде,
а рядом на сцене играет гобой.

Немного устало, чуть-чуть глуховато,
оставив за скобками прочий квартет,
дарует пришельцам печаль-модерато
и тему любви извлекает на свет
из чёрного щёголя с белым пластроном,
который сегодня угоден Творцу
и вот – исполняет в концерте гастрольном
мелодию жизни, пришедшей к концу...

Как длинно и больно, как сладко и жутко,
под слёзы на лицах, под ропот дождя
играет гобой, деревянная дудка,
из города Гамельна нас уводя.

***

...И когда я беру рубанок, делаю стих
или делаю вид, что делаю важное дело –
это всё ремёсла. Пойми, признай и прости,
что плоды работы по-ясельному неумелы.
Ну и что же, что результаты пока худы?
От тебя не ждут чиппендейла или «Козетты».
Это, собственно, как учиться с нуля ходить
и оценивать расстояние до предмета.

Что ладонь не клешня – уже немалая честь,
подаёшь надежды. Хотя и хлопот немало.
Заусенцы и диссонансы затем и есть,
чтобы чуял сопротивление материала.
Вы похожи с ним, свилеватым кривым комлём,
где рисунка ткани ещё предстоит добиться.
Между искоркой единицы и тьмой-нулём
по наждачной зерни проложен пунктир границы.

Потому что план мироздания предельно прост:
шлифовать природу, исходно всегда дурную.
Механизм экспресс-комбинаций, клеточный рост,
где геном умений и функций особь формирует.
И покуда не обеспечены векселя
лексиконом, вкусом, мозолями, глазомером –
по молочной реке вдоль вишнёвого киселя
не тебе рассекать молодецким лихим манером.

...Но и в этой жизни случится случай такой,
чтобы в нервный узел ударил тебя стрекалом –
и пропал, и канул, подхвачен Другой рекой.
Ты ведь помнишь?.. несколько раз бывало, бывало...
И приснится, а, может, присных пришлёт к тебе,
исчезающе малым сим пожелав заняться,
снисходительный к сучковатой твоей судьбе
Демидург чудес, сублимаций и инсталляций.

И когда прикоснётся, шепнёт на ухо тайком,
что такого ещё не слышал, что так сокровенно
сочиняют сны – и займётся Красным цветком,
а потом потечёт горячим ручьём по венам...
и когда под Его рукой неброский сюжет
обретёт бесценную душу – ни мало, ни много –
кособокий смайлик в черновике у Слога,
улыбнись родне, навещавшей как-то уже.

ИСКАТЬ ЧЕЛОВЕКА

Давно не чу ни вождей, ни чина.
Но есть в миру, что столь многолюден,
не шанс, а, может быть, лишь причина
найти особого homo ludens*.
Не чудодея и не мессию,
не супермена в седьмом колене,
но человека природной силы
и капитана своих волений.
По искре взгляда, по стилю жеста
искать Зачинщика, VIP-персону,
из тех, кто крепок причинным местом,
умом, пером, мастерком масона;
умеет делать добро, сюрпризы,
попытки, вещи и личный выбор;
кладёт начала, концы и визы,
а то и камни – при слове «рыба»...
И он готов, коли что, к расчёту,
и он спокоен всегда к награде.
А если спросят, какого чёрта
он тут присутствует и играет,
во что и с кем, из каких коврижек –
таким об этом и знать не надо.

Когда – подале, когда – поближе –
он слышит голос своей монады.
Она, голубушка, лучше знает,
зачем жильём себя наделила,

почём ему эта боль зубная,
которой группы его чернила.
Свою решимость на красном, чётном
и блок, всегда для него опасный,
он ставит именно против чёрта
во всех личинах и ипостасях.
Он дарит миру с себя по нитке,
мешая аду, поодаль рая,
играя Гессе, Шекспира, Шнитке,
судьбой и жизнью своей играя.

...Азарт и смелость сильнее тягот,
но только это не те лекарства,
пока Косая стоит на тяге
и бьёт на выбор себе бекасов.
А значит – верьте или не верьте –
среди забот о любви и корме
играть приходится против смерти
в её отвратной и пошлой форме.

Хотел бы стать не жрецом – скорее
простым статистом его мистерий –
но лишь бы выпел единый реял
над мистагогом и подмастерьем.
Сыграть хоть тайм, непреложно помня,
что в этой лиге хотя не славы,
прийти хоть словом ему на помощь...

Когда маэстро отправят в аут –
играть без правил, играть без судей,
ножу ответить своим дуэлетом,
отдав ферзя (и игру, по сути) –
не сожалеть никогда об этом.

А у надежды – чудная доля:
она старается тихой сапой
оставить отпечатки на ладонях,
пометить лица секретным крапом.

Приметой блёклой и ненадёжной
она кочует по всем обновам.
Но мне она – на любой одежде
звездой Давида, тузом бубновым,
шевроном, бляхой и голограммой,
значком партийца, цветами клана.
И вот на прочных и многогранных –
ищу отличку такого плана:
пешком по будням, с горящей плоской,
(пространство – здешнее, время – наше)
чтобы вести игру не оплошно,
чтобы при встрече своих спознаша.

* Человек играющий (лат.)

Ольга Вирязова
/Москва/

Другого не бывает

***

Глина течёт по рекам,
просит сделать её человеком,
на ноги поднять, голову отрастить.
Встаёт и спрашивает: как быть?

Сам себе учитель, сам себе господин,
не оглядывайся, не спрашивай,
всё твоё вчерашнее, земноморское –
корка чёрствая.

Сила течёт по нитям,
тело – мельница золотая –
заново отрастает
и перемальвает меня.
Сила мгновенная или длительная,
какая разница!
Времени хватает.
Крутится-вертится-мелется...

Тело –
примерила, оставила.

***

Овраги, падающие в реку,
бродящие в чаще,
раздали всем сестрам по серьгам,
всем губам по водам.
Там, где воды чище,
где воды слаще,
где тебя ничего не держит,
никто тобою не водит -
разойдётся земли вещество,
до азов поизъедено соснами,
словно оно - иновещество
сонное,

и давай выдумывать заново
эту дикость, едкость эту,
лесистый склон, землянику,
отпущенного человека,
летающее из гнезда «Ом» -
чтобы он увидел и убедился,
встал и отряхнулся,
попробовал бы кислого и сладкого
с одного куста.

Кто до хруста скал,
Тот выжал воду,
Кто до писка стиснул,
выжал зверя.

Ладно.
Чтобы ему не плакать,
мир прикасается к его чувствам
как милосердная красота.

***

Улица заворачивается в темноту –
свет выключили,
непрочитанные деревья себя несут
на цыпочках.

Что возьми от прочего и себя –
разворачивай,
где смотреть не хочется да и знать
не заманчиво –
всё равно светлеет, не бережешь, говорит,
крови-сукровицы,
ямы-выемки идут, кочки-луковицы,
в человеке ты, как в лесу, потеряешься,
он – сообщающийся сосуд,
не собой притворяющийся,
он сообщает все реки сил,
все Волги Индии,
всё дно тебе, весь ил –
держи, неси меня,
умой меня, покружи.
Воды не разнять,
пока ты жив,
земли не вместить,
во рвах нервущаяся, во рту.
Одной ногой там лежи, другой тут
ходи окружностями темноты до утра,
един с головы до пят.
Одной рукой прав,
другой виноват.

***

От всякого до каждого космос
закравшийся в сознание контур
ты пальцем и ногой языком ты
и кажется он отперт разомкнут

Заходишь в этот воздух не воздух
соседний словно дальний и дикий
выходишь на стужившийся остров
не повязали бы не убили

за то что заповедное место
заставленное дичью и нетью

в себе предельно живо и мертво
одновременно меркнет и светит

за то что это нервы и ветви
за то что это верно и слепо

***

Бродить по небу, по лестницам, в рукавах
искать ответа, отверстие нащупывать,
запутываться в лукавстве:
О, Господи, вы правы все.
А с другой стороны вы левы.
Спускаются, слетают с лестниц.

Пока солнце не сторело,
выпутываются из пуха новые звёзды,
ступеньки берега бегут, пока не поздно,
бегут от всемирного испуга
искупаться, прыгая друг на друга,
искупаться во всемирном братстве,
сестринстве – не Ганга, но и то гладкая.

Отливает ли вода, заливаает,
зализывает вчерашние пляжи наживо,
зашнуровывает ивняк ветер.
Другого мира не бывает,
пока ты уверена в этом.

Владимир Монахов
/Братск/

***

мечтать по прошлому – забава,
не худшая иных затей,
воспоминания - приправа
душе потерянных людей...
как безответно время оно,
но в нём таится волшебство,
и всё до устали знакомо,
и тянет лямку БОЛЬшинство!

***

Женщина всегда норовит
переписать жилище любимого
и даже нелюбимого мужчины
на своё имя -
тщательно моет окна, двери, полы,
уничтожает рисунки пыли на мебели,
а затем заставляет любимого
или нелюбимого
сделать перестановку -
от мусорного ведра до выхода в мир
подъезда...

...и обратно...

Каждый день перед зеркалом
она перекрашивает себе лицо,
а затем и лица комнат,
где жизнь убывает медленно
как краска из тюбика
уютного домашнего
счастья...

***

есть люди, которые никому не мешают -
ни травинке,
ни муравью,
ни птицам,
ни вороватым соседям,
ни солдатам идущим на последнюю мировую войну...

так начинается фашизм - зверь мировой цивилизации...

***

Чтобы люди крепче
Врастали в планету
Их закапывают
В шар земной
После смерти.
А они разрастаются
Корнями воспоминаний,
Чтобы верхушками
Дерев подпирать
вершину неба..

***

Всё меньше и меньше
На этом, но
Всё больше и больше
Моих воспоминаний
На том свете.
Но ходят ли мёртвые
В гости друг к другу,
Разливая в кубки черепов
Яд воспоминаний?..

***

А бог такой же мученик,
как и маленький я?
Он страдает на небе
за всех болящих,

и крошечная частичка
отболевшего бытия
учит равнодушного быть
вперёд смотрящим!

***

Внутри врага - друг,
только поговори!
Внутри женщины - любимая,
только погладь!
Внутри человека - Бог,
Только помолись!

Но место Бога вакантно!
Каждый стремится к: «Я - Бог!»

***

Я не тот, за кого
меня все принимают:
свет души моей в мир
уж иной отошел,
но осталось лишь тело,
надменно считая,
что бездушному жить,
на земле хорошо!
Лишь простором времен
окольцованный ветер,
бесконечность порывом
своим вороша,
стал единственным другом
на всём белом свете,
достигая тех мест,
где укрылась душа.

АВТОРЫ НОМЕРА

Андреева Ольга [119] – родилась на юге Украины в 1963 году. Автор поэтических сборников «В случайной точке» /2003/, «Эволюция ветра» /2003/, «Аритмия» /2003/, «Вещь не в себе» /2007/, «Оставаясь водой» /2010/, «Равноденствие» /2012/, «Лестница тавров» /2013/, «На глобусе Ростова» /2016/. Публиковалась в альманахах «ПаровозЪ», «Белый Ворон», «Золотое руно», «Белая акация», в журналах «Нева», «Новая Юность», «Дети Ра», «Аргамак», «Письма из России» (Москва), «Южное Сияние» (Одесса), «Веси» (Екатеринбург), «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Дон и Кубань» (Ростов-на-Дону), «Южная звезда» (Ставрополь), в альманахе «45 параллель» (Москва) и «45 – параллельная реальность»; «Наше поколение» (Молдова), Prosodia. По профессии инженер-строитель. Занимается проектированием автомобильных дорог. **Андреева Ольга [168]** – родилась на юге Украины в 1963 году. Автор поэтических сборников «В случайной точке» /2003/, «Эволюция ветра» /2003/, «Аритмия» /2003/, «Вещь не в себе» /2007/, «Оставаясь водой» /2010/, «Равноденствие» /2012/, «Лестница тавров» /2013/, «На глобусе Ростова» /2016/. Публиковалась в альманахах «ПаровозЪ», «Белый Ворон», «Золотое руно», «Белая акация», в журналах «Нева», «Новая Юность», «Дети Ра», «Аргамак», «Письма из России» (Москва), «Южное Сияние» (Одесса), «Веси» (Екатеринбург), «Ковчег» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Дон и Кубань» (Ростов-на-Дону), «Южная звезда» (Ставрополь), в альманахе «45 параллель» (Москва) и «45 – параллельная реальность»; «Наше поколение» (Молдова), Prosodia. По профессии инженер-строитель. Занимается проектированием автомобильных дорог. **Живёт в Ростове-на-Дону.**

Берг Виктория [248] - родилась в Москве. Журналист, редактор, специалист по связям с общественностью. Первая публикация в 1995 году. **Живёт в Калининграде.**

Близнюк Дмитрий [166] – родился в 1979 году. Публиковался в журналах «Сибирские Огни», «Вокзал», «Порог», «Харьковский Мост» и др. Автор сборника стихов «Сад брошенных женщин» (2013). **Живёт в Харькове.**

Бубнов Александр [47] – родился в 1959 году. Поэт, филолог; визуальный поэт, композитор, теоретик и практик палиндромии и экспериментальных форм стиха. Доктор филологических наук, профессор РГСУ (Курский филиал). Автор более 20 книг стихов и палиндромов, более 50 научных работ, статей в «Новом литературном обозрении», «Russian Literature» и др. журналах и альманахах. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Языковые особенности русского палиндрома» (Тамбов, 1997); диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук «Лингвопоэтические и лексикографические аспекты палиндромии» (Орёл, 2002). **Живёт в Курске.**

Булатова Галина [213] – родилась в Горьком. Окончила Куйбышевский институт культуры. Автор книг «Философия розы» /2012/, «Счастлирое время» /2014/ и др. Редактор-составитель более 20-ти изданий. Организатор и куратор нескольких литературных проектов. Публиковалась в журналах «Новая юность», «Зарубежные задворки», «Новая реальность», «Казанский альманах», «Казань», «Идель», «Чаян» и др. Стихи переведены на сербский язык. **Живёт в Казани.**

Веселов Алексей [256] – родился 18 июля 1983 года в Ленинграде. Поэт, художник. Публиковался в журналах и альманахах «Ното legens», «Der Schnipsel», «Sound / Idea», «Артбухта», «Введенская сторона», «Вокзал», «Дети Ра», «Дирижабль», «Зинзивер», «Кочегарка», «Ликбез», «Микролитъ», «Футурум АРТ»; сборнике «Петербургская поэтическая формация»; в антологии одного стихотворения «В поисках утраченного я»; в третьем томе антологии «Собрание сочинений»; в антологии эротической поэзии «Feigenlese»; в интернет-изданиях «Ygdrasil», «45-я параллель», «Другое Полушарие», «Квадрига Аполлона», «Окно» и других. Был участником клуба поэтического перевода с немецкого языка (при Центре русско-немецких встреч), переводил произведения Кристиана Моргенштерна. **Живёт в Санкт-Петербурге.**

Винтерман Изяслав [42] – родился в 1961 году в Киеве. Член Союза писателей Израиля. Лауреат премии Союза писателей Украины «Скарбница» за книгу стихов «Время ожидаемого» (1989), премии им. Ури-Цви Гринберга за лучшее поэтическое произведение (2004, 2005). С 1992 года живёт в Иерусалиме.

Вирязова Ольга [289] – художник, дизайнер, редактор, переводчик. Публиковалась в журналах «Окна», «Новая реальность», «Новая юность», на разных литературных порталах и страницах. **Живёт в Москве.**

Витрыло Фотя [81] – родилась в Украине. Публиковалась в газетах и журналах Украины, Белоруссии, России, в международном альманахе «Метаморфозы», в сборниках и антологиях издательства «Склянка часу». В 2014 году в Канаде была издана её книга «Шли дети из Рая». **Живёт в городе Шпола Черкасской обл.**

Галия [271] – родилась в 1960 году в селе Чёрный Затон Саратовской области. Автор книги «Хижина» /2017/. **С 1979 года живет в Екатеринбурге.**

Грантс Янис [7] – родился в 1968 году во Владивостоке. Публиковался в журналах «Знамя», «Урал», «Волга», «День и ночь», «Крещатик» и других. Автор нескольких книг поэм и стихотворений). Стихи и проза переведены на латышский язык. **Живёт в Челябинске.**

Гендернис Ирма [224] – родилась 26 июня 1970 года. Училась в Санкт-Петербурге. Публиковалась в журнале «Новая реальность», на сайте «Полутона». **Живёт в Лиепае.**

Дедюлин Дмитрий [96] – родился в 1979 году в Харькове. Стихи публиковались в «ОП» № 7, альманахе «Левада», журналах «Воздух», «Дети Ра», «Харьков — что, где, когда», интернет-издании «Новая реальность». Проза опубликована в журнале «Союз Писателей» № 15. **Живёт в Харькове.**

Девятъярова Инна [240] – публиковалась в российских и зарубежных русскоязычных журналах: «Уральский следопыт», «Млечный Путь», «Меридиан», «Слово-Word», «LiteraruS», «Литературный Азербайджан», «Наше поколение», «Нижний Новгород», «Микролит», «Байкал», «Эдита», «Человек на земле», «Ступени. Тайны и загадки», «Машины и механизмы», а также газете «Шанс» (Абакан) и сборнике рассказов «Крымское приключение». **Живёт в Санкт-Петербурге.**

Дмитриев Андрей [17] – родился в 1976 году в городе Бор Нижегородской (Горьковской) области. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Автор сборников стихов «Рай для бездомных собак», «Орнитология воды». Лауреат премии имени Бориса Пильника (2010), дипломант межрегионального конкурса «Наималы», проводимого домом-музеем Велимира Хлебникова в Астрахани (2014). **Живёт в Нижнем Новгороде.**

Добровольский Александр [218] – публиковался в журналах «Слово/Word», «Юность», «Нева», «Новая реальность», «Журнал ПОэтов», «Микролит» и др., в газете «День литературы», альманахе «Ликбез». Лауреат Премии имени Анны Ахматовой. Призер Международного конкурса поэзии хайку на русском языке. Работает сотрудником Отдела искусств Смоленской областной юношеской библиотеки. **Живёт в Смоленске.**

Долгановских Юлия [9] – родилась в 1975 году в Екатеринбурге. Окончила Уральскую государственную академию государственной службы и Уральский государственный университет. Автор книги стихов «Латынь, латунь и катехизис» /2016/. **Живёт в Екатеринбурге.**

Домрачева Инна [12] – родилась 24 декабря 1977 года. Окончила Уральский государственный университет (2000). Печаталась в журналах «Волга», «Урал», «День и ночь». Участница семинаров молодых литераторов в городе Липки в 2008 и 2010 гг. Резидент товарищества «Сибирский Тракт». **Живёт в Екатеринбурге.**

Емельянова Наталья [184] – родилась 8 октября 1981 года в Нижнем Новгороде. Окончила филологический факультет Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина. В настоящее время работает преподавателем церковнославянского языка и инструктором по фитнесу. Публиковалась в альманахе «Земляки» и журнале «Нижний Новгород». **Живёт в Нижнем Новгороде.**

Злаказова Нина [14] – родилась в Благовещенске (Башкортостан). Закончила факультет журналистики МГУ, много лет работала на радио и телевидении в Великом Новгороде, Твери и Москве. Автор трех стихотворных сборников, составитель книги «Родные рукописи» /2014/. **Живёт в Москве.**

Ивачевский Евгений [73] – родился в 1969 году в Екатеринбурге. Эксперт Минкультуры РФ по культурным ценностям. Ранее не публиковался. Самиздатом выходили верлибры и короткая проза. Публиковался в журнале «Знамя». **Живёт в Екатеринбурге.**

Иохвидович Инна [59] – родилась 15 марта 1946 года в Харькове. Закончила среднюю школу и биологический факультет Харьковского пединститута, (ныне Педуниверситет). Затем отделение прозы Литературного института им. А. М. Горького СП СССР. В СССР публиковалась в самиздате. В 1998 году, в связи с тяжелой болезнью дочери была вынуждена

переехать на жительство в ФРГ. Автор 11 книг и одной аудиокниги. В 2010 году стала лауреатом международной премии «Вольный стрелок: Серебряная пуля» издательства Franc Titeur USA «по совокупности работ». Лауреат газеты «Литературные известия» и журнала «Дети Ра» за 2010 год в номинации «проза». **Живёт в Штутгарте (Германия).**

Кадыров Салават [146] – родился в 1951 году в д. Кунакбаево Кунашакского района Челябинской области. Стихи публиковались в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «Север», «Крещатик», в «Антологии уральских поэтических школ», альманахе «Южный Урал», в коллективных сборниках. Автор книги стихов «В пятьдесят пять» /2007/. Член Союза писателей XXI века. **Живёт в Верхнем Уфалее.**

Карпенко Александр [155] – родился в 1961 году. Поэт, прозаик, эссеист, ветеран-афганец. Член Союза писателей России, Союза писателей XXI века. В 1984 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, тогда же начал публиковаться в толстых литературных журналах. Институт окончил в 1989-м, в этом же году вышел первый поэтический сборник «Разговоры со смертью». **Живёт в Москве.**

Качалин Виктор [101] – родился в 1966 году в Москве. Поэт, философ, художник. Печатался в журнале «Новый круг» (Киев, 1993, №2), в сборнике «Мир Кьеркегора» (М., 1994), в антологии «Современная литература народов России». Рисунки и рукописные книги находятся в частных собраниях России, Швеции, Японии. **Живёт в Москве.**

Комиссарова Татьяна [44] – филолог. Публиковалась в журналах «Сетевая словесность», «Зарубежные задворки», «Подлинник», «День литературы», «Новая реальность», газете «Поэтоград». Автор книги «Московский полдень» /2016/. **Живёт в Москве.**

Корамыслов Александр [260] – родился в 1969 году в Воткинске. Публиковался в местной печати (газета «Курьер», журнал «Луч» (Ижевск)), газетах «Гуманитарный Фонд», «Русский курьер», «НГ-Exlibris», «Культура» (Москва), журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Соло», «Футурум АРТ», «Мир музея» (Москва), «Урал» (Екатеринбург), «День и ночь» (Красноярск), «Вещь» (Пермь), «Крещатик» (Германия), альманахах «Диррижабль» (Нижний Новгород), «Молодой Гений» (Костомукша), «Перелом ангела», «Тритон», «Солнце без объяснений» (Москва), «Черновик» (Нью-Джерси) и т. д. **Живёт в Воткинске.**

Корнеев Константин [282] – родился 22 декабря 1984 года. Окончил исторический факультет Иркутского государственного университета. Публиковался в альманахах «Первоцвет» и «Иркутское время», журнале «Сибирь», ряде других изданий. **Живёт в г. Иркутске.**

Коро Елена [177] – печаталась в журналах «Контрабанда», «Белый ворон», «Южное сияние», «Журнал П.О.Этов». Член Южнорусского союза писателей (ЮРСП). Автор четырех сборников: «Я - легкий образ мира» /2005/, «Часы» /2014/, «Сказки для бога» /2014/, «Фазт-Крым: карта странствий» /2015/. Авторский проект «Фазт-Крым: карта странствий. Антология фаззии. Том 1. Фазты» /Севастополь, 2016/. **Живёт в Евпатории.**

Латыфич Константин [30] – родился в 1966 году. Автор книг в стихах «Человек в интерьере» (серия «Русский Гулливер» Москва 2007 год). «Равноденствие» (Москва. «Русский «Гулливер» 2012 год). **Живёт в Самаре.**

Лукашенко Анна [165] – родилась 1 ноября 1990 года. **Живёт в Екатеринбурге.**

Любельская Ирина [88] – родилась в 1986 году. Инженер-химик. Училась также в Институте философии, теологии и истории святого Фомы (Москва) и Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург). Автор книги стихотворений «Ключ» /Екатеринбург, «Евдокия», 2015/. Стихи публиковались в альманахе «Белый ворон», сетевом литературном журнале «Сетевая Словесность», портале «Полутона», поэтическом альманахе «45-я параллель». **Живёт в Московской области.**

Любимов Ян [78] – **Живёт в Челябинске.**

Макаров-Кротков Александр [123] – родился 26 мая 1959 года. Окончил Московский государственный институт культуры. Печатался в журналах «Юность», «Октябрь», «Дружба народов», «Новое литературное обозрение», в альманахах «Поэзия» (Москва), «Черновик» (Нью-Джерси), «Вітрила» (Киев), «Стрелец» (Париж), в коллективных сборниках и антологиях «Молодая поэзия-89», «Время Икс» (1989), «Антология русского верлибра» (1991), «Диалог без посредников» (Самара, 1997), «Строфы века» (1995), «Самиздат века» (1997), «Солнечное подполье» (1999), «Поэзия безмолвия» (1999) и других отечественных изданиях. **Живёт в Москве.**

Матюков Пётр [194] – родился в 1971 году в Новосибирске. Работает программистом. Лауреат «Совещания Сибирских авторов» /2016/, литературного семинара «Третья столица» в секции журнала «Наш современник». Участник литературного семинара «Белый мамонт» Г. М. Прашкевича. Печатался в журналах «Наш современник», «Огни Сибири», «Огни Кузбасса». **Живёт в Бердске.**

Медведев Константин [156] – родился в Перми, жил в Калуге, Николаеве, Твери, Москве. Автор нескольких сборников стихотворений. **Живёт в Бологое, Тверской области.**

Моисеев Михаил [159] – родился в Новосибирске в 1973 году. Закончил Институт филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, сотрудник Лаборатории игры Городского центра проектного творчества. Публиковался в журналах «Воздух», «Волга», «Василиск», «Ликбез», в онлайн-журнале «Речпорт». В составе оргкомитета фестиваля «Experiences» – лауреат премии Сибирского центра современного искусства «Культпросвет» (2014). Один из организаторов фестиваля экспериментальной поэзии «Experiences», поэтических вечеров «Слогистика» и др., творческого сообщества «Речпорт». **Живёт в Новосибирске.**

Монахов Владимир [293] – родился в 1955 году в Изюме Харьковской области. Автор более десяти сборников стихов и прозы. Активно публикуется в журналах и альманахах. Член группы ДООС. **Живёт в Братске.**

Павлов Александр [267] – родился 7 декабря 1961 года на Урале. Закончил переводческий факультет Нижегородского Лингвистического Университета, работал переводчиком, корреспондентом и заведующим отделом газеты, рекламным агентом, менеджером и руководителем коммерческой фирмы. Публиковался в журналах «Волга», «Василиск», «Бельские просторы», сетевых литературных ресурсах. Автор книг стихотворений «осенивесны» /2012/, «Недолёт» /2016/. **Живёт в Армавире.**

Пеньков Владислав [233] – родился в 1969 году. Член Союза российских писателей. Автор двух поэтических книг и ряда публикаций в российской и эстонской периодике. **Живёт в Таллине.**

Петрушкин Александр [22] – родился 1972 году в Челябинске. Автор нескольких книг стихотворений и ряда журнальных публикаций. **С 2005 года живёт в Кыштыме.**

Пичугин Ярослав [273] – родился в 1953 году в Москве. Закончил МГТУ им. Баумана. Автор 9 поэтических сборников и многих публикаций в периодике. Член СП Москвы. Работает в редакции журнала Всероссийского общества глухих «В едином строю». **Живёт в Москве.**

Пучковский Михаил [276] – родился в 1974 году в Москве. Окончил филологический факультет МПГУ им. В.И.Ленина. Публиковался в изданиях «Новая Литература», «Новая реальность», «Лава» (Харьков), «Акzenty» (Чебоксары), «Берега» (Калининград), «ЛиФТ» (Москва), Альманах «Сузірря. Час любові» (Киев), сборник фестиваля Интереальность 2014-2016 (Киев). Автор сборников «Времена жизни», «В ожидании снега». **Живёт в Москве.**

Санников Андрей – родился в 1961 году в Березниках Пермской области. Закончил исторический факультет Уральского госуниверситета, несколько лет занимался научной деятельностью, стажировался в МГУ. Публиковался в журналах «Воздух», «Несовременные записки», «Уральская новь», «Урал», «Октябрь», «Поэзия» (Милан) и др.; в «Антологии современной уральской поэзии» (Челябинск, 1996, 2003, 2012), «Антологии поэзии Екатеринбургa» (2003). Лауреат Премии им. Бажова (2007), премии Алексея Решетова.

Силантьев Игорь [68] – родился в 1960 году в рабочем поселке Актас Карагандинской области. Филолог, поэт, преподаватель Новосибирского государственного университета, автор работ по теории литературы и поэтике литературного повествования, а также трех поэтических сборников. **Живёт в Новосибирске.**

Смехов Владя [26] – родился в 1991 году в поселке Межозерный Челябинской области. В 2014 окончил факультет журналистики ЮУрГУ. Публиковался в литературно-художественном альманахе ЮУрГУ «Nota bene». **С 2008 года живёт в Челябинске.**

Соболев Александр [284] – родился в 1952 году. Автор поэтических сборников «Дважды в реку» /2005/, «Настоящее имя вещей» /2007/, «Горный арык» /2010/, «Медитация на рисовом зерне» /2012/. Публиковался в журналах «Ковчег», «Ковчег Кавказа», Дети Ра, «Prosōdia», «Москва», «Веси», электронных журналах РЕЛГА и ГОСТИНАЯ, альманахе «Интеллигент», альманахах «45 параллель» и «45: русской рифмы победный калибр», в международной антологии памяти И. Бродского (2015 г.) и некоторых сборниках. Член Союза российских писателей, специальность – физик. **Живёт в Ростове-на Дону.**

Сонина Лариса [246] – родилась 10 декабря 1973 года. Окончила Уральскую государственную юридическую академию - УрГЮА, и очную аспирантуру УрГЮА, а также сценарные курсы при Свердловской киностудии. Кандидат юридических наук, доцент, специалист в области конституционного и муниципального права. Состоит в Челябинском отделении Союза театральных деятелей (секция драматургов). Автор сборников стихотворений «Инициалы» /1995/, «Каленая щека» /1998/, «Стихотворения 1995 года» /2003/, романа «Продолжая «Замок» /2005/, трех пьес и нескольких киносценариев. С 1989 года регулярно публикуется в СМИ, коллективных сборниках, литературных журналах и альманахах. Редактирует собственный сайт Ювест.рф. **Живёт в Челябинске.**

Татаринев Артём [126] – родился в 1983 году. Закончил Тюменский государственный университет, факультет математики и компьютерных наук, специальность – математик-программист. В настоящее время работает по специальности. Публиковался в журналах «Гвидеон», «Студия», «LiteraruS - Литературное слово» (Финляндия), «Номо Legens», «Флорида» (США), «Безымянная звезда», «Дети Ра». **Живёт в Тюмени.**

Трудлер Алекс [252] – печатался в изданиях «Московский Комсомолец», «45-я параллель», «Зарубежные задворки», «Буквица», «Заповедник», «Интерлит», «Сталкер» и др. **Живет в г Беер-Шева.**

Учаров Эдуард [238] – родился в 1978 году. Публиковался в журналах «Дружба народов», «День и ночь», «Новая юность», «Дети Ра», «Паровоз», «Литературная Россия», «Новая реальность», «Белый ворон» и др. Редактор-составитель нескольких книг. Организатор и куратор ряда литературных проектов. Член редколлегии журнала «Казанский альманах». Автор книг стихотворений «Подворотня» /2011/, «SOSстояние весомости» /2012/, «Трёхколесное небо» /2015 г/. Стихи переведены на сербский язык. **Живёт в Казани.**

Фаталь Эгвина [263] – Родилась в 1984 году в Ставрополе. Историк, кандидат политических наук, шеф-редактор научного рецензируемого ВАК журнала «Капт», выпускающий редактор литературного альманаха «Балкон», редактор сайта Издательства «Ставролит». Поэтические подборки публиковались в изданиях «45-я параллель», «Паровоз», «Бельские просторы», в сборнике «Полифония». Участник международного форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья /2014, 2016/. **Живёт в Ставрополе.**

Харисов Ильдар [107] – родился в 1972 году в Елабуге. Получил образование в Казанской консерватории и Свободном университете Берлина. Преподаватель музыкально-исторических и тюркологических дисциплин. Автор трёх книг стихов. Публиковался в «Новом журнале», журналах «Дети Ра», «Футурум Арт», «Новая реальность», «Идель», «Kulturwelten», в «Литературной газете», газетах «Поэтоград», «Голос Крыма» и др. Лауреат премии журнала «Футурум Арт» (2007). Член Союза писателей XXI века и Союза композиторов Российской Федерации. **С 1994 года живёт в Берлине.**

Ходаковский Александр [180] – родился в 1974 году в г. Коростень, Житомирской области. Окончил Харьковский государственный институт культуры, факультет культурологии. Публиковался в журналах «В кругу времён», «©П», «Харьков – что, где, когда», «СТЫХ», альманахах «Левада»; интернет-изданиях «Вавилон», Vernitskii Literature, «Артикль». Работает в издательстве «Золотые страницы». **Живёт в Харькове.**

Хмельёва Наталья [132] – родилась в 1989 году в городе Измаил Одесской области. В 2011 году поступила в творческую мастерскую на курс к писательнице Анне Реал (Anna Real) в Volkshochschule Essen (Народный университет Эссен), а в 2011 году стала студенткой философского факультета им. Генриха Гейне. Участница ежегодных крупных литературных фестивалей: «Руді тексти» (Кривой Рог), «Межгород» (Одесса), «Каштановый Дом» (Киев), квартирников и слэмов, лауреат международного фестиваля «Русский stil» /2012/. **Живёт в Дюссельдорфе.**

Чиркова Марина [270] – автор книг «В садах неразделённости моей» (2000), «Части счастья» (2006). Публикации в журналах: «Заповедник», «Кольцо А», «Контрабанда», «Российский колокол», «Футурум АРТ». Член Союза писателей России. **Живёт в городе Мытищи Московской области.**

Шатовкин Виталий [111] – родился в 1982 году в городе Большой Камень Приморского края. В 2005 с отличием окончил НГПУ (Новосибирский Государственный Педагогический Университет) по специальности «Психология и педагогика» и был направлен в аспирантуру одноименного вуза, но уехал в Челябинск, где поступил в Южно-Уральский Государственный Университет на международный факультет. Неоднократно менял места жительства: Челябинск, Санкт-Петербург, Москва, Владивосток, Екатеринбург. В разное время работал вожатым, педагогом-организатором, лаборантом, художником-оформителем, директором компании, методистом, продавцом, клоуном и т.д. **Живёт в Новосибирске.**

Шахвердян Лиана [139] – родилась в Тбилиси. Закончила Тбилисский государственный университет, механико-математический факультет. Преподавала в Москве, Тбилиси. Публиковалась в журналах «Русская жизнь», «Новая реальность», «Мастерская», «На холмах Грузии», «Квадрига Аполлона», «Мост», «Золотая строфа». Автор книги стихов и рассказов «Многоточие...» /2015/. Публиковалась в нескольких коллективных сборниках, в том числе – современной армянской прозы и поэзии. **Живёт в Ереване.**

Шуба Сергей [149] – родился в 1983 году в городе Курган-Тюбе (Таджикистан). В 2005 году окончил Ростовский государственный строительный университет. С 2007 живёт в Новосибирске. Работал дорожным рабочим, начальником ПТО, дворником, кровельщиком, пекарем. Под своим именем и псевдонимом Сергей Джим печатался в литературном альманахе «Ликбез», «Aesthetoscope», журналах «Гостиная», «Вольный Лист», «Город Пэ», «Номо Legens», «Топос», «Плавучий мост», «Южная звезда», «Сибирские огни», сообществе «Полутона». Автор поэтического сборника «ВПиХ» (микроформат, «iZZdat», 2012). Участник поэтических («Experiences» – 2010, 2011, 2012, 2013) и музыкальных («С.Ш.А.» – 2008, 2009, 2012) фестивалей. **Живёт в Новосибирске.**

Эш Тейт [52] – родилась в 1979 году в Харькове. Редактор и литературный советник книжной «Эмигрантской серии» (2004 - 2009 годы). Несколько лет представляла русскоязычную поэзию на Abu Dhabi Festival. Финалист конкурса им. Гумилёва «Заблудившийся трамвай». Лонг-листер «Русского Гулливера» и Григорьевской премии. Золотое перо Руси - 2014. **Живёт и работает между Москвой и Дубаем.**

Якобсон Юрий [164] – родился 17 февраля 1972 года на Украине. По образованию доктор. Последние годы работает менеджером. Участник Иркутских поэтических слэмов и 15-го международного Фестиваля поэзии на Байкале им. А.И. Кобенкова. **Живёт в Иркутске.**

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

Литературный проект «ВЕЩЕСТВО»
РАЗДЕЛ 3. «ЧЕЛОВЕК»

www.promegalit.ru

Подписано в печать 13.01.2018 г.

Формат: 135x200 1/16

Тираж: 400 экз.